

СЧАСТЬЕ МОМЕНТА

18+

АННЕ ШТЕРН

Annotation

Берлин. 1920-е годы. Молодая энергичная акушерка Хульда Гольд очень популярна в своем районе, где на фоне нищеты и трудностей зарождается новая жизнь, где тень и свет соседствуют друг с другом, а тайны прошлого грозят разрушить все.

Она с радостью помогает тем, кто в этом нуждается, порой серьезно рискуя. В этот раз она пытается выяснить, почему погибла проститутка Рита, и знакомится с комиссаром Карлом Нортон. Оба чувствуют притяжение друг к другу, но есть еще старый поклонник Феликс, владелец кафе, который, кажется, до сих пор равнодушен к Хульде. Кого из них выберет Хульда? И сможет ли она узнать секреты Риты?

- [Анне Штерн](#)

-
-
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Послесловие](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Анне Штерн

Счастье момента

Anne Stern

FRÄULEIN GOLD: SCHATTEN UND LICHT, Vol. 1

© 2020 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

© Зубарева А., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

*«Удивительно,
— сказал
Вольфганг, — на
улице стоит
мертвая тишина,
светит луна, а они
здесь играют в
жизнь. И мы
присоединяемся к
этому спектаклю,
серьезно и
искренне, даже не
зная, что было в
первом акте».*

*Курт Тухольский,
«Райнсберг:
иллюстрированная
книга для
влюбленных»,
1912 год*

Пролог

Среда, 24 мая 1922 года

Медведь стоял на задних лапах и как будто пританцовывал. Рядом олень опустил свои могучие рога на землю, словно сдаваясь на его милость. Рита провела пальцем по прохладной поверхности свирепых львиных голов, выгравированных на железных перилах и блестящих в желтом свете фонаря. Подняв взгляд, она увидела, как поезд подобно хвосту кометы тянется по уходящей в берлинское небо эстакаде и исчезает в сгущающемся мраке по направлению к Потсдамерплац. Его огоньки отражались в черной воде.

День выдался теплым и, несмотря на то, что порой проскальзывали отголоски прохлады, нес с собой предчувствие лета. Был май, но погода стояла скорее апрельская. Порыв ласкового ветерка игриво закружил мелкие листья бука и липы, погладил мерцающие в сумерках серебристо-серые стволы деревьев, а потом заставил Риту вздрогнуть. Она вцепилась в перила моста и посмотрела вниз, на лениво текущие воды Ландвер-канала, на засасывающие глубины. В первые годы брака они с Конрадом часто ходили купаться – обычно на Ванзее, где песчаный берег плавно переходил в голубую гладь воды, которая расходилась пологими волнами, омывавшими Рите ноги. С ее места казалось, что голова Конрада качается, как буюк. Рита не умела плавать, поэтому просто стояла и смотрела на зеленую кромку берега, на играющих детей. Воспоминания вызвали у нее улыбку, перед глазами встали купальные костюмы тех времен. Что люди только не носили – особенно женщины! Длинные шаровары, купальные платья и даже шляпки. Это было еще до войны.

Рита со вздохом опустила взгляд на свой сегодняшний наряд. На ней было тонкое, почти прохудившееся от многочисленных стирок платье, не скрывающее рук и дряблой кожи декольте, и туфли на высоком каблуке. Тощие плечи Рита скрыла под шерстяной шалью – вечерами было довольно прохладно. На лице она чувствовала косметику, которая засохла и собралась в морщинках. От той девушки, которой Рита некогда была, не осталось и следа. Даже собственное

тело больше ей не принадлежало – каждую ночь она продавала его за несколько марок.

Сегодня Рите передали записку от одного из поклонников. «Поклонниками» она мысленно называла мужчин, с которыми спала за деньги. Безнадежно старомодное слово – да и ложь ко всему прочему, но так преодолевать невзгоды было чуточку легче.

– Только шустрая Рита согласится пойти на встречу с таинственным незнакомцем, – произнесла Мари густо накрашенными губами, и остальные женщины насмешливо захихикали. Рита ненавидела это прозвище, но не позволила замечанию задеть себя за живое. Она прочитала послание. Этим вечером ей назначили свидание у Кетенского моста. Пожав плечами, Рита сунула записку в декольте и отправилась на поиски жадных до любви прохожих, которых не заботят ее морщины и редющие волосы – пока она дает им то, что они хотят.

Высоко над головой загромыхал очередной поезд, и Риту охватило странное беспокойство. Где же автор послания? Она тратит свое время, напрасно ждет, отдавая потенциальных клиентов остальным проституткам в Бюловбогене...

Звезды на небе тускло мерцали, листья на деревьях шептали знакомую песню... «Как же здесь красиво», – подумала Рита, несмотря на обстоятельства.

Кто-то неожиданно схватил ее со спины. Крепко схватил. Зажал рот рукой – Рита и вскрикнуть не успела. Но она закричала мысленно, сражаясь со страхом смерти, который охватил ее при виде распростершейся внизу блестящей черноты. Она услышала пыхтящий вздох, увидела упавшую на перила бесформенную тень. В следующую секунду нападавший приподнял ее истощенное тело, перекидывая через железный парапет. Пока Рита падала, внутри у нее все похолодело и словно оборвалось, а в голове промелькнула мысль, что, возможно, погружение в воду похоже на полет – или полет наоборот, – и что отныне она перестанет быть «шустрой Ритой» и превратится в птицу, рыбу или кого-нибудь еще.

Это было последнее, о чем Рита успела подумать, прежде чем у нее над головой сомкнулись черные воды, и она широко открыла рот, встречая свою смерть.

Глава 1

Суббота, 27 мая 1922 года

«Хульда Гольд не похожа на остальных девушек», – подумал Берт, глядя на Хульду из своего маленького киоска. То, как она шла по базарной площади Винтерфельдплац – не вразвалку, не прогулочным шагом, а быстро и целеустремленно, – никого не оставляло равнодушным. Стройная фигурка, высокий рост, ставший причиной легкой сутулости, юбка до колен, серая блузка и красная фетровая шляпка, венчающая голову с короткой стрижкой... Хульда промаршировала мимо киосков и лавок, чуть не снеся большой цветочный горшок Эрики Грюнмайер, и направилась напрямик к окошку Берта.

Берт машинально поправил шелковый платок у себя на шее, а потом усмехнулся: он годится Хульде в отцы, с натяжкой – даже в деды. Впрочем, разве не все здесь немного влюблены в эту девушку?

– Доброе утро, милая госпожа Хульда, – поздоровался Берт с ноткой благоговения и склонил голову в небольшом поклоне. «Она выглядит усталой», – подумал он, заметив глубокие тени под серо-голубыми глазами девушки. Левый, как обычно, был устремлен куда-то мимо Берта, словно Хульда не могла решить, куда ей смотреть.

– Доброе утро, Берт, – сказала она, слегка запыхавшись. – Как выживаете?

– Грех жаловаться. – Берт указал сначала на витрину, заставленную стопками газет и журналов, а потом на стеллажи, на которых они висели так, чтобы можно было разглядеть заголовки, соперничающие друг с другом за внимание публики.

– Люди ежедневно интересуются подробностями о разводе Греты Шредер, ценами на хлеб и тем, когда в этом году созреет клубника. И хотят узнавать новости раньше всех. Газеты прокисают, как молоко, если не продать их вовремя. С шести утра у меня побывала добрая половина Шенеберга. – Берт огляделся. – Однако сейчас, похоже, все подуспокоились.

Хульда кивнула и мимолетно улыбнулась. «Она выглядит рассеянной», – с легким беспокойством подумал Берт. Светлые глаза с

серебристым отливом обшарили площадь, скользнули по кустам боярышника, вокруг которого росли маленькие яркие цветы. Потом девушка взяла газету и принялась просматривать заголовки. На протяжении последних нескольких недель с первых полос не сходили новости о германо-советском договоре, который заключили рейхминистр иностранных дел Ратенау и русский нарком Чичерин в итальянском городке Рапалло. Левые праздновали сделку с Советами, а правые яростно выступали против. Это случилось в апреле, а сейчас уже распустилась сирень, и царствующая в Берлине весна подходила к концу.

На пороге стояло лето.

«Пока 1922 год был относительно спокойным», – подумал Берт и зажмурился, когда под навес киоска скользнул солнечный лучик. Впрочем, за свою долгую жизнь Берт повидал достаточно, чтобы чувствовать: внутри молодой республики нарастает недовольство. Внешнее впечатление бывает обманчивым, думал Берт, поглаживая свои роскошные усы. Ничто не прощено и не забыто – ни погибшие в Великой войне, ни годы страданий, ни политические убийства, которые после войны стали для Германии обычным делом. Месяцы мнимого затишья, последовавший за ними военный переворот, когда два года назад бригада Эрхардта заняла правительственный квартал – что стало своего рода необходимым ответом на незаданный вопрос.

Берт смотрел, как Хульда проглатывает заголовки один за другим, слегка приоткрыв губы и нахмутив брови. Не о путче ли она вспоминает? Демократии всего год, она – невинный ребенок, которому снова грозят насилием. Многие были убиты, многие – ранены, когда путчисты устроили кровавую баню. Но берлинцы умеют защищаться, они бастовали и здесь, в Шенеберге, они остановили движение на главной улице, пока националисты не выбежали из шенебергской ратуши, словно крысы. Сейчас в стране воцарилось шаткое спокойствие, но под этим спокойствием бурлит людской гнев, вызванный кабальным договором, согласно которому Германия считается единственной проигравшей в войне стороной и должна выплачивать огромные суммы денег в качестве репараций. Многие называют Версальский договор «позорным миром», и с некоторых пор невидимые кукловоды снова собирают силы, чтобы вернуть себе потерянную честь и ударить по демократии. Что будет дальше?

Наконец Хульда подняла взгляд.

– Никаких плохих новостей, – заключила она, словно прочитав его мысли.

– Да, все тихо, – проворчал Берт.

Почему он изводит себя страхами и раздумьями, когда над крышами Шенеберга ярко улыбается солнце, в лавке старухи Грюнмайер пионы соревнуются в красоте с левкоями, а за этим цветочным великолепием неутомимым стражем возвышается величественный собор Святого Матьяша?

– Милая моя Хульда, неужто в этот погожий денек у вас выходной?

– Да, сегодня никаких пациентов. И никто пока не прибежал, чтобы сообщить о начавшихся родах. К счастью. Прошлая ночь закончилась слишком быстро. – Хульда зевнула, забыв прикрыть рот ладонью. – У беременной с Курфюрстенштрассе отошли воды, и домой я вернулась только на рассвете.

– Надеюсь, все закончилось благополучно?

– Да. С мальчиком все хорошо. У родителей он четвертый, поэтому отпуск по родам мать вряд ли получит. Отец работает токарем в несколько смен, и теперь ему придется кормить уже шесть ртов.

Берт задумчиво кивнул. Сколь бы красочной и радостной ни казалась жизнь здесь, на базарной площади, будни простых людей из густонаселенных доходных домов трудны и мрачны. Берта передернуло от воспоминаний о том, что некогда он тоже жил в бедности, среди запаха сырого белья, нечистот надворных туалетов и немытых тел, в вечном страхе перед очередным неоплаченным счетом за газ. Берт торопливо пригладил свой расшитый узорами жилет, схватил свисавшую из нагрудного кармана золотую цепочку от часов, словно талисман, и глубоко вздохнул. Его взгляд метнулся к Хульде. Заметила ли она что-нибудь? Берт не любил вспоминать о своем далеком прошлом и никогда о нем не рассказывал.

Впрочем, беспокоился он напрасно: Хульда уже отвернулась и глядела куда-то вдаль – возможно, рассматривала богатый выбор сыров из фермы Петерса, запах которых тянулся вдоль лавок и мимо шарманки. По воздуху разливалась томная мелодия известной песни, которую, на взгляд Берта, играли слишком часто. «Это было в Шенеберге в мае месяце»... Но Хульда, казалось, не слушала.

Прищурившись, она буравила взглядом кафе «Винтер», где хозяйский сын расставлял стулья на тротуаре. До газетного киоска доносился слабый аромат кофейных зерен. Берт понимающе улыбнулся, проследив взгляд Хульды. Теперь ясно, что ее отвлекло.

– Как поживает наш милый Феликс?

Хульда едва заметно вздрогнула. Посмотрела на Берта и неуверенно рассмеялась:

– А мне откуда знать?

– Милая моя госпожа Хульда, – сказал Берт дружелюбно, но слегка укоризненно. – Сколько лет мы с вами знакомы? Я думал, мы добрые друзья. Нет нужды разыгрывать передо мной спектакль, актриса вы никудышная. Вас всегда выдают глаза.

Щеки Хульды вспыхнули румянцем. Она принялась ковырять носком туфли булыжник на мостовой.

– А что Феликс? Думаю, у него все прекрасно. Дела в кафе идут хорошо – посетителей много, там всегда очереди, то и слышен звон кассы...

– Я спрашивал скорее про его сердце.

– Не мне судить. Я уже давно не имею к его сердцу никакого отношения.

Берт усмехнулся.

– Уверен, он считает иначе. Но не волнуйтесь, я не собираюсь вас более мучить. Если меня вдруг спросят, я расскажу официальную версию: госпожа Хульда, летающая на велосипеде повитуха с Винтерфельдтплац, не имеет никакого отношения к сердцу господина Винтера-младшего.

– Благодарю, это очень любезно с вашей стороны, – ответила Хульда слегка язвительно.

Берт спокойно продолжал:

– Я позволю себе дерзость задать последний вопрос: как поживает ваше сердце, милая Хульда?

– Оно делает свою работу. – Хульда прижала свернутый в трубочку экземпляр газеты «Берлинер Тагеблатт» к груди, как пистолет. – Сколько я вам должна?

Берт со вздохом взял позвякивающие монеты и покачал головой, провожая взглядом Хульду, которая с высоко поднятой головой отошла от газетного киоска и побежала в пекарню Визе, где, скорее всего, как

обычно купит одну белую и одну ржаную булочку. Стук ее каблучков по мощенной мостовой звучал укоризненно, и Берт подумал, не слишком ли далеко зашел в своих поддразниваниях. Но эта молодая девушка годами озадачивала его. Он знал Хульду еще тогда, когда она малышкой бегала по площади в сползающих чулках и с той смесью гордости и ранимости, которую можно увидеть у нее на лице по сей день. Время от времени Берт давал девочке леденцы или лакрицы, хотя в глазах у нее читался голод, который сладостями не утолить. Позже Берт стал свидетелем того, как в Хульду влюбился сын Винтеров, и в течение нескольких лет все здесь, на площади, предполагали, что этот милый кареглазый мальчик женится на непоседливой Хульде. Но потом страну захлестнула война, и жизнь распорядилась иначе.

Подошел покупатель – мужчина в костюме песочного цвета и в шляпе с плоской тульей и короткими прямыми полями. Берт никогда не видел его прежде. Он проводил неодобрительным взглядом струйки дыма, которые вырывались из приоткрытых губ с зажатой между ними сигариллой и туманом поднимались к навесу. Пепел упал на одну из газет, раздалось громкое шипение. Незнакомец виновато рассмеялся и выбросил сигариллу.

– Прошу прощения. Думаю, теперь мне придется ее купить.

Берт не сказал «нет» и с вежливым поклоном протянул руку, принимая деньги.

Мужчина стряхнул пепел с газеты, скрутил ее в трубочку и засунул себе под мышку. Потом пробежался глазами по прилавку. «Б. З.», «Фоссише Цайтунг», «Моттенпост»... Он казался разочарованным.

– Ничего не слышно о трупe из канала?

– Прощу прощения?

– О, так вы не слышали? Из Ландвер-канала выловили мертвую женщину. Она некоторое время пролежала в воде. Наверное, не очень приятное зрелище.

– Нет, я ничего об этом не знаю, – покачал головой Берт. – Она утонула?

– Говорят, покончила с собой, – ответил незнакомец, пожимая плечами.

– Бедная женщина.

Мужчина не выглядел расстроенным, напротив – губы его искривила возбужденная улыбка.

– Кто знает, вдруг в Берлине объявился маньяк, охотящийся на женщин? Нам не впервой. Да и простых преступников здесь хватает. Жажда крови, деньги, месть и все такое... из-за этого гибнет много людей. Особенно в этих кругах, знаете ли.

– О чем вы?

– Она была потаскушкой, – беспечно сказал мужчина, приподнял шляпу и был таков.

Берт вздрогнул. Резкие слова незнакомца взлетели в голубое весеннее небо. Он окинул взглядом базарную площадь, впитывая в себя все вокруг, словно желая убедиться, что оно настоящее. Вот на прилавке лежат тюльпаны, гортензии, гвоздики и букеты ярких цветов. Вот играют дети, с улюлюканьем гоняя палками железные обручи по мостовой. Вот деревянный чан со сливочным сыром. Вот попрошайки – оборванные сопляки, которые ходят от одной лавки к другой, протягивая свои грязные ручонки. А вот, посреди всего этого, маячит красная шляпка Хульды, обладательница которой закончила болтать с булочником и теперь со свертком в руках мчится через площадь, распугивая голубей.

У кафе Хульда остановилась. Берт видел, как она села за столик и подставила лицо солнцу. Видел, как вышел Феликс, на голове которого была кожаная кепка. Немного помедлив, он расправил плечи и подошел к Хульде. Берт не слышал ни слова, но видел улыбку Хульды, в которой, казалось, мелькнуло извинение, и натянутую улыбку Феликса. Юноша коротко кивнул, развернулся на каблуках и исчез в кафе, чтобы исполнить заказ. Вскоре он поставил перед Хульдой чашку кофе. Хульда схватила Феликса за руку, он нерешительно замер, но потом сбросил ее ладонь и ушел. «Сбежал», – подумал Берт, отвел взгляд, нацепил на нос очки и погрузился в один из рассказов Тухольского, которые читал, когда не было покупателей. История рассказывала о двух влюбленных из Райнсберга. История оказалась забавной, она была легко написана и быстро читалась, но за дурачествами Вольфганга и его возлюбленной проглядывала печаль. Берт снова вздохнул, удивляясь, почему сегодня, в этот погожий денек, его охватило такое меланхоличное настроение.

Глава 2

Воскресенье, 28 мая 1922 года

Хульда выругалась. Она и без того опаздывала, а теперь еще и колесо спустило... «Какая досада», – подумала она. Придется идти в Бюловбоген пешком. Это всего в десяти минутах ходьбы, но Хульда опять проспала, и юная Лило Шмидт, со страхом ожидающая родов, будет переживать, если ее акушерка не явится в назначенное время. Хульда ненавидела разочаровывать людей, которые в нее верили. Она словно наяву увидела лицо Лило с мягкими чертами, кукольные карие глаза, умоляющие о помощи, и тут же ощутила угрызения совести, острые, как зубная боль. А потом подумала, что ее не должны мучить угрызения совести, поскольку ей даже не платят за осмотр. Медицинские страховые компании не принимают счета за наблюдение за беременностью – только за роды. И за уход за новорожденным в первые несколько дней, чтобы акушерки помогали новоиспеченным матерям. Высокий уровень детской смертности тревожит государство, поскольку каждый умерший ребенок – удар по нему. Для того, чтобы улучшить положение, создавались консультационные центры, где матерям рассказывали, как ухаживать за ребенком. Но перед родами женщины остаются наедине со своими трудностями и страхами.

Хульда по опыту знала, что роды проходят куда легче, когда участники процесса знакомы друг с другом, поэтому иногда посещала семьи по собственной инициативе, то есть бесплатно. Хульде казалось, что как акушерка она может на что-то повлиять. Так она чувствовала себя важной и полезной.

Но житейские невзгоды слишком часто вставали у нее на пути, вот как сейчас – это спустившее колесо.

Тяжко вздохнув, Хульда схватила кожаный саквояж с инструментами и толкнула велосипед к стене. Он упал на мусорный бак, и по округе прокатился оглушительный грохот. Хульда закусил губу и, не отводя взгляда от дома, торопливо подняла своего железного коня.

Из открытого окна на втором этаже, выходящего в ухоженный двор Винтерфельдтштрассе, высунулась голова квартирной хозяйки,

роскошные белые волосы которой были накручены на многочисленные бигуди.

– Во имя всего святого! Хульда, что вы там расшумелись?

Щеки у нее блестели, как наливные яблочки, а острый, словно флажок, нос подрагивал от негодования. Маргрет Вундерлих была не из тех, кто позволит шуметь до восьми утра в своем обожаемом доме.

Хульда незаметно закатила глаза, а потом прокричала:

– Прошу прощения, госпожа Вундерлих! У моего велосипеда спустило колесо!

– Это не повод устраивать такой переполох. Да еще в воскресенье, – ответила хозяйка, запахивая халат на пышной груди. Ее брови были неодобрительно вскинуты, но через несколько секунд губы изогнулись в легкой улыбке. – На сей раз я прощу вас, Хульда, пусть даже вы напугали моего маленького Морхена. – Она указала на толстого черного кота, невозмутимо сидевшего на подоконнике.

Хульде было ни капельки не жаль животное, постоянно таскавшее в дом дохлых крыс.

Госпожа Вундерлих тем временем продолжала:

– Как бы то ни было, дорогая Хульда, я обеспокоена акробатическими этюдами, которые вы проделываете на этом своем велосипеде. В мое время было немыслимо, чтобы женщины пользовались этим устройством. Сидеть на жестком сиденье, расставив ноги... С медицинской точки зрения это крайне вредно. Подумайте о будущем, когда... ну вы сами знаете.

Хульда почувствовала, как в ней поднимается волна гнева. Можно подумать, ее квартирная хозяйка, которая всю жизнь только и делала, что жарила яичницу да меняла постельное белье, разбирается в медицине! Хульда с полным правом может называть себя специалистом по женскому здоровью, но в глазах госпожи Вундерлих она – незамужняя девушка с сомнительной работой. Да и бездетная к тому же. Проглотив колкость, Хульда просунула цепь велосипедного замка в колесо, затем – в железное кольцо на стене дома и провернула в замке ключ.

Хульда прожила в комнате на мансарде почти четыре года, поэтому хорошо знала госпожу Вундерлих и понимала, что возражениями только раззадорит ее. А у Хульды не было времени на споры. Лило ждала ее.

– Тогда вы будете рады услышать, что сегодня я пойду пешком, – сказала она, обезоруживающе улыбнулась вытянувшемуся от удивления лицу своей квартирной хозяйки, помахала ей и быстро выбежала со двора на улицу, куда голос госпожи Вундерлих не сможет за ней последовать.

Хульда злилась, когда госпожи Вундерлих лезла в ее дела, но не могла не признать, что ценит заботу. Госпожа Вундерлих была единственным человеком в мире, за исключением разве что Берта, продавца газет, который заботился о ее благополучии. Хульда невольно улыбнулась, вспомнив теплые вечера, которые провела на кухне Маргрет Вундерлих, сидя у пузатой печки с горячим грогом в руках и слушая болтовню квартирной хозяйки.

Но настроение Хульды оставляло желать лучшего, поэтому вскоре улыбка сползла с ее губ. Подержанный велосипед, который Хульде посчастливилось купить, был для нее воплощением свободы. Он нес ее по улицам, словно ветер, и обгонял даже автомобили, когда те, наперебой гудя клаксонами, стояли в пробке на Потсдамерштрассе. Он на короткие мгновения преодолевал законы времени и пространства – и пола, потому что девушек, ездивших на велосипеде, можно было по пальцам пересчитать. Обычно такую покупку могли позволить себе только работающие мужчины. Велосипед обошелся Хульде в кругленькую сумму, которую она копила несколько месяцев, но он того стоил. Теперь снова придется его чинить, а она ненавидела это занятие. Это Феликс показал Хульде, как накачивать колесо. Мысль о Феликсе отнюдь не улучшила ее настроение.

Хульда ускорила шаг и пересекла Потсдамскую улицу, полную пивных и винокуренных лавочек, парикмахерских и магазинчиков с женской одеждой. Ловко уворачиваясь от автомобилей, конных повозок и двухэтажных желтых омнибусов, Хульда направилась вдоль Альвенслебенштрассе, ведущей к Денневицплац. Здесь в небо уходили высокие ряды доходных домов, поглощающих свет весеннего солнца. Слева от Хульды по железным, окрашенным в красно-серый цвет рельсам на эстакаде прогремел поезд, исчезая в доме 70 по Бюловштрассе. В том доме построили туннель для беспрепятственного железнодорожного сообщения через город. Рельсовое чудовище вонзалось в здание, словно металлический змей, завораживающий своим уродством. Хульда с усмешкой подумала, что

только в Берлине могли продырявить дом, потому что он якобы мешал прогрессу.

Перед популярном пабом «Академише Бирхалле» мужчины-работяги выгружали пивные бочки, доставленные из кройцбергкой пивоварни «Виктория», чтобы измученные жаждой берлинцы могли промочить здесь горло после работы. Мужчинам помогали дети-беспризорники, надеявшиеся подзаработать пфенниг-другой. Высокий светловолосый юноша с детскими чертами лица покачивался под тяжестью бочки, но сумел дотащить ее до входа, после чего смахнул с лица мокрые от пота волосы. «Для своего возраста он на удивление силен», – подумала Хульда. Выждав подходящий момент, маленькая лохматая девочка в лоснящейся от грязи одежде стащила из повозки сверток и с торжествующим ревом бросилась прочь, на бегу запихивая добычу себе в рот под неискренние возмущения работяг.

Хульда была рада за малышку, хотя при виде голодных детских мордашек, напоминавших обезьянок в берлинском зоопарке, у нее всегда перехватывало горло. Она отвернулась и вошла в соседний дом, узкое здание с тремя заваленными мусором приемками, где сновали крысы. На стене белой краской было написано «Смерть евреям!» и «Прочь с немецкой земли!». Воняло древесным углем и нечистотами туалетов, находящихся на темных лестничных пролетах, общих на несколько квартир. Хульда знала, что болезни любят такие места и часто поражают бедняков, ютящихся в сырых продуваемых квартирах. Вдобавок ко всему люди частенько за небольшую плату сдавали свободный угол, потому что после войны в Берлине остро не хватало жилья.

Хульда принялась взбираться по узеньким ступенькам бокового флигеля. Ей пришлось перешагнуть через храпящего рабочего, который спал на матрасе посреди лестничного пролета. Сверху слышался звук торопливо приближающихся шагов, и с Хульдой поравнялась худенькая девочка лет пятнадцати с заостренным лицом и песочно-рыжими косичками. Рваная одежда и небольшой сверток, который девочка прижимала груди, говорили о том, что она проскользнула вчера в дом, чтобы укрыться от прохладной весенней ночи на лестнице. На мгновение их взгляды встретились, и Хульда прочитала в глазах девочки страх и отчаяние загнанного в угол зверька.

Хульда решительно схватила ее за руку, ощущая выступающие острые косточки – результат длительного недоедания.

– Пстой, – сказала она. – Есть хочешь?

Девочка недоверчиво посмотрела на нее и осторожно кивнула. Хульда полезла в карман пальто, вытащила яблоко, которое торопливо сунула туда во время сборов, и протянула девочке. Смерив яблоко жадным взглядом, девочка спрятала его в недрах своей грязной одежды, молча прошмыгнула мимо Хульды и сбежала вниз.

Хульда покачала головой. Город должен был помогать малоимущим, но ресурсов не хватало. Как же это злило! Страна все еще зализывала раны после войны, казна с трудом выплачивала репарации. Добавим сюда стремительно растущую инфляцию, которая съедала все деньги... С каждым днем Хульда видела на улицах все больше детей-беспризорников, и ей приходилось сдерживаться, чтобы не помогать всем. В первую очередь она должна заботиться о нерожденных детях, которые желают увидеть свет этого изменчивого мира.

Быстро поднявшись наверх, Хульда постучала в квартиру Шмидтов. Краем глаза она заметила, что дверь напротив заклеена лентой. Полиция опечатала квартиру. Хульда пожала плечами и принялась ждать, когда же на пороге появится детское личико Лило, но вместо этого дверь открыл ее муж Вольфганг. Кожа молодого заводского рабочего была землистого цвета, на щеках и подбородке темнела щетина.

– Госпожа Хульда! – сказал Вольфганг, и в его усталых глазах появилось облегчение. – Проходите скорее. Лило уже извелась, боялась, что вы не придете.

– Прошу меня извинить. Утром я обнаружила, что у моего велосипеда спустило колесо. Мне пришлось идти пешком.

– Прокол?

Хульда пожала плечами:

– Не знаю.

– Прикатите велосипед сюда. Я только со смены и хочу ненадолго прилечь, но вечером могу быстренько починить его перед работой.

Девушка отмахнулась:

– Спасибо за предложение, но я и сама справлюсь. Вам нужно отдохнуть. Если у вас есть свободное время, то лучше проведите его со

своей женой, а не чините велосипед повитухе.

– Да не, я с удовольствием, – сказал Вольфганг, смущенно почесывая затылок. – Мы ведь не можем вам заплатить.

Хульда подняла руку, показывая, что тема закрыта. Наверняка Вольфганг и правда был бы рад сбежать из тесной квартирки, вместо того чтобы стирать белье у низкой раковины и терпеть беспокойную болтовню Лило. «Но ему, как и всем будущим отцам, придется через это пройти», – подумала Хульда, сдерживая улыбку. Рождение ребенка касается не только матери, но и всей семьи, и Хульда взяла за привычку готовить мужчин к тому, что после появления младенца их жизнь изменится.

– Что случилось с вашими соседями напротив? – поинтересовалась Хульда, чтобы сменить тему.

Вольфганг с обеспокоенным видом приложил палец к губам и покачал головой.

– Понятия не имею, но не упоминайте об этом при Лило, прошу. Она сейчас комок нервов. Лило последние дни не выходит из квартиры, поэтому пока ничего не знает. – Он провел пальцами по волосам. – Рита Шенбрунн – одинокая женщина. Потаскушка – извиняйте за грубое словечко, госпожа Хульда. Не такой компании я желаю для своей беременной жены. Мне давно следовало пресечь их общение, но Рита пришлась Лило по душе. Надеюсь, с ней все хорошо. В любом случае, Лило сейчас не следует беспокоиться.

Хульда не могла не согласиться, даже если ей было противно от того, насколько покровительственно Вольфганг говорит о своей жене. Собственная независимость в очередной раз показалась Хульде благословением. Но Вольфганг был прав: волнение – яд для беременных.

– От меня Лило ничего не узнает, – прошептала она.

Вольфганг благодарно кивнул и провел ее через узенький коридор на кухню, рядом с которой находилась спальня. Других комнат в квартире Шмидтов не было. Пахло капустой и затхлым постельным бельем, но на кухонном столе стояла кружка с полевыми цветами, а чайник на плите блестел. Через все помещение тянулась бельевая веревка, на которой висели серовато-белые рубашки и кальсоны, которые, наверное, долго сохли в этой духоте.

– Налить вам кофе? – вежливо спросил Вольфганг и, склонив голову, направился к плите.

Но Хульда отмахнулась от него.

– Я сама. А вы ложитесь-ка спать, – приказала она.

Вольфганг снова благодарно кивнул, лег на узенькую скамейку у кухонного окна, завернулся в шерстяное одеяло и мгновенно заснул.

Хульда поставила чайник, взяла свой саквояж и направилась в спальню. Лило все еще лежала в постели. Эта девушка, находившаяся на сносях, напоминала Хульде беспомощное животное, которое забилося в нору. Она не стала озвучивать свои мысли, только ободряюще улыбнулась и поприветствовала Лило:

– Доброе утро, моя дорогая. Вы прекрасно выглядите. – Святая ложь была частью ее работы.

Широкие карие глаза Лило блестели, словно она недавно плакала, волосы были спутаны и немыты. Но благодаря круглому лицу с нежной светлой кожей и розовой ночной рубашке Лило выглядела совсем юной и какой-то трогательной. Смутившись, девушка затеребила кружевную кайму на вырезе.

– Вольфи смеется надо мной, мол, я слишком беспокоюсь об одежде. Но знаете, если уж жить в этой помойке, – Лило угрюмо обвела рукой комнатушку, почти полностью занятую двуспальной кроватью и ветхим комодом с отколотыми углами, – то надо постараться хотя бы выглядеть прилично. – Девушка понизила голос, словно собираясь поделиться сокровенной тайной, и продолжила: – В юности я мечтала стать швеей, но у родителей не было денег, чтобы отправить меня в школу. А уж отдать в подмастерья так тем более! Потом я вышла замуж, вот, жду ребеночка... Но в глубине души я мечтаю шить бальные платья и шикарные наряды для кинозвезд. Как в кино. Вы когда-нибудь были в кино, госпожа Хульда?

Хульда кивнула. Она была частой гостьей кинотеатров, куда сбегала от реальности, но ей не хотелось хвастать этим перед юной девушкой.

– Я с легкостью могу представить вас за швейной машинкой, Лизелотта. У вас талант, это видно по вашей ночной рубашке и вон той симпатичной шапочке.

– Пожалуйста, зовите меня Лило, как и все, – надула губки девушка, потом посмотрела на белую вязаную шапку, лежащую на

стуле, и ее личико просияло. – Это соседка мне подарила. Ну, для ребеночка. Миленькая шапочка, правда?

Хульда кивнула:

– Еще довольно прохладно, и на улице малышу она будет нужна. У младенцев не развит теплообмен, в отличие от детей постарше или взрослых, поэтому им всегда нужно прикрывать голову. – Желая избежать разговора о соседке, Хульда сменила тему: – И раз уж об этом зашла речь, вы уже подготовили вещи для ребенка?

Лицо Лило помрачнело. Она пожала плечами.

– На заводе снова сократили жалование. У нас не осталось денег ни на ткань, ни на пряжу. Мы даже подержанную коляску не можем купить. Мой бедный малыш с самого рождения поймет, что значит жить в жалком Бюловнике...

Хульде стало жаль эту девушку. Она знала, что больше всего на свете Лило хочет позаботиться о своем ребенке. Она осторожно сказала:

– С коляской я могу вам помочь. У меня есть знакомые, которые отдают коляску своего ребенка. Если вы согласны, то через несколько дней я привезу ее.

По лицу Лило было видно, что в ней борются радость и уязвленное самолюбие. Первое победило.

– Благодарю, госпожа Хульда, это было бы здорово. – Она с готовностью закивала. – Мне хочется показать свое сокровище всему миру, хочется гулять с ним по улицам! Здесь, в квартире, я чахну как цветок. Но с этим мячиком, – она указала на свой живот, – мне страшно спускаться по лестнице.

– Солнце и свежий воздух полезен как матери, так и ребенку, – подтвердила Хульда. – Что касается одежды, – продолжала она, – то первое время малышам нужно немного. Пары рубашек и двух пар шерстяных штанов будет достаточно. Может, здесь, в доме, есть семьи с детьми постарше, которые могли бы одолжить вам детские вещи?

Лило кивнула:

– Да, две соседки уже предложили мне одежду. Мне бы очень хотелось одеть малыша во что-нибудь новенькое, но вы правы: у меня нет права привередничать. Вольфи тоже всегда так говорит.

Из кухни доносился храп Вольфганга, и Хульда подумала, что чем быстрее Лило смирится со своим положением, тем лучше. Вряд ли оно

изменится: ее муж – неквалифицированный заводской рабочий, скоро у них будет ребенок, а потом еще один и еще. Вскоре в этой комнатухе будут спать трое Шмидтов, а через несколько лет – четверо или пятеро. Хульда видела, как такое происходило во многих семьях, которые она навещала. Лило и Вольфгангу некогда будет переживать из-за отсутствия кружев или новой детской одежды. Им предстоит бороться с болезнями, вшами, голодом, горами белья и гнетущей нищетой. Им предстоит зажиматься и экономить, чтобы дать своим детям хоть начальное образование – и в конце концов придется пожертвовать собственными мечтами и амбициями. Такова жизнь, которая их ждет, неотвратимая и беспощадная. Шмидты родились на Бюловштрассе, здесь они и умрут. Если очень повезет, то в старости, но, скорее всего, в расцвете лет, – в родах или от болезни.

Хульда испугалась своих мрачных мыслей. Иногда девушка задавалась вопросом, почему она продолжает помогать семьям из бедных районов, хотя ничего не может изменить? Ответ: потому что она должна им помочь! Потому что у людей только одна жизнь, и они имеют право прожить ее настолько достойно, насколько возможно.

Акушерка глубоко вздохнула. На кухне засвистел чайник, и она заторопилась туда, боясь разбудить Вольфганга. В шкафу над плитой она нашла посуду и одну банку с чаем и одну – с кофезаменителем из цикория, положила ложку заварки в кружку с отколотой ручкой и залила кипятком. Потом осторожно, стараясь не разлить, отнесла кружку в спальню и поставила на комод, остужаться.

Хульда пододвинула саквояж к изголовью кровати и потерла руки, чтобы их согреть.

– Что ж, посмотрим, что вытворяет наш маленький проказник, – сказала она с напускным весельем.

Глаза Лило засветились от радости. Удивительно, но какими бы бедными и несчастными ни были люди, рождение ребенка для большинства из них означало одно: счастье.

– Хотелось бы мне знать, мальчик это или девочка, – тихо сказала Лило.

Рассмеявшись, Хульда достала из саквояжа инструменты.

– К сожалению, этого слуховая трубка нам не скажет, поэтому придется немного подождать.

Она задрала ночную рубашку и ощупала беременный живот.

Лило с тревожным видом следила за каждым движением, пока Хульда не закончила и не похлопала ее по руке.

– Все замечательно. С последнего осмотра ребенок не перевернулся, он послушно лежит головой вниз. Можно сказать, что он на финишной прямой. – Хульда положила руку Лило на живот и погладила его. – Ваш малыш хорошо развит, он большой и сильный. Думаю, он почти готов появиться на свет.

Она снова приложила слуховую трубку к животу, закрыла глаза и прислушалась. Вот оно – рядом с тихим сердцебиением матери галопировал ровный и сильный пульс ребенка.

– Он правда в порядке? – спросила Лило.

– Да, – подтвердила Хульда, убирая слуховую трубку. – Его маленькое сердечко стучит образцово. У вас в животе послушный малыш, который знает, что от него требуется.

– Хотела бы я тоже это знать, – со слезами на глазах пробормотала Лило. – Но я понятия не имею! Мысль о родах приводит меня в ужас! По ночам я почти не сплю, потому что все время думаю о том, как это больно...

Хульде были хорошо знакомы страхи первородящих матерей.

– Со всеми так, – сказала она и бережно отвела волосы с лица взволнованной Лило. – Но как только роды начнутся, вы сразу поймете, что делать – тело само подскажет. Вам останется лишь следовать этим подсказкам. Да и я буду рядом.

– Вы придете сразу, как я позову? – спросила Лило.

Хульда кивнула.

– Конечно. Отправьте на Винтерфельдтштрассе одного из соседских ребятишек, я сяду на велосипед и примчусь так быстро, что вы и пикнуть не успеете.

После этих слов девушка вспомнила о спущенном колесе. Нужно побыстрее с ним разобраться! Вздохнув, она подоткнула Лило одеяло и встала с кровати. Следует поспешить: сегодня ей предстояло навестить еще двух беременных. Они на меньшем сроке, чем Лило. Пешком на это уйдет гораздо больше времени, чем на велосипеде...

– О, вам уже пора? – спросила Лило, и в ее голосе промелькнуло разочарование. – Знаете, – добавила она, – мне ужасно скучно. Вольфи почти нет дома, а когда есть, то спит. Я все понимаю, но мне очень не хватает компании. Я не из тех, кто любит одиночество.

– А с соседками вы не ладите? – поинтересовалась Хульда и прикусила себе язык. Не следует наводить Лило на мысль о том, чтобы выйти в коридор – ведь тогда она увидит опечатанную дверь!

Лицо Лило просветлело.

– Госпожа Шенбрунн, живущая напротив, очень добра. Время от времени мы болтаем у нее на кухне или если встречаемся на улице. Но я давно ее не видела...

– Вам следует придерживаться постельного режима, – сказала Хульда, хотя обычно она советовала беременным совершать медленные прогулки и потихоньку что-нибудь делать, чтобы отвлечься. Но сейчас она чувствовала, что новости о соседке из квартиры напротив могут вызвать у Лило нежелательное волнение. – Выпейте чаю, немного почитайте. – Хульда кивком указала на комод, где возле кружки лежали два старых, потрепанных выпуска какого-то модного журнала. – Скоро компания у вас будет и день и ночь.

Про себя она подумала, что в компании новорожденных детей многие женщины чувствует себя такими же одинокими, как Лило, если не больше. Новоиспеченные отцы частенько не выдерживают заточения в квартире и детского плача по ночам – и сбегают, предпочитая проводить некоторое свободное время в пабах, а не мерить шагами тесную квартиру, держа в руках кричащий сверток. Матерям, оставшимся один на один с тяжелой повседневностью, приходится без посторонней помощи справляться с малышом. Но сначала нужно вытащить этого малыша из перепуганной матери целым и невредимым. Ждать осталось недолго, Хульда видела это своим опытным взглядом.

– У вас еще не было выделений? – спросила Хульда, закрывая саквояж. Девушка с недоумением посмотрела на нее, и тогда Хульда добавила: – Вы не замечали на нижнем белье слизистых или, может быть, кровянистых выделений?

Лило покраснела и кивнула, опустив глаза.

Хульда мысленно вздохнула. Германская империя распалась, но после десятилетий ханжеского вильгельминизма женщины не могут воспринимать биологические процессы своего тела как нечто естественное. Отсюда и берутся страхи. Если женщине не позволено осознавать, что происходит с ее телом, то как ей осознать что-то столь ошеломляющее, как роды? Иногда Хульде хочется встряхнуть своих

подопечных, попросить их открыть глаза и познать себя, воспринимая свое тело как союзника, а не как врага. Но Хульда знала: многие просто не поймут, что она имеет в виду.

Она терпеливо объяснила:

– Выделения говорят о том, что родовые пути открыты, а значит, роды не заставят себя долго ждать. Попросите мужа позаботиться о том, чтобы чистые полотенца были у вас в избытке.

Лило кивнула и помахала на прощание рукой. Хульда заметила, как обручальное кольцо врежется ей в мякоть пальца. Этой девушке не исполнилось и двадцати, а она уже завела семью. Хульда не столь молода, ей уже двадцать шесть и... Нет! Она, как всегда, решительно отогнала от себя эти мысли. Нет смысла думать о собственной бездетности. Хульда всегда запрещала себе даже малейший намек на грусть.

«Быть может, когда-нибудь...» – подумала она и решительно направилась к двери.

– Лило? – На пороге она обернулась. – Позовите за мной, как только вам что-нибудь понадобится.

Помахав на прощание, Хульда тихо прошла через кухню и темный коридор. Стоило выйти на лестничную клетку, как ее взгляд упал на опечатанную дверь квартиры напротив. На ум пришли слова Лило: «Но я давно ее не видела...» Что могло произойти?

Пожав плечами, Хульда спустилась по скрипучим ступенькам и торопливо прошла мимо шумной детворы, теснившейся между мусорными баками, и свободно бегающих по двору кур. Небо еще сильнее заволокло облаками. Следующая беременная, которую Хульда собиралась навестить, жила во Фриденау. Придется сесть на трамвай, чтобы успеть туда вовремя...

Глава 3

Понедельник, 29 мая 1922 года

Запах морга каждый раз пробирал Карла Норта до самых костей. Вообще-то Карл считал себя тертым калачом: ему довелось повидать мертвецов на всех стадиях разложения, он читал трупы как открытую книгу... Но это впитавшееся в стены тошнотворно-сладкое зловоние, которое резко било в нос, выводило его из равновесия.

Сегодня утром запах был особенно ужасным.

Карл угрюмо подумал, что предпочел бы держаться подальше от дела, которое предстоит расследовать. Оно вызывало у него страх, однако он старался не подавать вида. Подчеркнуто твердым шагом он подошел к столу для вскрытия и встал рядом с патологоанатомом. Фриц Габер невозмутимо жевал яблоко, рассматривая женский труп. Его лысина блестела в электрическом свете потолочной лампы. Из уголка рта стекала тоненькая струйка сока, и Карл на мгновение отвел взгляд. Габер окинул его насмешливым взглядом.

– В чем дело, комиссар Норт? Неужто вам подурнело?

– Ни в коей мере, – отозвался Карл, пытаюсь говорить как можно спокойнее. – Итак, что скажете?

Свободной рукой Габер толкнул тело, словно дружелюбно тыкая в бок хорошего знакомого.

– Перед нами дама в возрасте. И те три дня, которые она провела в воде, отнюдь не прибавили ей свежести.

Карл со смесью любопытства и отвращения осмотрел лицо и тело покойницы. Ее глаза были закрыты. Жидкие светлые волосы с серебристыми прядями торчали сосульками. Внешних повреждений видно не было – за исключением разве что небольших ссадин на животе и бедрах. В остальном женщина выглядела как типичная утопленница: вздутые руки и ноги, серовато-голубоватая кожа...

Габер схватился за нготь на указательном пальце правой руки, и тот отвалился. Карла замутило. Он торопливо вытащил из кармана халата пачку «Юно», достал сигарету и закурил. Глубоко вдохнул и выдохнул. После нескольких затяжек перед глазами прояснилось.

– Как я уже сказал, покойница пробыла в канале несколько дней. Ее нашли игравшие на берегу детишки. Думаю, им долго будет не до веселья... – Патологоанатом указал на лицо трупа. – Вот, смотрите.

Карл неохотно склонился над мертвой женщиной, нос и рот которой облепили беловатые хлопья, похожие на засохшую пену. Карл поймал себя на том, что изучает ее лицо дольше необходимого.

Хабер проследил за его взглядом и кивнул, словно отвечая на незадаанный вопрос.

– Совершенно верно. У нее шла пена изо рта.

Карл выпрямился и шагнул назад, надеясь, что патологоанатом не заметит его нервозности.

– Значит, женщина была жива, когда упала в воду?

Габер бросил сердцевину яблока в жестяное корыто.

– Причина смерти – утопление, это точно. Наверное, она не умела плавать. Вопрос в том, какого черта она отправилась купаться. Весной. В Ландвер-канал. Вода там двенадцать градусов.

– Самоубийство?

– Похоже на то. Бедняга была потаскушкой, так что жизнь у нее была не сахар.

– Откуда вам это известно?

Габер указал на стол у себя за спиной, где лежала одежда покойницы.

– На ней было блестящее платье и дешевые кружевные подвязки. Кроме того, я обнаружил вагинальные и анальные повреждения, некоторые совсем свежие.

Карл вздрогнул. На что только не идут эти бедные женщины... просто в голове не укладывается. Но он прослужил в полиции достаточно долго и знал, что для некоторых проституция – единственная возможность выжить. Но сейчас его особенно корбила мысль о том, что бедняжка пережила перед смертью.

– Рожавшая? – Он с силой потушил сигарету о жестяное корыто.

– Да. Скорее всего, не один раз.

– Значит, у нее должны быть родственники.

Габер снова кивнул.

– Это уже ваша работа, Норт, – сказал он. – Я бы поспрашивал о ней к югу от Кетенского моста. Скорее всего, покойница жила

на Курфюрстенштрассе или в Бюловбогене. Вы наверняка хорошо знаете эти места.

Карл ошарашенно уставился на Габера. О чем это он?! В упомянутых местах процветали алкоголь, наркотики и проституция. После образования Большого Берлина там медленно, но верно расцветал квартал с увеселительными заведениями, грозящий составить конкуренцию Александерплац и Кройцбергу. Что патологоанатому известно?

Только потом Карл понял, где собака зарыта, и громко рассмеялся от облегчения.

– На секунду я подумал, что вы на что-то намекаете.

Габер многозначительно усмехнулся.

– Наменяю? Такому невинному агнцу, как вы? Упаси боже. Но вы, кажется, родом из тех мест?

– Не совсем. Я вырос не там, а неподалеку, – неопределенно ответил Карл, подумав о темных стенах детского дома, палках протестантских сестер и карцере в глубине подвала. Но он быстро выкинул образы из головы. Всю свою взрослую жизнь он только и делал, что подавлял эти воспоминания, стоило им возникнуть.

Твердо посмотрев на патологоанатома, Карл сказал:

– Имя погибшей нам уже известно. В полицию поступило сообщение об исчезновении женщины, некой Риты Шенбрунн. Она несколько дней не появлялась на работе. Мы уже побывали у нее в квартире.

– Неужели? – спросил Габер, даже не пытаясь изобразить интерес. Его, как обычно, заботили только следы, которые можно найти на теле покойника. Все остальное не имело для него значения.

Габер почти разочарованно добавил:

– Значит, в галерее ее фотография не появится.

Карл сказал, что нет, не появится. Патологоанатом говорил о галерее ледяных кровей снимков, что висели в полицейском управлении на Александерплац. В этом здании из красного кирпича посетители и полицейские каждый день проходили мимо фотографий, на которых были изображены неопознанные тела с отрубленными конечностями и головами, ожогами, огнестрельными ранами размером с кулак... Бесконечная вереница насилия.

Как можно небрежнее Карл спросил:

– Вы уверены, что эта женщина покончила с собой?

– Я уверен только в том, что она мертва, – ответил Габер. – Учитывая дела, творящиеся в округе, убийство нельзя исключать. Недовольный клиент, разозлившаяся соперница... Впрочем, эта бедняжка выглядит совсем измученной. Вряд ли она представляла угрозу для своих товаров.

С этими словами Габер сочувственно похлопал покойницу по ноге, а потом накрыл ее простыней.

– Время выпить кофеек, – сказал он и направился к выходу из морга.

Рассеянно кивнув, Карл проводил патологоанатома взглядом и снова посмотрел на простыню, под которой лежала мертвая женщина. Он не мог отвести от нее глаз, хотя больше всего на свете мечтал оказаться подальше отсюда. Мечтал передать это дело другому уставшему полицейскому, одному из своих коллег из отдела по расследованию убийств. Смерть Риты Шенбрунн задела его за живое, но он не мог придумать ни одной правдоподобной причины, чтобы отказаться от расследования.

На нехватку работы жаловаться не приходилось. С тех пор, как Карл поступил на службу в Главное полицейское управление Берлина, не проходило и дня, чтобы они с коллегами не носились по городу, как загнанные псы, подгоняемые своим начальником, дородным Эрнстом Геннатом. Глава уголовной полиции поставил перед собой задачу навести в управлении порядок, он славился своим быстрым умом и фанатичной преданностью делу, чего требовал и от своих подчиненных.

– Вы небось возомнили себя Фуше, – ворчал он с зажатой в зубах дымящейся сигарой, которую коллеги Карла насмешливо называли «вечным огнем». – Но Фуше никогда не работал спустя рукава, помните об этом!

Карл отнюдь не мнил себя министром наполеоновской полиции Жозефом Фуше. Он стал комиссаром уголовной полиции скорее случайно, нежели по ведению сердца. Такой путь избирали многие талантливые юноши, у которых не было средств, чтобы получить ученую степень и, следовательно, построить академическую карьеру. В основном это были сыновья офицеров, имевшие старших братьев, на образование которых уже ушла большая часть семейных сбережений.

Карл не входил в их число, но показал себя юношей со светлой головой, и благодаря пожертвованию богатого покровителя приют предоставил ему стипендию. После окончания гимназии он поступил на службу в прусскую полицию, затем сдал экзамен на помощника комиссара по уголовным делам и наконец был назначен комиссаром. Карл знал: он должен радоваться тому, что столько добился. Он, незаконнорожденный сирота, и, следовательно, ублюдок, вел жизнь добропорядочного бюргера, занимал почетную должность, работал на порядочной работе, к которой, по словам окружающих, у него был талант. Даже Геннат иногда одобрительно ворчал, когда Карл с коллегами раскрывали очередное сложное дело.

Но временами работа бывала ему противна.

В такие минуты он жалел, что не стал бухгалтером, банковским служащим или военным – хотя в этом случае ему пришлось бы надеяться, что в ближайшее время войн больше не будет. Прежде Карлу повезло: его призвали только в последние недели Великой войны, и в боевых действиях он почти не участвовал – в отличие от большей части мужского населения. Через три года после окончания войны госпитали все еще переполнены инвалидами с изуродованными телами и неузнаваемыми лицами. По крайней мере, внешних шрамов у Карла не было. Но зато были внутренние, с горечью подумал он и в очередной раз прогнал из головы мысли о карцере, в котором его однажды заперли и заставили часами стоять на коленях, пока он не раскается. Карл так и не понял, в чем должен был раскаяться и почему его наказание было столь суровым.

Собравшись с силами, он снял одолженный халат, небрежно повесил его на крючок у двери и вышел. Некогда королевский морг располагался в центре города, на Ганновершештрассе, а Карл собирался вернуться в полицейское управление на Александерплац и проверить улики – нельзя допускать ошибок, расследование должно идти по всем правилам. Потом можно будет подумать об обеденном перерыве.

В управлении Карл встретил Пауля Фабрициуса, своего помощника. Полноватый молодой человек с лысеющим лбом, получивший из-за своей непоседливости прозвище Пуля, сидел на столе и любезничал с машинисткой, которая, хихикая, прижимала к груди папку с документами. При виде начальника Фабрициус

поспешно соскользнул со стола и посмотрел на него со смесью вины и торжества. Карл не обратил на это внимания. Он считал заигрывания с противоположным полом пустой тратой времени, хотя не уставал удивляться тому, как его помощник вопреки посредственной внешности умудрялся очаровать всех вокруг – как мужчин, так и женщин. Фабрициус был таким еще тогда, когда окончил полицейскую академию и попал под его командование. Карл не мог с уверенностью сказать, что этот молодой человек ему нравится. Да, Фабрициус был веселым, сообразительным и трудолюбивым, но что-то в нем вызывало у Карла ощущение, что ему нельзя слепо доверять. Он был ужасно нетерпелив, и, казалось, ничто не могло укрыться от взгляда его сверкающих глаз.

Карл открыл Фабрициусу все тайны сыскного дела, хотя тайну неотразимости Фабрициуса ему разгадать не удалось. «Возможно, все дело в ауре уверенности, которую он излучает», – мрачно подумал Карл. Такая аура свойственна юношам, которые росли богатыми, защищенными и привилегированными, чья жизнь не состояла из череды неудач и подачек, а сопровождалась ощущением надежности, вызванным наличием выбора. Фабрициусу не пришлось ждать милости благодетелей, чтобы добиться успеха, весь мир был у его ног. Включая женщин.

– Новости есть? – спросил Карл.

Фабрициус печально покачал головой и откусил кусок от сырной булочки. У него на лбу залегли три аккуратные морщинки.

– Похоже, никто ничего не слышал и не видел.

«Хорошо, – подумал Карл, – очень хорошо. Это дело быстро передадут в архив».

Позавчера они с Фабрициусом осматривали квартиру погибшей. Там не было ничего необычного – за исключением, конечно, одной детали, которую подметил только Карл. Скоро следы затеряются, дело закроют... Однако Карл не знал, правда ли этого хочет. Закрывать ли глаза на подозрение, которое преследовало настойчиво и нагло, как бродячая шавка, иль рыть носом землю, пока не доберется до правды? «Что хуже, – размышлял он, пожевывая ноготь большого пальца, – остаться слепым или заглянуть в “уродливое лицо зла”?»

Приехав два дня назад в Бюловбоген, Карл не смог подавить дрожи. Небо было затянуто, облака рваными клочьями ползли над

серыми крышами. Дом выглядел неприглядно: закоптелые стены, во дворе – горы мусора. Повсюду валялись разбитые бутылки. Посреди этого безобразия сидели маленькие детишки, словно лучше игровой площадки было не сыскать. Карл со своим помощником быстрым шагом прошли в последний подъезд.

Карл провел бесчисленное количество обысков в беднейших районах Берлина, поэтому смесь запахов, обрушившаяся на него в мрачном подъезде, была ему хорошо знакома: экскременты, готовящаяся еда и гниение. Слишком мало места, слишком много людей, которые не могут толком ни помыться, ни высушить белье.

Если бы Карлу повезло чуть меньше, то на месте любого из этих людей мог оказаться он. Он с отвращением посмотрел на Фабрициуса. Тот, конечно, никогда не жил в подобных условиях.

Кастелянша на первом этаже с грохотом протянула им запасной ключ от квартиры госпожи Шенбрунн и замогильным голосом произнесла:

– Было ясно, что Рита плохо кончит. Вообще раньше она была при деньгах, но потом началась война, и все пошло под откос. А как она прикладывалась к бутылке!

Карл решил допросить кастеляншу позже. В первую очередь он хотел осмотреть жилище покойной.

Полицейские торопливо взбежали по лестнице и постучали в дверь. Когда никто не отозвался, они отворили дверь ключом и вошли. В квартире была всего одна комната, которая служила кухней, гостиной и спальней одновременно. Кроме нее нашлась каморка, где лежали скудные припасы еды и кое-какая одежда. На стенах не висело ни одной картины. «До чего здесь чисто, – удивился про себя Карл. По-видимому, хозяйка в меру своих скромных возможностей старалась поддерживать в квартире порядок.

– Странно, правда? – спросил Фабрициус, указывая на голые стены, на пустую кухонную столешницу и аккуратно сложенное шерстяное одеяло, лежащее на скамье. – Никаких следов жизни. – Он вытер со лба пот.

Карл кивнул и медленно прошелся по комнате. Он по опыту знал, что первое впечатление имеет большое значение. Он всегда старался делать выводы о характере человека на основании того, о чем говорит его жилище. Но эта квартира молчала. Можно подумать, здесь обитал

призрак, который, не оставляя следов, скользил по немногочисленным предметам мебели. На маленьком кухонном столике стояла корзинка с лоскутным бельем и вязальными спицами. В коробке на плите лежал заплесневелый кусочек хлеба.

– Шеф? – позвал из каморки Фабрициус, который рылся в вещах. Он высунул голову из низкой двери и протянул Карлу тетрадь. Потертая обложка, потрепанные уголки... – Похоже на дневник.

С этими словами Фабрициус вернулся в комнату и принялся осматривать банки и бутылки, стоявшие на низкой деревянной полке.

Карл взвесил тетрадь в руке и пролистал несколько страниц. Детским почерком его владелица делала краткие записи со времен войны.

Он быстро перелистнул страницы. Самой последней записи, датированной мартом двадцать второго, было больше года. Заканчивалась она следующими словами: «Теперь и этому конец, а значит, из-за меня больше никто не страдает».

Карл собирался сунуть тетрадь в карман, но она выскользнула у него из рук. На пол вылетел сложенный листок, которого он не заметил раньше. Карл поднял его и развернул. Бумага была тонкой и потертой от времени. Перед ним оказалось письмо с подтверждением об оплате.

Глаза Карла заматались по строчкам, а веки беспокойно затрепетали. Рядом с суммой и неразборчивой подписью стояла дата, которую он знал слишком хорошо. У него в руках находилось письмо из Дома милосердия. Невозможно... Карл почувствовал, что с его сердцем что-то не так: оно словно остановилось, а потом забилось с удвоенной силой. Кровь ударила в голову и оглушительно застучала в висках. Пока Фабрициус ничего не заметил, Карл торопливо спрятал письмо между страницами и засунул тетрадь под пальто.

Буквально через несколько секунд подошел Фабрициус, в руках он держал маленькую коробочку с личными вещами проживавшей здесь женщины – мылом, поясом, перьевой ручкой...

– Пойдем, – коротко сказал Карл.

– Разве не надо опросить соседей? Вдруг один из них что-нибудь слышал? – спросил Фабрициус, слегка нахмурившись.

Карл отмахнулся.

– Успеется. Давайте доставим эти вещи в управление, а потом пообедаем. Я вас приглашаю. Мне необходима тарелка горохового

супа.

Лицо его помощника просветлело.

– Пообедаем? В «Ашингере»? – уточнил он и послушно затрусил к дверям.

Карл кивнул в пустоту. В этой популярной закусочной на Александерплац за небольшие деньги подавали вкусную горячую еду. Пуля обычно съедал там две порции.

Карл захлопнул дверь и, запирая, подумал, что согласился бы отобедать даже на Марсе, лишь бы поскорее выбраться отсюда. Ему нужно было собраться с мыслями.

Глава 4

Выдержки из дневника

*Психиатрическая лечебница Далльдорфа, Берлин
27 октября 1912 года*

Все уже заснули, одна лишь я продолжаю бодрствовать. Сизая тьма превратилась в черную, на бумагу падают желтые лучики от лампы. Все это мне будто снится.

Днем я хожу по двору, словно сомнамбула. Неужели это правда происходит со мной? Я работаю здесь уже два месяца, но мне до сих пор не верится. Я словно наяву слышу голос старшей медсестры, когда та отвела меня в сторонку и сказала: «В Далльдорфе нужна сиделка. Я предложила вашу кандидатуру». Никогда бы не подумала, что она за меня поручится. Старшая медсестра всегда была со мной очень строга, я бы даже сказала, сурова, как будто знала о моем прошлом. Как будто подозревала, что я – падшая женщина. Но, быть может, со временем ее подкупили моя преданность делу и твердое намерение работать лучше остальных учениц медицинского училища – незамужних девушек намного младше меня, чьи жизни только начиналась. «В Далльдорфе придется трудиться на совесть, не боясь сложных пациентов и грязной работы. Цыпляточки с таким не справятся», – сказала старшая медсестра, и только тогда я поняла, что она видит во мне ровню, а остальных студенток считает детьми.

Я тотчас же согласилась.

Поначалу Конрад переживал из-за насилия, которое якобы здесь царит, из-за заключенных, которых переводят сюда из тюрем и исправительных учреждений. Не все сидят взаперти, некоторым разрешено свободно передвигаться по двору и мастерской. Отгороженный стеной корпус № 5 с решетками на окнах предназначен только для тех, кто опасен для себя и окружающих. «Я туда не пойду», – уверяла я Конрада, пока он не успокоился. В пятом корпусе работают только медбратья, их сопровождает охрана.

Мы с Конрадом сходимся в одном: нам нужны деньги. Мы хотим отправить Хильду в школу. Малышке всего четыре, но она растет как

на дрожжах, чулки быстро становятся ей коротки, да и аппетит у нее как у мальчика. Нам не прожить на деньги, которые Конрад зарабатывает починкой обуви. Люди говорят, что я неудачно вышла замуж, но я считаю, что мне очень повезло – особенно учитывая обстоятельства. Конрад стал счастливым билетом в жизненной лотерее, в которой мне прежде не везло. Он хороший человек. Гордый. Но на гордыню хлеба не купишь. А времена сейчас тяжелые.

Лечебница очень современная: помимо десяти больничных корпусов здесь есть кухня, административное здание, машинный цех, прачечная, большой сад и мастерские, где работают заключенные. С территорией граничит поле со скотным двором и местом для сточных вод. Еще у нас есть исправительный дом и муниципальный приют для женщин.

Директор Зандер решил, что физически здоровых пациентов полезно привлекать к труду, поэтому они работают по хозяйству. Только непривычные звуки, хрюканье, крики и плач, звучащие из некоторых корпусов, говорят о том, что мы находимся в лечебнице для душевнобольных. Иногда здешний шум напоминает зоопарк.

Но я никогда еще не была так счастлива.

Женщин и мужчин размещают в разных корпусах. Душевнобольные живут отдельно от тех, кто страдает идиотизмом и эпилепсией. Повсюду царит порядок, радующий глаз. Работа здесь тяжелая, но она приносит мне удовлетворение. Без ложной скромности скажу, что хорошо справляюсь. Пациенты похожи на животных: стоит узнать их особенности, как взаимодействие с ними становится предсказуемым. Иногда у кого-нибудь случаются вспышки насилия, тогда приходится вызывать санитаров и вводить успокоительное, при необходимости – использовать смирительную рубашку, пусть даже директору это не по нраву.

Его кредо «принуждение – это крайняя мера», он хочет, чтобы медсестры относились к пациентам ласково, что, конечно, не всегда возможно, если у пациента запущенная деменция и они наносят вред себе или окружающим.

«Ты не боишься сумасшедших?» – спросила вчера малышка Хильда, и я с улыбкой покачала головой. Далльдорф – это отдельный мирок, и мне здесь нравится. Когда поезд прибывает на станцию и я, одетая в свою потрепанную одежду, прохожу через ворота, вхожу в

главный корпус и достаю из шкафчика форму медсестры, со мной происходит чудесное преобразование. Переодевшись, я превращаюсь в другого человека. Я больше не Маргарита Шенбрунн, не падшая девушка, которую милостиво согласились взять замуж и которая с комом в горле вспоминает прошлое. Теперь я – Рита, расторопная и всегда улыбающаяся медсестра, при виде которой даже слюнявое, дергающееся лицо Эгона, нашего самого тяжелого пациента, искривляется в радостной улыбке. Мое место в Далльдорфе. Кажется, будто мне было суждено здесь работать. Находящаяся посреди цветущих полей лечебница стала для меня домом, о котором я грезилась всю свою жизнь.

Я не забираю этот дневник домой к малышке Хильде и Конраду. Нет, я храню его в своем шкафчике. Это часть моей здешней жизни. Часть меня.

Глава 5

Среда, 31 мая 1922 года

Хульда со стоном натянула до подбородка одеяло, казавшееся свинцово тяжелым. За окном мансарды стояла влажная чернота, но на стенах уже угадывались очертания тоненькой полоски света. Хульда зажмурилась и снова провалилась в сон.

Кружащиеся огоньки и красный бархат. Высокий потолок, на котором сверкающий хрустальный шар разбрызгивает гоняющиеся друг за другом точки. Ритмичная джазовая музыка, плавный голос смуглой певицы, люди вокруг громко топают, кружась в танце. Поворачиваясь, они каждый раз задевают друг друга руками, плечами и бедрами, и Хульда, которая обычно предпочитает держаться подальше от толпы, наслаждается ощущением того, что является ее частью. Сладкое шампанское стекает по губам, незнакомец прижимается к ним в поцелуе и растворяется в толпе, прежде чем Хульда успевает разглядеть его лицо. Женщина в коротком серебристом платье машет ей рукой и увлекает в темный уголок, где на маленьком столике лежат две белые дорожки, похожие на тонкие паучьи лапки. Женщина знает: Хульда хорошо платит. Хульда склоняется над столом, она смеется, у нее в голове взрываются звезды и луна, мир проясняется и все вокруг кажется несказанно прекрасным.

Затем немеют губы, немеют руки, но Хульда знает: это пройдет и останутся только легкость и беззаботность, чего она так жаждет. Кто-то утягивает ее обратно в толпу, ритм которой становится ее пульсом. Она танцует, чувствуя, как превращается в шампанское и заливает все вокруг. Она растекается и больше не знает усталости...

Раздался стук в дверь, и сон оборвался. Хульда неохотно приоткрыла слипшиеся глаза и посмотрела на стоявшие на комодѣ часы. Нет и пяти утра. Она проспала всего два часа.

Снова постучали, на этот раз настойчивее. Хульда села в постели и крикнула:

– Иду, иду!...

Она свесила ноги с края кровати и схватилась за виски. Головная боль была просто убийственной, но Хульда заставила себя встать и потянулась за халатом, висевшим на крючке. На ходу надела его и приоткрыла дверь. Из темного коридора на нее смотрело детское личико с огромными глазами.

– Чего тебе? – спросила Хульда у девочки.

– У Шмидта с Бюловштрассе жена рождает, – прошептала она. – Мне велели сходить за вами.

Малышка с любопытством заглянула мимо Хульды в комнату. По сравнению с грязными каморками многоквартирных домов на Бюловштрассе этот простой, но безупречно чистый дом, наверное, казался ей дворцом.

– Ничего себе! – Хульда протерла глаза. – Уже? Я думала, роды начнутся только через несколько дней.

Она на мгновение задумалась, пытаясь собраться с мыслями.

– Я скоро буду. – К счастью, вчера Хульда починила велосипед и сможет быстро приехать к Лило. – Передай госпоже Шмидт, чтобы не волновалась! – крикнула она вслед девчужке, которая уже сбегала вниз по лестнице, и мысленно добавила: «Не шуми ты так, ради всего святого!» Меньше всего ей хотелось сейчас ссориться с госпожой Вундерлих.

После того, как шаги девочки стихли, Хульда еще несколько секунд вслушивалась в звуки дома, потом направилась к умывальнику, торопливо поплескала себе водой в лицо, прошла расческой по непослушным волосам и высморкалась. Нос словно огнем обожгло, и Хульда себя отругала: разве в прошлый раз она не поклялась, что никогда больше не притронется к этой белой дряни?

Вздохнув, Хульда натянула юбку с блузкой, которые со вчерашнего дня висели на стуле, и надела на голову чепчик, который раздражал ее, но вызывал у рожениц ощущение, что они в надежных руках. Хульда знала, что во время родов вера может творить чудеса. Она приколотла чепчик к волосам двумя заколками-невидимками. Тем временем на маленькой газовой плите уже закипала вода для кофе. Хульда решила, что перед выходом выпьет не меньше двух чашек, и заварила так называемый «народный кофе» – то есть просто залила кипятком кружку с молотым кофе. Потом заглянула в хлебницу в поисках хоть какой-нибудь еды.

Вскоре Хульда крадучись спустилась по лестнице, зажимая под мышкой акушерский саквояж, и запрыгнула на велосипед. Прохладный с ночи воздух ласкал ноги, как голодная кошка, выпрашивающая еду. Хульда лихо крутила педали, и ветер приятно обдувал лицо. Она чувствовала, как начинает действовать кофе и в ней пробуждается боевой дух. Она твердо решила, что больше не вернется в «Белую мышь» на Фридрихштадте. Вчера был последний раз. Хульда даже не помнила, как добралась ночью домой. Качнувшись на велосипеде, она пощупала карман пальто и поняла: денег там больше нет. Хульда выругалась. Видимо, она спустила последнюю пятерку на таксомотор.

На Потсдамерштрассе не было ни души. Даже женщины, которые продавали себя прохожим, куда-то подевались. Хульда подумала, что этот час перед рассветом – единственное время, когда Берлин по-настоящему спит.

Вот усталая старушка моет пол в какой-то забегаловке, стулья там стоят на столах вверх ногами. Вот собака, поскуливая, скрывается за углом дома. Хульда ехала и моргала, пытаясь разогнать туман, все еще ключьями стоявший у нее в голове. Нельзя больше прикасаться к этому дьявольскому порошку! Но он чудесным образом помогает забыть все заботы и невзгоды и дарит несколько часов чудесной легкости... И вот к чему это привело! Ребенок Лило решил родиться именно в этот короткий промежуток перед рассветом, и какую бы усталость Хульда ни чувствовала, ей придется сделать все возможное, что чтобы роды были легкими.

«Надеюсь, все пройдет хорошо», – подумала Хульда, прислонив велосипед к стене дома на заднем дворе Бюловштрассе. При малейшем осложнении она обязана вызвать врача. Сегодня среда, со вздохом напомнила себе Хульда, а по средам дежурит доктор Шнайдер. У него гинекологическая практика на Ландсхутерштрассе, и он из тех, кто считает, что акушерки ничем не отличаются от повитух и знахарок и представляют для рожениц опасность. Хульда должна была подчиняться врачу, поскольку в отличие от него не имела высшего медицинского образования и, соответственно, права пользоваться такими инструментами, как, скажем, акушерские щипцы. Однако Хульда предпочитала действовать под свою ответственность и не спешила посылать за врачом. Поэтому они с доктором Шнайдером

частенько ссорились: тот обвинял ее в медицинских ошибках и необоснованной самоуверенности. «Если допущу оплошность, – сказала себе Хульда, стиснув зубы, – то потеряю лицензию». Поднимаясь по темной лестнице и слыша крики боли, доносившиеся из квартиры Шмидтов, Хульда была вынуждена признать, что сегодня она не в лучшей форме. Но Лило рассчитывает на нее, и Хульда не может бросить девушку на произвол судьбы. Та будет смущена и разбита появлением незнакомой акушерки и уж тем более – врача.

Дверь была приоткрыта: ее ждали.

– Лило? – позвала Хульда, торопливо входя в квартиру.

– Госпожа Хульда... – раздался слабый голос из спальни. На кровати с несчастным видом и слезами на глазах лежала Лило. Сонный Вольфганг, сидевший рядом, беспомощно держал ее за руку. При виде Хульды у него на лице отразилось облегчение.

– Госпожа Хульда! Слава богу, вы пришли, – сказал он, вставая с краешка кровати. – Я вернулся с работы час назад и нашел свою Лило вот такой! Тогда я быстро разбудил соседскую дочку и послал ее за вами. – Он посмотрел на Хульду и добавил: – При всем уважении выглядите вы не очень.

Хульда отмахнулась от него.

– Просто немного устала. Ничего страшного. – Она села рядом с Лило на смятые простыни. – Ну, дорогая моя, как вы?

Лило взвизгнула, а потом захныкала:

– Снова началось!

Хульда поняла, что у нее схватки, и крепко схватила Лило за плечи.

– Дышите, девочка моя, дышите как можно глубже и попытайтесь расслабиться.

Лило храбро фыркнула и закусил губу, корчась от боли. Потом с облегчением вздохнула и откинулась на подушки.

– Не думаю, что смогу, – прошептала она.

Хульда улыбнулась:

– Все вы сможете. И знаете почему? Потому что должны. Обещаю, уже скоро вы будете баюкать свое маленькое сокровище. – Она оглядела скудно обставленную комнату, и ее взгляд упал на ярко-белую вязаную шапочку. Хульда схватила ее и вложила Лило в руки.

– Во время следующего приступа схваток подумайте о том, что ваш ребенок все ближе и что скоро вы сможете надеть на него эту прекрасную шапочку.

Лило робко улыбнулась и кивнула. Она безостановочно теребила ткань в своих мягких, детских пальчиках, словно предвкушая, как наденет ее на головку ребенка.

Хульда довольно выпрямилась.

– Вольфганг, послушайте: нам нужны чистые полотенца и много горячей воды. Не могли бы вы поставить чайник и принести своей жене что-нибудь поесть? Бутерброд, например? И крепкий чай. Сахар туда насыпьте, да побольше!

– Сахар? – переспросил мужчина и вытаращился на Хульду так, словно она велела добавить в чай золотой песок. Мысленно вздохнув, Хульда открыла свой большой кожаный саквояж и достала оттуда несколько пакетиков сахара, которые тайком прихватывала из кафе «Винтер» специально для таких случаев.

– Держите, – она протянула ему пакетики. – И поторопитесь. Принесите все необходимое – и можете нас оставить. Но, пожалуйста, не уходите слишком далеко. Вы можете понадобиться в любой момент.

«К счастью, пивные еще закрыты, а значит, туда Вольфганг сбежать не сможет», – подумала Хульда.

– И еще кое-что, – добавила она, с тревогой наблюдая, как из-за очередной схватки лицо Лило исказила гримаса. – Где находится ближайший телефон?

– У кастелянши, госпожи Козловски, есть телефон. Она живет внизу, – ответил Вольфганг. – Кому позвонить?

– Пока никому, это я на всякий случай спросила, – сказала Хульда и выгнала его из комнаты, словно муху. Потом повернулась к Лило, которая вцепилась в шапочку, как утопающий – в спасательный круг.

– Дышите, спокойно и медленно, – велела Хульда и обняла Лило за плечи, пережидая очередной приступ схваток. Она знала: будет еще хуже, больнее, но вслух сказала только: – Вы прекрасно справляетесь.

Осмотрев девушку во время перерыва между схватками, Хульда с удивлением обнаружила, что роды уже в самом разгаре. Лило казалась перепуганной и беспомощной, но тело ее само проталкивало ребенка по родовым путям. Хульда подумала, что все происходит слишком быстро: если роженица не поспевает за темпом своего тела, то это

может привести к травме. Поэтому она заставила себя успокоиться и сказала Лило, чтобы та не тужилась и дышала размеренно.

Через некоторое время Вольфганг принес долгожданный завтрак, и после того, как Хульда влила в Лило немного сладкого чая и уговорила проглотить несколько кусочков от бутерброда, та немного успокоилась. Она даже встала и медленно прошлась по маленькой комнатухе, сделав несколько шагов сначала в одну сторону, потом в другую. Снова начались схватки, и Лило вцепилась в спинку кровати, чтобы не упасть.

По учащающимся жалобным всхлипываниям, исходившим из горла Лило, Хульда поняла: роды переходят в заключительную стадию.

– Вы просто умница, Лило, у вас отлично получается, – похвалила она. Она не переставала удивляться тому, что во время родов женщины ведут себя совсем иначе, нежели можно было ожидать. В решающий момент эта хрупкая девушка, последние несколько недель жившая в постоянном страхе, собрала волю в кулак. Ее маленькое тело корчилось от частых схваток, она напряглась и интуитивно покрутила бедрами, чтобы помочь ребенку продвинуться вниз.

Испугавшись диких криков, побледневший как полотно Вольфганг дважды заглядывал в комнату, но Хульда оба раза отсылала его прочь. Наверное, для незнающего человека родовые крики звучат как предсмертная агония, но Хульда знала, что все идет своим чередом. Она то и дело осторожно ощупывала ребенка и проверяла слуховой трубкой биение его сердца, с удовлетворением отмечая ровный стук.

Когда она наконец нащупала головку ребенка, то сказала:

– Так, девочка моя, осталось совсем чуть-чуть. Побудьте храброй еще немножко, совсем-совсем немножко. Соберите остатки сил. Сейчас вы можете вытолкнуть ребенка, но тужьтесь только по моей команде. Слышите?

Лило кивнула. Глаза ее остекленели, щеки лихорадочно пылали. Она по-прежнему стояла, опираясь на спинку кровати и, казалось, находилась в каком-то трансе. Хульда по своему опыту знала, что такое часто бывает перед окончанием родов, когда женщины чувствуют, что должны полностью отдаться боли. Даже если для этого требуется безграничная отвага. Поэтому Хульда не удивилась, когда со следующими схватками появилась сначала головка ребенка, а потом вместе с потоком околоплодных вод выскользнул и он весь.

Хульда заранее расстелила на полу газеты и полотенца. Она поймала ребенка и тут же завернула маленькое тельце в чистую ткань. Младенец завопил, и Хульда довольно рассмеялась. Мать и дитя все еще были связаны пуповиной. Хульда осторожно подтолкнула тяжело дышащую Лило к кровати, уложила и передала ей в руки теплый сверток. А потом наступил момент, которого Хульда всегда ждала больше всего и больше всего боялась: измученное лицо Лило засияло, она ощупывала ребенка глазами, всматриваясь в крохотное красное личико так жадно, будто никогда не отведет взгляд. Хульда оказалась забыта. Она – всего лишь статистка в этой веселой пьесе под названием «жизнь». Для матери с ребенком в эту секунду началась новая эра, их связали узы столь нерушимые, что ничто не сможет между ними встать. Каждый раз при этой мысли Хульду охватывала смесь зависти и печали.

Сегодня, как и всегда, она подавила свои чувства, с головой погрузившись в дела. Пережала и перерезала пуповину. Отняла у матери младенца и тщательно осмотрела, проверяя дыхание, кровообращение и мышечное напряжение. Пересчитала пальцы на руках и ногах, протерла тельце влажным полотенцем и только потом вернула малыша Лило. Теперь о нем позаботится мать.

Появился послед, Хульда поняла это по лицу Лило, которое исказилось от боли и удивления. Она осмотрела оболочку плода, которая больше была не нужна, и с облегчением поняла, что она цела. Трудностей не возникло, роды прошли образцово, как по учебнику!

Только после этого Хульда поздравила Лило с новорожденным. Таков был обычай. Послед – часть беременности, и только с его отторжением роды считаются законченными.

Хульда остановила кровотечение, поправила одежду Лило и плотно укрыла ее одеялом.

– Не хотите познакомить малыша с отцом?

Лило улыбнулась и кивнула. Ее глаза сияли извечной гордостью, гордостью женщины, совершившей великий подвиг.

– Вольфганг? – позвала Хульда.

Вольфганг тотчас подлетел к двери и, затаив дыхание, вошел в комнату. Зачарованно подошел к кровати и сел на краешек так осторожно, словно боялся спугнуть дикого зверя. Неуклюже погладил

жену по волосам и робко коснулся пальцем крошечной щечки своего ребенка.

– Мальчик или девочка? – спросил он.

Лило удивленно уставилась на него, а потом рассмеялась.

– Даже не знаю! – сказала она и с любопытством взглянула на Хульду. – Забыла спросить.

Хульда улыбнулась.

– Мальчик, – сказала она. – Совершенно здоровый малыш.

Она пошла на кухню, чтобы дать молодым родителям побыть наедине со своим сыном. Прополоскала окровавленные тряпки и полотенца, заварила себе цикорий, отвратительный порошковый кофезамениватель, и принялась пить его маленькими глотками, чувствуя, как горячий отвар прогоняет охватившую ее меланхолию. Она отругала себя. Глупо горевать из-за того, что она, возможно, даже не хочет. После рождения ребенка Хульде пришлось бы бросить работу и засесть дома, как те женщины, у которых она приняла роды и чья жизнь с тех пор прекратилась в замкнутый круг, состоящий из нескончаемой уборки, готовки, ругани и плача. Все вертится вокруг ребенка и страха его потерять – из-за голода, болезни, несчастного случая. Горами скапливается грязное белье, с которыми без отжимной машины уже не справиться. Еды становится меньше, как и сна. Но в этом несчастье есть и смех, и радость, которую приносит малыш, его успехи, поцелуи и ласки.

Но Хульда сомневалась, что эти чувства компенсируют потерю свободы. Кроме того, она даже не знала, кто бы мог стать отцом ее потенциального ребенка. Феликс? Что ж, Хульда успешно поставила крест на этой возможности – раз и навсегда.

Фыркнув, она вытерла глаза тыльной стороной ладони. Потом решительно выжала мокрые полотенца и развесила их на веревке, протянутой через кухню.

Закончив, подошла к окну. На улице уже рассвело, и солнце ровными пятнами ложилось на стену противоположного дома, с которого местами отвалилась штукатурка. Окно было приоткрыто, и до кухни, которая сейчас казалась почти уютной, доносились протяжные крики голубя.

Через некоторое время Хульда тихонько вернулась в спальню. За время ее отсутствия Лило и Вольфганг не сдвинулись с места, оба в

полнейшем молчании смотрели на своего ребенка и восторженно улыбались.

Хульда присоединилась к ним.

– Ребенка следует покормить грудью, – сказала она тихо, но твердо, и помогла Лило. – Вот так, смотрите.

К ее облегчению, малыш сразу понял, что делать, и принялся самозабвенно сосать грудь.

Вольфганг смутился наготы своей жены и, неразборчиво извинившись, вышел из комнаты.

– Вы уже выбрали имя для малыша? – спросила Хульда. Она прибиралась, то и дело проверяя, ест ли младенец.

– Я подумываю назвать его Конрад, – ответила Лило. – Вообще-то мы должны были назвать сына в честь отца Вольфганга, такая у них семейная традиция... Отца Вольфганга звали Эрнстом. Такое холодное и, как мне кажется, строгое имя... Он тоже был строгим, я всегда его боялась. – Лило задумчиво погладила крошечные пальчики сына. – Знаете, мужа моей соседки напротив звали Конрад. Говорят, он был замечательным человеком, веселым и добродушным. Мне нравится это имя. Вольфгангу тоже.

– Конрад. Замечательное имя, – сказала Хульда, как говорила всегда, независимо от того, что думала на самом деле. Но это имя ей действительно понравилось.

Потом она увидела, как по щеке Лило скатилась слезинка.

– Что случилось? – поинтересовалась она. Роды – большой стресс для организма, последствия которого бывают непредсказуемы. Но Лило, похоже, плакала не от облегчения.

– Рита погибла, – всхлипнув, пробормотала Лило, ласково погладила мягкий пух на голове своего сына и схватила белую шапочку, которая лежала на кровати. – Госпожа Козловски сказала Вулфи, что приходили полицейские. Он ничего не хотел мне говорить, чтобы не расстраивать, но я вытянула из него правду.

– Погибла?

– Утонула в канале. Ее нашли неподалеку от Кетенского моста. Какой кошмар! – Лило зарыдала во весь голос.

– Это очень печально, – сказала Хульда, про себя думая, что Рита – не первая отчаявшаяся женщина, прыгнувшая в канал, чтобы

спастись от страданий. После войны многие бедные души просто не видели другого выхода. – Я сочувствую вашей утрате.

– Все говорят, что Рита покончила с собой. Но это не так, – сказал Лило и высморкалась в одеяло. – Рита была сильной! Она потеряла все: семью, работу... Но она не позволила этому сломить себя. И теперь, когда у меня должен был появиться малыш... – Лило снова всхлипнула. – Она так ждала его. «Ребенок – это настоящее чудо», – говорила она.

Хульда внимательно слушала и думала, что никто не может знать, что происходит у другого человека на душе. Даже те люди, которые кажутся сильными, могут находиться на грани отчаяния.

Перед глазами встало перекошенное лицо матери, и Хульда вспомнила, как та плакала и кричала, сжимая в руке маленькую коричневатую ампулу – одну из тех, что властвовали над ее жизнью. По ночам Хульда слышала, как завывания матери эхом отражаются от стен пустой квартиры. Горе пожирает людей, как невидимая гниль. У Хульды похолодели руки.

– Лило, – сказала она, не зная, кого пытается убедить, молодую мать или себя, – вы должны быть сильной ради своего сына. Ему нужна счастливая и здоровая мама. То, что случилось с вашей соседкой, ужасно. Но пообещайте мне, что постараетесь не слишком переживать.

Лило неохотно кивнула и посмотрела на младенца, с приоткрытым ртом спящего у нее на груди.

– Он такой милый, – мягко сказала она, целуя его в лоб.

– Конрад – славный малыш, – согласилась Хульда.

Лило посмотрела на нее затуманенным взглядом.

– Можете выяснить, что случилось с Ритой? – взмолилась она. – Очень вас прошу! Мне пока нельзя выходить, а Вольфи, знаете ли, не мастак разговаривать с людьми. Его так легко надуть! Но я должна, просто обязана знать, что произошло! Иначе эти размышления меня с ума сведут!

Хульда глубоко вздохнула.

– Хорошо, – сказала она. – Я поговорю с вашей госпожой Козловски, может, она что-нибудь знает. А вы отдохните. Постарайтесь думать о чем-нибудь приятном, договорились?

Лило послушно кивнула и вытерла с лица слезы.

– Договорились. Спасибо, госпожа Хульда.

Чтобы отвлечь свежеиспеченную мать от мрачных мыслей, Хульда объяснила, как менять повязки, чтобы кровотечение остановилось побыстрее, и сказала, что как только малыш проснется, его нужно будет одеть во что-нибудь теплое и снова покормить.

Потом Хульда попрощалась, но Лило смотрела только на Конрада и, казалось, почти ее не слышала.

На кухне она сказала Вольфгангу, чтобы тот приготовил жене еду и не оставлял ее в одиночестве в первую ночь.

– Но мне нужно на работу, – растерянно отозвался Вольфганг.

Хульда положила руку ему на плечо.

– Знаю. Тогда попросите какую-нибудь соседку, чтобы она приглядела за Лило. Желательно пожилую женщину с опытом, а не девчонку, которая пришла за мной сегодня утром. Понимаете?

Вольфганг кивнул, и Хульда пообещала, что вернется на следующий день.

Выйдя из квартиры, она услышала, как колокол ближайшей лютеранской церкви пробил полдень. Его звон звучал как музыка. Роды длились всего несколько часов. В этом бедняцком доходном доме, который, как соты, прилип к кишасшему улью под названием Берлин, тихо и незаметно началась новая жизнь.

Прежде чем сбежать по лестнице, Хульда посмотрела на опечатанную дверь квартиры напротив. «Жизнь и смерть порой идут рука об руку», – подумала она, крепче прижимая к груди акушерский саквояж.

Глава 6

Среда, 31 мая 1922 года

Феликс пригладил рукой непослушные каштановые волосы и широко, со вкусом зевнул. Вчера он работал допоздна. Незадолго до закрытия в кафе ввалилась орда охочих до выпивки русских, которые возвращались с собрания, где обсуждали Троцкого, Ленина или, может, кого-то еще – признаться, Феликс не успевал следить за новостями. Судя по раскрасневшимся лицам и громким голосам, русские успели приложиться к бутылке еще во время своего собрания. Здесь, в кафе, они заказывали у недовольной Фриды рюмку за рюмкой. Феликс сунул девушке в карман фартука несколько пфеннигов и погрозил пальцем – мол, будь дружелюбнее с припозднившимися посетителями.

Сегодня Феликс встал позже обычного, и усталость цеплялась за него, как назойливая мартышка, от которой невозможно отделаться. К счастью, вчера после закрытия он дал Фриде еще одну монетку, попросив утром открыть кафе и держать оборону до его появления.

– Юноша, – укоризненно покачала головой матушка, уже поджидавшая Феликса у входа кафе. – Кто рано встает, того удача ждет! И когда ты успел разленииться?!

– Доброе утро, матушка. Позволь пройти. Меня ждет работа, – ответил Феликс, мягко отодвигая ее в сторону.

– Вот именно, – многозначительно ответила матушка.

Войдя в кафе, Феликс первым же делом сварил полный кофейник кофе (иначе общения с матерью ему не пережить) и, закрыв глаза, принялся маленькими глотками смаковать напиток. Вильгельмина Винтер тем временем расположилась за своим любимым столиком у окна, ее обслуживала невыспавшаяся и потому недовольная Фрида.

Щурясь от солнца, Феликс расставил на улице деревянные стулья и наполнил солонки, стоящие на мраморных столах. Все это время он украдкой рассматривал наряд своей матери. Вильгельмина Винтер была в своем репертуаре: изысканный шерстяной костюм, прозрачные чулки, норковый палантин, который супруг подарил ей на шестидесятилетие... Дорогую кожаную сумочку ручной работы

матушка демонстративно поставила на столик, чтобы все видели, насколько успешны хозяева сего заведения.

«Что ж, – подумал Феликс, – так оно и есть». Вот уже много лет дела идут хорошо, и самую оживленную площадь Шенеберга просто невозможно представить без кафе «Винтер». С тех пор, как Шенеберг вошел в состав Берлина, местный базар увеличился: теперь сюда съезжались торговцы со всей округи, поэтому людей на Винтерфельдтплац стало в разы больше. Два года назад Феликс взял на себя заботу о кафе, чтобы помочь родителям, но если отец наслаждался бездельем и лишь изредка приходил сюда выкурить трубку и украдкой проверить, все ли в порядке, то мать не давала Феликсу покоя. Она донимала его днями напролет: то проверит кассу, словно он – не умеющий считать школьник, то поправит стул, то, поджав губы, отчитает Фриду и других девочек за каждое пятнышко на фартуке...

Вот она снова махнула рукой со смесью заботы и упрека, которая приводила Феликса в бешенство.

– В чем дело, матушка? – с напускным воодушевлением спросил он.

– Поговори со своими официантками, пусть они будут поулыбчивее, – произнесла Вильгельмина театральным шепотом так, чтобы слышала Фрида, протирающая соседний столик.

– Не зря в народе говорят: как аукнется, так и откликнется...

– Что ты хочешь этим сказать, юноша?

– Что тебе следовало бы меньше критиковать всех вокруг. Ты невыносима.

Вильгельмина кисло улыбнулась.

– Я прощаю тебе эту грубость, поскольку вижу, что ты устал. Но помни, Феликс: я желаю тебе только добра! Недовольные посетители не скажут правду тебе в лицо, как это сделаю я. Они просто уйдут и больше никогда сюда не вернутся. – Она величаво выпрямилась. – А теперь передай повару, что я хочу яйца, сваренные ровно за шесть с половиной минут. Белок должен быть твердым, а желток жидковатым. Понял?

Феликс прикусил язык, чтобы сдержать вертящуюся на языке резкость, и кивнул.

– Погоди минутку, – велела Вильгельмина, схватив сына за рукав. Он опустил взгляд и почувствовал отвращение при виде ее темно-красных ногтей.

– Да?

– У меня для тебя кое-что есть.

Вильгельмина порылась в своей дорогой сумочке и вытащила оттуда фотографию.

Феликс мысленно застонал. Он подозревал, что сейчас произойдет.

– Полно, матушка, не нужно, – отмахнулся он.

Но сопротивляться было бесполезно.

– А я думаю, что очень даже нужно! Или я чего-то не знаю? Ты кого-то встретил? Достойную девушку, я надеюсь? Ты ведь знаешь, что сведешь меня в могилу, если притащишь домой какую-нибудь горничную или официантку?

– Не переживай, у меня никого нет.

Вильгельмина фыркнула.

– Из-за этого я и переживаю! Ты что, хочешь остаться на старости лет один? Тебе пора задуматься о семье! После тебя кафе должно перейти к следующему Винтеру! Вот, взгляни.

С этими словами она сунула Феликсу под нос фотографию, на которой была изображена девушка с длинными светлыми кудрями, курносый нос и улыбкой, которую он с неохотой признал неотразимой.

– Кто это?

Заметив интерес Феликса, матушка торжествующе улыбнулась.

– Это, мой дорогой, Хелена, дочь купца Штольца из Шарлоттенбурга. Ей двадцать лет, она не замужем и имеет безупречную репутацию. Ее родители очень хотят, чтобы Хелена познакомилась с порядочным и трудолюбивым молодым человеком. Таким, как ты.

– Меня печалит твое неверие в мои силы. Подожди немного, и я сам найду себе спутницу жизни.

Вильгельмина презрительно рассмеялась и убрала фотографию обратно в сумочку.

– Неужто ты до сих пор страдаешь по этой своей Хульде? Бедняжка останется старой девой. К тому же она никогда тебя не

любила. Она и не может! Девчонка явно больна на голову, с такой-то наследственностью! Спятившая мать, сбежавший отец... Такие, как она, вечно норовят уклониться от ответственности! Нет, нашему семейству такая родня не нужна. Мы, немцы, должны сохранять свою нацию, а не разбавлять ее чужой кровью.

– Довольно! – прошипел Феликс и отвернулся. С него хватит. До чего же ему осточертел матушкин ядовитый язык без костей! Но больше всего Феликс злился, что она озвучила его тайные мысли – ведь сам он не раз кипел от гнева, думая о Хульде, и винил во всем ее непостоянный характер, ее болезненный страх перед близостью...

– Завтра в час, – негромко произнесла матушка ему вслед.

– Прошу прощения?

– Завтра в час у тебя обед с Хеленой. Она будет ждать тебя в «Кранцлере» на улице Курфюрстендамм, – пояснила матушка и, оттопырив мизинчик, налила в чашку молоко из фарфорового молочника. – Я тем временем присмотрю за кафе.

Разговор был окончен, и последнее слово снова осталось за ней. Поджав губы, Феликс отправился на кухню, где передал повару пожелание матери и стащил кусочек пирога. Феликс любил сладкое, однако в последнее время эта зависимость брала над ним верх, виновато подумал он и погладил выпирающий над поясом животик. Минувшая зима выдалась длинной и серой, и единственным его утешением стали шоколадные конфеты, круассаны со сладким кремом и марципан. В памяти невольно всплыло красивое личико Хелены Штольц. Обычно он бы быстро пресек матушкины попытки сводничества, но девушка на фотографии ему действительно понравилась.

Время подходило к обеду, Феликс сидел в подсобке и корпел над счетами. Из кухни тянулся аппетитный аромат жареной сельди.

– Господин Винтер! К вам посетитель! – позвала Фрида.

Феликс немедленно вышел в зал. Усмехаясь, официантка указала на красную фетровую шляпу, видневшуюся за дверью. Феликс тяжело вздохнул. Этого еще не хватало!

Звякнул колокольчик, и на пороге появилась Хульда. Краешком глаза Феликс увидел, что матушка бросила на него негодующий взгляд,

но он как ни в чем не бывало встал за прилавок, делая вид, что очень занят.

– Добрый день, Феликс, – поздоровалась Хульда низким теплым голосом. Во всем мире для Феликса не было звука милее – пусть он и действовал как удар под дых.

– Добрый день, – пробормотал Феликс, мельком взглянув на Хульду. Ее красивое лицо выглядело усталым, а левый глаз выдавался вперед сильнее обычного. Видимо, была тяжелая ночь.

Раньше Феликс ждал Хульду в доме своих родителей, где до сих пор занимал верхний этаж. Ждал, даже если она возвращалась с родов на рассвете. Тогда она еще проходила практику в женской клинике в Нойкельне. Комната Феликса выходила во двор, и за окном росла сосна с гигантскими густыми ветвями. Хульда предпочитала этот путь: родители Феликса ее не жаловали. Феликс варил Хульде кофе и часами целовал ее, пока под утро она не засыпала, лаская своим размеренным дыханием подушки. Потом Феликс укрывал ее, запирал комнату снаружи, чтобы родители не вошли, и отправлялся на работу. Проснувшись, Хульда уходила тем же путем, каким пришла.

Тогда Феликсу не нужны были сладости, чтобы радоваться жизни.

– Крепкий мокко, пожалуйста, – сказала Хульда. – И парочку конфет, если есть.

Видимо, сегодня Хульде тоже нужны кофе и сахар, подумал Феликс и кивнул официантке, чтобы та принесла из кухни тайный запас сливочных трюфелей, которые хранились там на самый крайний случай. Феликс тем временем подошел к венской кофеварке из латуни.

– Ты сегодня молчалив, – заметила Хульда, придвинула к прилавку высокий табурет и взобралась на него. Феликсу всегда нравилась эта ее ловкость. Он почувствовал, как в нем снова поднимается волна гнева, и случайно рассыпал кофе.

– О чем ты хочешь поговорить?

– Ни о чем особенном. Просто поболтать, как это делают друзья.

– Вот мы кто? Друзья?

– Брось, Феликс! Конечно, мы друзья. По крайней мере, так я думала до этих пор, хотя в последнее время ты был холоден, как дохлая рыба.

– Кто бы говорил.

Феликс быстро отвернулся. Он и сам удивился своей резкости. Хульда на протяжении многих лет приходила к нему в кафе, садилась за прилавок и пила мокко. Даже после их расставания. Феликс всегда испытывал противоречивые чувства по этому поводу, но откуда взялась неудержимая злость, которая не давала ему покоя последние несколько недель? Феликс словно только сейчас понял, что они с Хульдой расстались окончательно и бесповоротно, и самое большее, на что он может рассчитывать – это на дружескую болтовню за прилавком, пока будет варить Хульде кофе. И так – до конца жизни.

Хульда схватила его за руку. Феликс догадывался, что подумает об этом матушка, но не попытался вырваться. Он посмотрел Хульде в глаза и увидел в светлой зеркальной радужке чувства, которые одновременно желал и проклинал. Буря внутри разом стихла.

– Прости. Я не выспался. Вот твой мокко. – Он поставил чашку перед Хульдой.

– Благодарю. Как ты вообще поживаешь? – Она потянулась к коробке, которую Фрида положила на прилавок, и засунула в рот трюфель.

Немного поколебавшись, Феликс последовал ее примеру. Сладкая маслянистая начинка таяла на языке.

– Хорошо. Жаловаться не приходится, – ответил он. – Наше кафе, конечно, не «Адлон», но от посетителей нет отбоя.

Он обвел рукой помещение. Почти все столики были заняты. На террасе посетители читали газеты за чашечкой кофе, кто-то даже заказал коньяк, и Фриде с другими официантками приходилось изрядно побегать, чтобы успеть всех обслужить. Стремительно приближалось время обеда.

– Зима была долгой, поэтому всем хочется выбраться из своих нор, – сказала Хульда, пробуя кофе. Она быстро надорвала пакетик с сахаром, высыпала содержимое в чашку и размешала. Потом как ни в чем ни бывало спрятала еще два пакетика в карман. Она всегда так делала, когда приходила сюда. Хульда облизнула губы, и Феликс заворуженно смотрел, как они двигаются. – По крайней мере, те, кто может себе это позволить. Остальные киснут в своих грязных комнатушках. Этой ночью я принимала роды в Бюловбогене. Ты даже не представляешь, в какой бедности живут там люди! Отчаяние,

насилие – они повсюду. – Хульда подалась немного вперед. – Соседка моей роженицы погибла. Ее выловили из Ландвер-канала.

– А, утопленница из канала! Я о ней слышал. Знаешь, что там произошло?

– Нет. Понятия не имею. – Хульда задумчиво молчала, допивая кофе. Потом тихо добавила: – Представить страшно, на какой тонкой ниточке держатся жизни этих людей! Дети, которым я помогаю появиться на свет, похожи на чистый лист. Они что есть мочи цепляются за жизнь своими крошечными, но сильными пальчиками, а потом катятся вниз, как на санках, не зная даже, куда держат путь. Одно неверное движение, одна роковая кочка – и они вываливаются, даже не успев осознать, что поездка подошла к концу.

Феликс испугался выражения ее лица.

– Погибшая была ровесницей твоей матери, – нерешительно сказал он. – В газете писали о возрасте.

Хульда уставилась на Феликса во все глаза, и он понял, что затронул болезненную тему. Она с нечитаемым видом кивнула. Ее лицо потеряло напускную строгость и сделалось каким-то ранимым, детским. Феликс тут же пожалел о своих словах, но они повисли в воздухе и забрать их было нельзя.

– Сегодня ровно четыре года, как она умерла, – тихо сказала Хульда.

Феликс вздрогнул. Он не помнил дату, но знал, что большинство самоубийств совершаются весной, когда мрачные мысли особенно угнетают на фоне ясной погоды и царящего вокруг приподнятого настроения. В памяти с болезненной остротой всплыли воспоминания о том дне. О пепельно-сером лице Хульды, которая молчала в своем горе. О застывшем в странной позе теле, о шприце в обмякшей руке. О маленькой стеклянной ампуле, которая лежала рядом на ковре. О разбросанных повсюду осколках. Феликс помнил, что окно было открыто и колышущиеся на ветру тонкие светло-серые занавески напоминали дым, поднимающийся из городских труб. Тело унесли. Хульда молчала.

Это стало началом конца их отношений.

– Мне хочется ей помочь, – продолжала Хульда.

– Кому? – неуверенно переспросил Феликс, который все прослушал.

– Лило, роженице из Бюловбогена. Ей следует отдыхать, но она очень переживает из-за смерти своей соседки. Если свежеиспеченные мамочки будут чрезмерно волноваться, то у них может начаться воспаление в груди.

Феликс стряхнул с себя воспоминания и уставился на верхнюю пуговицу на блузке Хульды. Она была расстегнута, и воротник немного съехал, открывая взгляду загорелую шею. Можно было разглядеть бьющуюся там жилку пульса. Феликс сглотнул. Что она сейчас сказала? Что-то про грудь?

– Я могу тебе еще что-нибудь предложить?

– У тебя найдется сигаретка?

Феликс неохотно взял пачку, которая лежала на полке под прилавком, и протянул Хульде сигарету. Потом, не дожидаясь просьбы, чиркнул спичкой и дал ей прикурить. Хульда жадно обхватила губами фильтр. «А ведь раньше она не курила, – подумал Феликс. – Интересно, что еще она теперь делает, чего не делала раньше?»

Окутанная слабым сизым облаком Хульда соскользнула с табурета.

– Я возьму парочку. – Она завернула несколько конфет в салфетку и подняла руку, прощаясь. – Я потом заплачу! Береги себя, Феликс. Спасибо, что выслушал.

«Потом? После дождичка в четверг», – подумал он, но вслух ничего не сказал. Лишь помахал в ответ, глядя, как Хульда пружинистым шагом направляется к двери. Проходя мимо столика матушки, она приветливо поздоровалась, за что была вознаграждена испепеляющим взглядом. На пороге Хульда обернулась и подмигнула, как в старые добрые времена, когда они с Феликсом играли в прятки с его матушкой и целовались до опухших губ, прячась в тени угла дома. Феликс крепко зажмурился. Дверной колокольчик язвительно звякнул, словно насмехаясь.

Через несколько секунд Феликс приоткрыл глаза. В воздухе все еще висел запах сигарного дыма. Феликс потянулся к коробке конфет, но та оказалась пустой.

Глубоко вздохнув, он принялся натирать стаканы, стоявшие длинными рядами. Гомон голосов и стук столовых приборов меж тем становились все громче. Впереди еще много дел. Вот бы только

выбросить из головы взгляд Хульды, в котором Феликс все надеялся увидеть ответное чувство!

Внезапно он понял, что встретится завтра с Хеленой Штольц. Больше так продолжаться не может. Хульда ушла от него навсегда, пусть даже ей нравится время от времени болтать с ним, как со старым другом. Этого ему недостаточно, не может быть достаточно, если он хочет двигаться дальше. Поэтому Феликс закрыл глаза, вспомнил светловолосую девушку с фотографии, которую показала матушка, и попытался выбросить из головы лицо Хульды. Руки его продолжали машинально натирать стаканы, пока они не засияли как хрустальные.

Глава 7

Четверг, 1 июня 1922 года

Царившая в комнате темнота окружала Карла туннелем, стены которого неумолимо сужались. Почувствовав, что задыхается, он рывком расстегнул воротничок рубашки и судорожно вдохнул. Его захлестнула паника – как и всегда в такие моменты. Карл встал, запрокинув голову, чтобы облегчить кислороду путь к легким, и в два шага оказался у окна. Распахнул ставни, впуская в комнату ночной воздух. Стало чуточку легче. Сердце бешено колотилось, словно пытаясь помочь ему выжить. В груди стучало. В голове – тоже.

Выругавшись, Карл вернулся к колченомому столу, за которым и работал, и ел. На столе громоздились книги и толстые стопки бумаг, густо исписанных неразборчивым почерком. Учитель всегда ругал Карла за почерк и частенько поколачивал, пока наконец не понял, что Карл умен, пусть и неряшлив. Между пустыми тарелками виднелись таблетницы и две пустые бутылки из-под вина, покрытые толстым слоем пыли. На полу лежала наполовину разложенная карта города, на которой Карл отметил места обнаружения трупов по одному старому делу. Давно следовало сдать эту карту в архив... Но Карл и порядок были вещами несовместимыми. Чем необузданнее становились мысли, бушевавшие у него голове, тем в больших хаос превращалось все вокруг. Вот почему во время службы в прусской полиции ему пришлось несладко. Начальство постоянно выговаривало ему за небрежность в одежде: за оторвавшуюся пуговицу на мундире или за расстегнутую рубашку... Стоит ли говорить, что Карл потерял счет зонтам и шляпам, которые потерял, забыл в метро или оставил в каком-нибудь кабаке.

Карл со стоном рухнул на стул и зарылся руками в гриву светлых волос. Сердцебиение постепенно выравнилось, но напряжение в конечностях не ослабевало. Между бумаг лежала тетрадка, найденная в квартире на Бюловштрассе. Она выглядела неприметно, но все равно пугала Карла до чертиков. Зря он принес ее домой.

Понимая, что совершает очередную ошибку, Карл схватил стоявшую на полу бутылку джина и щедро плеснул в заляпанный

стакан. Поднес стакан к губам и сделал глоток. Скривился и залпом допил до дна.

Потом налил еще.

По телу медленно – очень медленно – подбиралось обещание грядущего успокоения. После второго стакана страх погибнуть от удушья отступил и по груди разлилось приятное тепло.

Но образы из прошлого не оставляли. Перед глазами встали суровые лица сестер, Карл давно забыл имена большинства из них, но до сих пор чувствовал на запястье цепкие пальцы, до сих пор вздрагивал, вспоминая холодную купальню, где стоял с другими мальчишками – голый, дрожащий, вынужденный умываться ледяной водой. Сестры-надзирательницы впадали в гнев, если видели, как вместо того, чтобы тщательно помыться, мальчишки нерешительно плескали в лицо пригоршню воды. Тогда одна из них зажимала непослушного ребенка меж коленей, а вторая принималась теперь его жесткой мочалкой, пока кожа – особенно между ног – не краснела и воспалялась.

«Вы свиньи, а не мальчишки!» – бранились сестры. Они частенько били детей руками или палками куда ни попадя. Боль была ужасной, но еще ужаснее были унижения и осознание того, что ты ничего не стоишь, что никто на свете тебя не любит и никогда не защитит. Иногда Карл представлял себе, каково будет умереть взаправду, перейти из этого серого, холодного мира в другой. Один из мальчиков постарше, его звали Людвиг, однажды сделал то, о чем Карл только мечтал: белым январским днем выбросился из окна колокольни. Его неестественно согнутое тело лежало на заснеженном дворе, как мертвый птенец.

Взбешенные монахини впервые потеряли дар речи и поспешно вызвали врача, который и выдал свидетельство о смерти. Врачу сказали, что произошел несчастный случай. Глупый мальчишка вылез из окна и поскользнулся. Но все дети знали правду. Последние несколько дней Людвиг только и твердил, что не хочет жить. Три недели ранее его поймали на краже хлеба с кухни. Мальчишки были вечно голодные, потому что еды постоянно не хватало. Сестры заперли Людвига в карцере, который был похож на пещеру и находился под половицами, куда никогда не проникал свет. Там нельзя было стоять, передвигаться приходилось на четвереньках, а испражняться можно

было только в углу. В карцере дети оставались один на один с таящимися там демонами. Карл лишь однажды испытал это на своей шкуре. В шесть лет его отправили в карцер на сутки – он заправил свою постель не так, как должно. После этого мальчик несколько дней не мог сказать ни слова.

Людвиг провел в карцере целых две недели. Когда его наконец выпустили, он неудержимо трясся и не мог ходить, только ползал. Он заикался и бормотал, словно пьяный. С тех пор он говорил о смерти как о добром друге, который заберет его отсюда. Поэтому все мальчишки знали, что Людвиг, едва смог стоять на ногах, забрался на колокольню, раскинул руки и спрыгнул. Прочь, подальше от этого места, которое стало адом для них всех.

Карл боялся боли, поэтому не осмелился последовать примеру Людвига. Он ждал и ждал, сам не зная чего. Он словно сидел на вокзале, через которых не ходят поезда.

У Карла сохранилась черно-белая фотография с тех времен. Однажды в приют приехал фотограф – запечатлеть милосердие сестер, спасающих бедные души. Одна из сестер причесала Карла, смочила ему волосы водой и заставила надеть жесткий костюм. С фотографии на него смотрело мягкое симметричное лицо. Обрамленные длинными ресницами большие глаза, серые на изображении, но зеленые в жизни, глядели мудро и серьезно. Золотистые волосы мягкими волнами падали на высокий лоб. Карл был похож на ангелочка.

Сестер это злило, словно в его красоте они видели семя зла. Карл был неряшливым, молчаливым и неприветливым – по крайней мере, так любила повторять сестра Мехтильда, взирая на него разочарованным взглядом, которого он так боялся. Но чем усерднее мальчик пытался ей угодить, тем хуже получалось. Только телесными наказаниями и суровой любовью, говорила сестра, можно наставить на путь истинный. «Бог милостив», – избив мальчика палкой, бормотала она и гладила его по золотистым кудрям.

Карл в этом сомневался.

Стакан опустел. Карл задумчиво провел пальцем по кромке, отчего раздался тихий звук. Взгляд снова упал на тетрадь, которая с безобидным видом лежала посреди бумаг и книг. Это из-за нее воспоминания тревожили Карла больше обычного. Это из-за нее

вокруг сгущалась тьма, угрожавшая задушить в своих объятиях. Сейчас он чувствовал то же, что когда сидел в карцере.

Карл стукнул кулаком по столу и случайно смахнул стакан, который с глухим стуком упал и покатился по деревянному полу. Полегчало: стены перестали сужаться, воздух проникал в легкие и выходил обратно...

Повинуясь порыву, Карл схватил тетрадь и открыл посередине. В душу закралось мерзкое предчувствие, что он совершает ошибку. Он – полицейский и не имеет права скрывать улики, он должен отнести эту тетрадь в управление и показать своему помощнику, который сможет ее изучить... Но Фабрициус, наверное, давно забыл о существовании этой вещицы...

«Пусть так оно и остается», – решил Карл. Он не знал, кроются ли в тетради подсказки, которые помогут раскрыть смерть Риты Шенбрунн, и пытался преодолеть свое нежелание заглянуть внутрь. Как бы то ни было, уже слишком поздно вносить тетрадь в опись изъятых вещей. Карл должен узнать правду, которую так отчаянно ищет – и в то же время желает предать забвению.

Карл поражался гневу, который каждый раз охватывал его при мысли об изможденной женщине на столе морга, о редких волосах, сквозь которые просвечивала кожа на голове...

Он неохотно перелистывал страницы тетради – дневника – не в силах разобрать ни слова, и подумывал, а не сжечь ли вещицу? Но что-то удерживало его. Если точнее – застрявшее между страницами письмо. Он снова его вытащил.

Приют, письмо из которого Карл держал в руках, назывался Домом милосердия. Какая злая ирония!

Дрожа, он сунул пожелтевшую бумагу обратно и отодвинул тетрадь подальше, словно одно прикосновение к ней могло испачкать руки. Как бы крепко он ни зажмурился, перед глазами отчетливо стояла покойница и черные воды, неторопливо текущие под мостом и омывающие стены канала.

Помимо гнева теперь Карл испытывал кое-что еще – горе, которое камнем легло на сердце.

Глава 8

Четверг, 1 июня 1922 года

– Да? – отозвалась расплывшаяся старушка в потертом халате, высунув голову из дверного проема квартиры на первом этаже. Ее седые влажные волосы были накручены на бигуди, между которыми выглядывала бледная кожа. – А, вы та девушка, что приняла роды у Шмидтов?

Хульда кивнула. Сегодня она вернулась к Лило, показала новоиспеченной матери, как пеленают детей, и дала ей немного поспать, а сама тем временем посидела на кухне с малышом. До сих пор Конрад был просто образцовым ребенком: почти не плакал и сразу засыпал, когда его качали на руках. И все же Лило выглядела так, словно не спала несколько недель.

Хульда прошлой ночью тоже не сомкнула глаз. Она вглядывалась в темноту своей тихой мансарды, пока в голове стремительным калейдоскопом проносились воспоминания о матери. Ужасным был не только конец Элизы Гольд, но и предыдущие годы жизни.

Разговаривая с Феликсом в кафе, Хульда старалась не показывать, как переживает из-за годовщины маминой смерти – хотя Феликс прекрасно понимал глубину ее горя. Он знал Хульду как никто другой. Он обнимал ее, когда маму увозили на машине скорой помощи. Без сирены. Но Хульда больше не могла быть с ним, не могла позволить себе вернуться к комфорту, который обеспечивала их давняя дружба.

Хульда отвлеклась работой, как делала всегда. Сюда она приехала в свой обеденный перерыв, а потом собиралась отправиться на первое занятие курсов по повышению квалификации, которые проходили в женской клинике Нойкельна – там же, где в юности она обучалась на акушерку. Но сегодня Лило снова смотрела на Хульду с такой мольбой во взгляде, что та решила сначала переговорить с кастеляншей.

– Вы ведь госпожа Козловски? – на всякий случай уточнила она, после чего представилась: – Меня зовут Хульда Гольд. Можно зайти к вам на минуточку?

– Конечно, милая моя. Проходите в парадную!

Госпожа Козловски, похоже, была рада неожиданной гостье. Она взяла Хульду за руку, потащила в коридор, захлопнула за ней дверь и даже задвинула засов, словно отрезая путь к отступлению. Потом проковыляла в гостиную, где царил ужасный бардак. В первую очередь в глаза бросались неубранная постель, влажные полотенца и разложенные на низком столике остатки пряжи с бесчисленным количеством вязальных спиц. Посреди беспорядка можно было увидеть по меньшей мере десяток бутылок, некоторые из них валялись на полу. Хульда уже почувствовала исходящий от госпожи Козловски запах перегара и увидела под ее мутными глазами лопнувшие красные прожилки, указывающие на любовь к спиртному. Хульда была не понаслышке знакома с женским алкоголизмом.

– Выпить не хотите? – предложила госпожа Козловски и, не дожидаясь ответа, плеснула портвейн в два не очень чистых бокала на толстых ножках. Потом протянула один из них Хульде.

– Почему бы и нет? Благодарю! – Хульда пригубила кислосладкую жидкость и сразу же ощутила успокаивающее жжение в горле. «Главное – не переборщить», – подумала она. Завтракала Хульда давно, причем завтрак ее состоял из одной только ржаной булочки с медом, которую она проглотила за рулем велосипеда, потому что снова проспала. Она опьянеет, если выпьет сейчас больше одного бокала.

– Вы чего-то хотели? – поинтересовалась кастелянша, подливая себе портвейна.

Хульда скользнула взглядом по фотографиям на стенах. Люди в темных одеждах, мужчины в форме... По напряженным лицам позирующих было видно, что им приходилось долго оставаться в одном положении, чтобы фотограф запечатлел их черты.

Хульда с нарочитой беззаботностью сказала:

– Говорят, вам здесь все доверяют. Вас можно назвать хранительницей тайн этого дома.

– Да, можно, – хихикнула Козловски. – У меня память как у слона. Правда, когда мне нездоровится, то могу и что-нибудь забыть. Я очень чувствительна к изменению погоды, знаете ли... От этого у меня каша в голове и мысли путаются.

Хульда кивнула, сдерживая улыбку.

– Я хотела спросить, хорошо ли вы знали Риту Шенбрунн? Может, она доверяла вам какие-нибудь секреты?

Лицо госпожи Козловски искривилось от горя.

– Ужасное происшествие, правда? Да чего вы там стоите, садитесь! – Она скинула грязные вещи с выдавшей лучшие дни кушетки, из которой торчали пружины.

Хульда осторожно села на краешек и ободряюще улыбнулась хозяйке.

– О чем это я? Ах да, вы спросили о госпоже Шенбрунн из третьего подъезда. Ужас, просто ужас! Мы с Ритой любили иногда пропустить по стаканчику. Какое-никакое развлечение для двух пожилых дам, понимаете? Ей нравился портвейн, который вы сейчас пьете... Но после того, что случилось с ее мужем и дочкой Хильдой... – Госпожа Козловски вытерла глаза и всхлипнула. – Рита изменилась.

Она выдержала театральную паузу и посмотрела на Хульду, явно ожидая вопросов. Хульда готова была подыграть.

– А что с ними случилось?

Кастелянша многозначительно провела пальцем по горлу.

– Померли, причем оба. Что муж, что ребенок, – мрачным голосом сказала она. Ее щеки и дряблая кожа на подбородке дрожали от возбуждения. – Случилось это в тысяча девятьсот восемнадцатом, вскоре после окончания войны. Эпидемия испанки. Да что я вам рассказываю! Только здесь, в нашем доме, погибло десятка два человек, если не больше! В основном, конечно, старики да маленькие детки... А ведь Конрад, муж Риты, был здоровяк каких поискать! Сначала у него разболелась голова, потом началась лихорадка, и он выблевал себе все кишки... А всего через неделю слегка и дочка! Никто такого не выдержит. Вот Рита и съехала с катушек.

Хульду не покидало ощущение, что, несмотря на сочувственные слова, госпожа Козловски наслаждается происходящим. Девушка быстро осушила стакан, вспомнив рассказ Берта об эпидемии, которая охватила город, как пожар. Еще Берт рассказывал, что философ-коммунист по имени Фридрих Энгельс еще после войны 1871 года предсказал, что Германию ждет очередная губительная война, которая закончится эпидемией и голодом. Хульда частенько вспоминала эти слова, поскольку на этом предсказание не закончилось. По словам Берта, Энгельс говорил, что Германия в конечном итоге будет разорена

и уничтожена. Хульда не знала, что об этом и думать: ей казалось, что страна понемногу оживает.

Она задумчиво посмотрела на госпожу Козловски, которая наклонилась вперед, наливая себе третий бокал. Бигуди у нее на волосах заколыхались под своим весом.

– Давайте и вам плесну? – предложила кастелянша, кивнув на бутылку.

«Да пропади оно все пропадом», – подумала Хульда и протянула свой пустой бокал госпоже Козловски. Та наполнила его самых до краев. Хульде пришлось осторожно отпить немного портвейна, прежде чем она смогла поставить бокал на стол рядом со ржавой швейной машинкой. После этого она выжидающе посмотрела на госпожу Козловски. Раз уж она здесь, то попытается выяснить, что произошло с Ритой Шенбрунн.

– Вы сказали, что после потери родных Рита изменилась. В чем это выразилось?

– Она начала пить как сапожник, – ответила госпожа Козловски, слизывая капельки портвейна с тонких губ. – Даже прямо ходить не могла, качалась из стороны в сторону! Поначалу в лечебнице на это закрывали глаза, но вечно так продолжаться не могло, ясное дело. Через год или два Риту уволили.

– Госпожа Шенбрунн работала в клинике?

– Да, в дальддорфской психушке. У нее было время, чтобы работать. Малышка Хильда родилась спустя годы после свадьбы, а больше детей у них не было. Рита как-то сказала, что хотела бы иметь большую семью, но у нее не получалось. Не все в жизни получается так, как хочется, верно, милочка?

Хульда закашлялась, подавившись портвейном. Госпожа Козловски заботливо похлопала ее по спине, а потом с тоской указала на одну из фотографий, с которой серьезно смотрели четверо детей, выстроившиеся по росту перед деревянной лошадкой-качалкой.

– Даже если получается родить детей, которые прошли через войну и остались невредимы... В конце концов ты остаешься в одиночестве. Никто не приезжает навестить старушку-мать. – Госпожа Козловски вытерла слезы, которые потекли из ее покрасневших глаз.

Было видно, что она погрузилась в прошлое, поэтому Хульда поспешила уточнить:

– Значит, Рита работала медсестрой?

– До недавнего времени, – кивнула госпожа Козловски, взяв себя в руки. – Она пошла учиться, чтобы найти работу и помогать мужу. Конечно, он должен был дать свое согласие. Это сегодня девчонки вроде вас могут делать все, что им заблагорассудится, а тогда были совсем другие времена...

Хульда подумала, что времена, может, и изменились, но вот законы остались прежними. Если бы она вышла замуж, то чтобы работать, ей тоже пришлось бы получить письменное разрешение от мужа. Зато теперь женщинам разрешили голосовать! Правда, Хульда совсем не интересовалась политикой... Она попыталась сосредоточиться. Что кастелянша сейчас сказала?

– Какой-какой была Рита?

– Умной и сообразительной. Она с отличием выучилась и сразу же нашла работу. Конечно, не все мечтают работать с психами, но Рита повторяла, что ей нравится чувствовать себя нужной. Она вечно рассказывала про современные методы лечения и все такое. Я как-то поднялась к Рите в квартиру и увидела у нее тетрадку, куда она добросовестно записывала разные методы лечения, что говорят врачи, кто пациенты и... не знаю. Я не разбираюсь в ваших медицинских штучках.

Да, в этом у Хульды не было ни тени сомнений.

– И что случилось потом?

– А потом ей пришлось собрать вещички. Руки у нее тряслись, она больше не могла ставить уколы. Ревела она тогда белугой... К тому времени Рита уже перебралась в маленькую квартирку в последнем подъезде, а в ее старую въехала большая семья. Сейчас так трудно с жильем, что иначе и быть не могло. Это ей еще повезло. Чем, скажите на милость, ей было платить за квартиру?

– А на что она тогда жила?

Госпожа Козловски снова посмотрела на Хульду со смесью торжествующего восторга и стыда.

– Нам остается лишь догадываться, милочка. Ходят тут разные слухи... Видимо, Рита пошла на панель. – Она пожала плечами. – В ее-то возрасте! Подумать страшно. Так низко пасть... А ведь у Риты было доброе сердце. Она такого не заслужила. С ее стороны было глупо не

иметь запаса на черный день. Вот я как следует сберегла наследство моего Вильгельма!

Хульда встала. Ей больше не хотелось выслушивать язвительные замечания госпожи Козловски о своей покойной соседке, замаскированные под притворное сочувствие. Колени у нее подкашивались, словно она ступала по зыбкому песку. Ну и портвейн!

– Боже правый, – пронзительно засмеялась госпожа Козловски. – Бедненькая моя, на вас лица нет! Вам лучше сесть, милочка. Промочите горло на дорожку.

С этими словами она откупорила бутылку с прозрачной жидкостью, на этикетке которой было написано «Данцигский ликер «Гольдвассер». Хульда в ужасе отпрянула.

– Большое спасибо, госпожа Козловски. У вас здесь замечательно, но мне сегодня еще работать.

С этими словами она осторожно, по стенке подошла к двери, вежливо попрощалась и еще раз поблагодарила за гостеприимство.

Но стоило кастелянше закрыть за Хульдой дверь, как она глубоко вздохнула. Стойкий душок выпивки и немытого старческого тела был настолько тяжелым, что запах жареной капусты, витавший на лестничной клетке, казался почти приятным. «Мне срочно нужно перекусить и выпить чашечку крепкого кофе», – подумала Хульда и направилась к стоявшему во дворе велосипеду. Она решила пойти пешком, чтобы не рисковать, и теперь вела велосипед вдоль Бюловштрассе, глубоко вдыхая воздух раннего лета.

Небо было затянуто тучами, но дождя, скорее всего, не будет. Отменный мокко подавали в кафе «Винтер», но сегодня Хульда решила обойтись без него. Лучше она пойдет в какую-нибудь кофейню на Потсдамерплац, куда можно дойти минут за двадцать. Ей не хотелось портить Феликсу настроение своим присутствием. Кроме того, Хульда устала от его жалости к себе. При мысли о Феликсе у нее в душе поселилось странное смятение.

По дороге Хульде повстречались несколько желтых омнибусов, множество автомобилей, ехавших по широкой Потсдамерштрассе в северном направлении, и мальчишки-курьеры, которые пролетали мимо нее на велосипедах, звоня в колокольчик. Кто-то громко присвистнул Хульде вслед, и она усмехнулась: может, не такая уж она и старая.

На мосту неподалеку от площади Потсдамерплац толпились люди: добровольцы из Армии спасения раздавали голодающим горячий суп в жестяных мисках. Хульде было больно смотреть на изможденные детские личики, на беззубо улыбающихся стариков и смущенных матерей, которые не могли накормить свои семьи. Пока она пробиралась сквозь толпу, нескольких человек приняли ее за сестру милосердия – видимо, из-за чепчика.

На большом нарисованном от руки плакате было написано: «Сослужите Богу службу, пожертвовав на нужды полевой кухни».

«Полевая кухня. Что это за слово вообще такое? – покачала головой Хульда. – Почему все в этой стране, даже еда, имеет военный подтекст?»

Потом она подумала: «Интересно, а Рита Шенбрунн тоже стояла в очереди за супом или ей не позволяла гордость?» Почему эта женщина решилась на самоубийство? Потому что не смогла смириться с потерей семьи и любимой работы? По крайней мере, так думала кастелянша. А вот Лило решительно исключала такую возможность. Что же случилось на самом деле? Может, Рита упала в канал, потому что была пьяна? Или ее смерть как-то связана с тем, что она была проституткой? Может, Риту убил кто-нибудь из ее окружения? Может, кто-то хотел свести с ней счеты? В этой среде не брезгают никакими методами.

«В любом случае, судьба этой женщины довольно трагична», – подумала Хульда, выискивая свободный столик в кофейне на углу. Она помахала официанту, заказала что-то поесть и рассеянно улыбнулась в ответ на его улыбку. Все это время какая-то смутная мысль не давала Хульде покоя, но она не могла понять, какая именно. Это неприятное ощущение навязчиво преследовало ее, заставляя заново прокручивать в голове разговор с госпожой Козловски. Казалось, Хульда что-то упускала, но что именно? Точно, теперь она вспомнила! Кажется, госпожа Козловски сказала, что Рита Шенбрунн вела какой-то дневник, в котором делала рабочие пометки. «Может, она также записывала свои личные переживания?» – подумала Хульда и с благодарностью отпила кофе из изящной чашечки, которую поставил перед ней официант. Лучик солнца пробился сквозь облака и заплясал на ее голых руках. Мир снова прояснился.

Известно ли Лило о дневнике? Возможно, там прячется подсказка, способная пролить свет на гибель Риты. Имя какого-нибудь человека, с

которым она поссорилась или которому задолжала деньги...

Хульда спросит об этом Лило, когда приедет в следующий раз, но только если новоиспеченная мамочка не будет нервничать и волноваться.

Что-то в истории Риты Шенбрунн и ее скоропостижной смерти не давало Хульде покоя, поэтому она вцепилась в это дело и не могла отпустить, даже если бы захотела, – совсем как уличный пес, который в эту секунду перебежал через дорогу сдохлой крысой в зубах и направился в сторону вокзала.

Глава 9

Выдержки из дневника

Психиатрическая лечебница Далльдорфа, Берлин
13 декабря 1914 года

Я работаю в Далльдорфе уже больше двух лет. Сейчас я прочитала свою последнюю запись – не заметку о лечении и лекарствах, а запись, в которой делюсь своими мыслями и переживаниями. Мои тогдашние слова полны энтузиазма! Впрочем, несмотря на тяжелую работу и новых пациентов, которых переводят к нам со всей империи, я и по сей день уверена: то, что я делаю, преисполнено глубочайшего смысла. Всякий раз, когда вечером у меня болят ноги или когда на руках появляются синяки из-за того, что меня неожиданно схватил пациент, я думаю: ничто не сравнится с ощущением, что я помогаю своей семье, и с уверенностью в том, что здесь, в лечебнице, я исполняю свое предназначение.

У нас новый директор, медицинский советник доктор Кортум, который пришел на смену старику Зандеру. Не могу отделаться от мысли, что Кортуму не позавидуешь: он взял на себя управление лечебницей в тяжелые времена. Идет война, и каждый из нас ощущает это на своей шкуре. Государство тратит на больных куда меньше, чем на здоровых, которые сидят в тылу, и совсем скоро это станет серьезной проблемой. Ну как объяснить бедняжкам, что нам не хватает еды и поэтому им придется лечь спать голодными? Большинству из них чужда логика, им не понять последствий того, что у нас идет война.

Слава богу, Конрад слишком стар, чтобы его отправили на героическую смерть. Ему не придется воевать, он останется со мной и малышкой Хильдой. Конрад беспокоится обо мне, все время спрашивает, не голодаю ли я на работе, но я его успокаиваю, потому что пайки медицинскому персоналу не сокращаются. Иногда я даю пациентам яблоко или кусочек хлеба. Тяжелее всего выносить плач малышей, которые просят еды. Остается лишь надеяться, что скоро

война закончится победой, как и обещают наши главнокомандующие. В противном случае лечебницу охватит голод.

У нас появилось новое отделение для пострадавших солдат, которые не являются пострадавшими в полном смысле слова. Физически они здоровы, но страдают от странной болезни. Врачи отмечают тремор, рвоту, приступы истерии, плача и неконтролируемого смеха. Некоторые пациенты пробыли на фронте несколько недель, другие – всего несколько дней, но все вернулись с этими необъяснимыми симптомами. Многие вели позиционную оборону в окопах, где их засыпало землей. Вскоре у них появились вышеупомянутые симптомы. Пациенты без видимых причин теряли голоса, страдали тремором, нервным тиком и сильнейшими судорогами, которые не проходили даже после возвращения домой. В военных госпиталях не знали, что делать с такими пациентами, поэтому их стали распределять по лечебницам для душевнобольных. Думаю, мы столкнулись с новым душевным недугом, возможно, даже с эпидемией, хотя я слышал, как другая медсестра презрительно говорила, что все эти пациенты – притворщики, заразившиеся постыдной для мужчин истерией из-за тревожных писем своих жен и матерей.

Я работаю в другом здании, мне еще не приходилось ухаживать за солдатами. Но позавчерашним вечером по дороге на кухню я проходила мимо их отделения и видела пациента, который пристально вглядывался в небо. Заметив меня, он рухнул на землю, корчась в судорогах и повторяя одно и то же слово. «Сапоги, сапоги», – бормотал он и в перерывах между судорогами жестом просил снять с него ботинки. Потом прибежали санитары и увели несчастного. Но у меня из головы не выходят его лицо, страх смерти, застывший у него в глазах, настойчивость, с которой он пытался избавиться от своих ботинок... Что он пережил там, на фронте, от чего его душа настолько пострадала? Как ему помочь?

Но если в Дальддорф и дальше будут привозить так мало еды, то этот вопрос решится сам собой.

Глава 10

Пятница, 2 июня 1922 года

– Видите, Лило, все идет как по маслу.

Лило с гордостью посмотрела на госпожу Хульду, вместе с которой впервые вывела Конрада на прогулку. Ноги все еще немного подгибались, словно резиновые, но Лило крепко держалась за ручку коляски.

Почувствовав на себе взгляд Хульды, она напустила на себя бодрый вид, но акушерка, должно быть, видела ее насквозь, потому что строго добавила:

– Однако через десять минут мы с вами вернемся домой. Во время послеродового периода следует соблюдать постельный режим! Но вы упрямы, как ослица! Уговорили меня выпустить вас на улицу...

– О, госпожа Хульда, в своей тесной комнатке я с ума сойду от скуки! Вольфи целыми днями пропадает на работе или в пивной, отмечая рождение сына. Я всегда одна! К тому же солнечный свет и свежий воздух полезны для малышей. Вы сами так говорили.

Хульда улыбнулась. Она была бы хорошенькой, если бы не хмурилась так часто и не вытягивала лицо, словно запрещая себе радоваться жизни – по крайней мере, во время работы. Но вот глаза у нее были необыкновенные: серо-голубые, они смотрели на тебя так, что ты невольно чувствовал себя самым важным человеком в мире. Они были похожи на море, на которое вот-вот обрушится сильный шторм. А серебристый отлив придавал взгляду загадочности. «И фигурка у госпожи Хульды – просто загляденье», – с завистью подумала Лило.

– Почему вы так странно на меня смотрите? – удивленно спросила Хульда, и Лило почувствовала, как лицо заливают краской.

– Я просто подумала, что вам очень идет синий цвет. Да и платье смотрится шикарно. У вас красивая талия.

Хульда приоткрыла рот, а потом недоверчиво рассмеялась.

– Благодарю, – сказала она, и Лило показалось, что у нее в голосе проскользнула нотка неуверенности. Неужто комплименты – ее

больное место? «Иногда люди сами усложняют себе жизнь», – подумала Лило.

Она, в свою очередь, обожала получать комплименты. До свадьбы Вулфи часто повторял, что без ума от ее светлых волос и нежной кожи. Не будь Лило столь падкой на лесть, ей бы не пришлось выскакивать замуж в спешке. Она посмотрела вниз, на свой живот, и почувствовала себя страшной и неуклюжей. Но потом заглянула в коляску, где, одной рукой вцепившись в шерстяное одеяльце, а другую зажав в кулачок, спал Конрад, и подумала: оно того стоило.

Лило хотелось показать свое прелестное сокровище всему свету. Личико, которое после родов было морщинистым, как зимнее яблочко, разгладилось, а кожа на круглых щечках стала похожей на бархат. На безволосой голове мальчика красовалась белая шапочка, сидевшая как влитая. Лило вздохнула, подумав о Рите. Как бы ей хотелось показать малыша своей соседке, поплакать у нее на плече, когда ей становилось грустно. Как бы ей хотелось приходить к Рите за советом всякий раз, когда ее терзают страхи, потому что она не знает, как должна вести себя мать. У Риты наверняка бы нашлись ответы на все вопросы, ведь она растила ребенка – да и к ней, Лило, частенько относилась как к дочке. Лило скучала по ее обществу, по их неторопливым разговорам...

Она вытерла со щеки слезинку. После рождения Конрада она стала жуткой плаксой. Что с ней творится?

– Грусть – это вполне нормально, – тихо сказала Хульда, нежно сжав ее руку в своей. – После родов большинство женщин склонны поддаваться эмоциям.

– Но это так глупо, – всхлипнула Лило, с благодарностью взяла протянутый носовой платок и громко высморкалась, пока госпожа Хульда везла коляску. – Мне бы радоваться, что у меня родился здоровый малыш...

– Можно одновременно и радоваться, и грустить, – ответила Хульда. – Появление ребенка приносит большие перемены в жизнь женщины. На плечи ложится ответственность, которая кажется обременительной и непосильной. Первые несколько недель многие реагируют на нее слезами. Поэтому не будьте слишком строги к себе, Лило. Плачьте на здоровье, когда вам хочется. Как говорится, после

дождя всегда выходит солнце. Вы снова засияете, как только привыкнете к своей новой жизни.

Лило еще раз всхлипнула и, осторожно отодвинув Хульду в сторону, снова схватилась за ручки коляски. Скоро у нее на лице появилась улыбка. Она наслаждалась вниманием прохожих. Каждый второй заглядывал в коляску и зачарованно улыбался при виде крохотного малыша.

Через некоторое время им встретила аптекарша Лангханс. Она остановилась, поздоровалась с Хульдой, а потом заглянула под капюшон коляски.

– Какой красавчик! – воскликнула она, и Лило почувствовала, как переполняющая ее радость прогнала меланхолию. Она с гордостью рассказала аптекарше о родах и о первых днях в жизни Конрада.

Хульда отошла немного в сторону и принялась рассматривать витрины магазинов.

– Ку-ку! – засюсюкала аптекарша и наклонилась к Конраду, который спал, не обращая внимания на устроенный вокруг него ажиотаж. – Он просто сокровище! – добавила аптекарша, и Лило мило улыбнулась, радуясь встрече.

Через некоторое Хульда, судя по всему, устала от витрин, потому что вернулась к ним и бодрым тоном, который был Лило хорошо знаком, сказала:

– Пожалуй, на сегодня хватит. Вам нужно отдохнуть, Лило.

Аптекарша Лангханс кивнула и попрощалась, напоследок пообещав принести Лило травяной сок, который полезен после родов и якобы творит настоящие чудеса.

Лило послушно развернулась, и они с Хульдой медленно побрели домой. Проходя мимо пустого магазинчика, Лило заметила у входа тень. То была босая девчонка, сидевшая на корточках в дверном проеме. Казалось, она спала, опустив голову и обхватив руками тощие коленки. Грустная картина...

Лило узнала ее, но не остановилась. Она злилась на свои ноги, которые вдруг крупно затряслись, и чувствовала, как внизу живота нарастает давление. Она стиснула зубы и ничего не сказала. Позволив Хульде взять Конрада на руки, Лило из последних сил взобралась по лестнице. Дома она с облегчением опустилась на кровать. Хульда помогла ей устроиться поудобнее и передала ей младенца, который

проснулся и теперь сонно искал грудь. Лило с удовлетворением почувствовала, как Конрад начал сосать молоко, и устало откинулась на подушки.

– Вы знаете ту девочку? – донесся до нее вопрос Хульды, которая деловито принялась за уборку.

– Какую девочку?

– С рыжими волосами. Она спала на пороге магазина.

– А, это Лена.

– Кто она такая? – поинтересовалась Хульда.

– Никто. Сирота, беспризорница. Они с братом живут на улице.

– Она проститутка?

Лило удивленно подняла взгляд и покраснела.

– А мне почему знать?

Хульда не стала настаивать и просто сказала:

– Думаю, иногда она спит здесь, на лестничной клетке.

Лило кивнула:

– Однажды я видела, как она собирает свои вещички. Город погрузится в ужасную нищету! Повезло, когда есть крыша над головой, как у нас с Вулфи. И еда, которой можно набить живот.

Хульда сложила полотенца, которые Лило небрежно оставила на полу. Она выглядела задумчивой.

– А ваша соседка, покойная госпожа Шенбрунн? – осторожно спросила она. – Она тоже вышла на панель?

– Это вам госпожа Козловски наплела? Вот старая перечница! – вскинулась Лило, но потом кивнула. – Мы с Ритой никогда об этом не говорили. Какое мне дело, как она зарабатывает на жизнь? Но я догадывалась, чем она занимается. Ну а что? Она все потеряла. Уж лучше на панель, чем помереть с голоду!

– Она когда-нибудь упоминала о том, что ведет дневник?

Лило изумленно заморгала.

– Нет, я никогда ни о чем таком не слышала. А почему вы спрашиваете?

Не успела Хульда ответить, как в дверь постучали – энергично и настойчиво, будто визитер ожидал, что ему немедленно откроют.

Лило посмотрела на Хульду.

– Вы откроете? Спасибо!

Проводив госпожу Хульду взглядом, она подумала, что та не просто ходит, а шествует, как какая-нибудь королева.

Конрад, закрыв глаза, продолжал самозабвенно сосать грудь. Наверное, вот-вот заснет. Лило погладила его по мочке уха. Та была мягкой, как верба.

Внезапно из коридора донесся незнакомый мужской голос.

– Только ненадолго, – ответила Хульда. – Госпожа Шмидт всего несколько дней как родила, ей нужен покой.

Из кухни послышались шаги, и кто-то забарабанил в дверной косяк тем же требовательным стуком.

Лило испуганно подпрыгнула, когда через секунду в спальню вошел мужчина и, не говоря ни слова, протянул ей полицейский значок. На полицейском была не синяя форма, которую носят уличные патрульные, а расстегнутый пиджак и брюки со стрелками. Галстук сидел криво, словно его завязывали в большой спешке. Мужчина заметил, что на нем шляпа, и торопливо снял ее.

– Госпожа Шмидт? Меня зовут комиссар Карл Норт, я из криминальной полиции. Мне нужно задать вам несколько вопросов. – Он вытащил блокнот, как будто хотел записать каждое слово, которое услышит.

Лило неуверенно кивнула и оглянулась на Хульду, молча прося о помощи. Лежа на мятых подушках со спящим ребенком на груди, она чувствовала себя голой и уязвимой. Хульда быстро оценила ситуацию и сказала:

– Не могли бы вы подождать нас на кухне, господин Норт? Мы присоединимся к вам через минуту.

На лице комиссара промелькнуло негодование. «Похоже, терпение не входит в список его добродетелей», – подумала Лило. На мгновение ей показалось, что он хочет возразить, но госпожа Хульда смотрела на него тем же пронзительным взглядом, каким смотрела на Лило, когда та осмеливалась не допить чай или плохо делала гимнастику. Поэтому Лило знала, что комиссар уже проиграл бой.

Кивнув, он подчинился и скрылся за дверью.

Хульда забрала у Лило ребенка и осторожно положила его на кровать. После того, как Лило встала и привела в порядок одежду, обе девушки прошли на кухню. Хульда усадила Лило и жестом предложила комиссару взять стул, но тот ходил взад и вперед и,

похоже, был не в настроении садиться. Пожав плечами, Хульда направилась к раковине и поставила чайник кипятиться. Лило тем временем изучающе рассматривала комиссара Норта.

У ее Вольфи, с гордостью подумала она, хорошая наследственность, но этот мужчина был отрадой для глаз: красиво очерченное лицо с высокими скулами, полные губы, светло-зеленые глаза, казавшиеся почти прозрачными за круглыми стеклами очков. Светлые волосы спускались до середины ушей, но когда комиссар нервным жестом откинул их назад, можно было увидеть залысины. Они заставляли комиссара выглядеть старше, чем он, вероятно, был, и придавали ему солидность, странно сочетающуюся с мальчишеской улыбкой, которую он послал Лило. Видимо, комиссар решил, что обаянием добьется большего, чем с продемонстрированной ранее строгостью.

– Поздравляю с новорожденным, – сказал он, и Лило поняла, что этими словами комиссар пытался расположить ее к себе. На самом деле Конрад его ни капельки не интересовал.

– Спасибо, – сдержанно отозвалась она. – Чего вам от меня нужно?

Улыбка исчезла, будто ее стерли с лица.

– Вы знали Риту Шенбрунн? Она жила в квартире напротив.

Лило кивнула, чувствуя, как сжалось горло.

– Когда вы видели ее в последний раз?

– Точно не помню. За пару-тройку дней до рождения Конрада. – Лило указала на спальню. – Последние несколько дней перед родами я не выходила из квартиры, а потом она уже... – Она запнулась. Ей не хотелось произносить этого вслух.

– Постарайтесь, пожалуйста, вспомнить поточнее, – холодно сказал комиссар Норт. – Это важно.

Лило призадумалась и нервно затеребила пальцами блузку, заметила это и сложила руки на коленях.

– Наверное, в воскресенье, – наконец сказала она. – Помню, я ждала возвращения Вольфи – это мой муж... В субботу он работал во вторую смену и его не было всю ночь. В воскресенье утром он не пришел, я очень расстроилась и пошла к Рите. Она заварила чай, и мы немного поболтали. Потом она подарила мне шапочку для ребенка и сказала заходить к ней в любое время, но...

У Лило сорвался голос, и она замолчала. Хульда подошла к столу и поставила на него две чашки, от которых исходил пар. По помещению поплыл запах свежесваренного кофе, и Лило подумала, что госпожа Хульда в своем репертуаре: потрудились приготовить кофе даже для такого чурбана, как этот комиссар.

Хульда успокаивающе погладила Лило по спине, и, почувствовав тепло ее руки, та подняла голову.

– Вы просто обязаны найти того, кто это сделал! – воскликнула она и сама удивляясь горячности, прозвучавшей в ее голосе. – Рита была хорошей женщиной! Она такого не заслужила.

– Почему вы думаете, что ее убили?

Лило уставилась на комиссара во все глаза.

– А разве нет?

Она растерянно посмотрела на Хульду. Та стояла у окна, словно показывая, что не участвует в разговоре, но придет на помощь, если Лило что-то понадобится.

Комиссар Норт слегка прикусил ноготь на руке. «Почему он так нервничает?» – озадаченно спросила себя Лило.

– В настоящее время мы предполагаем, что госпожа Шенбрунн совершила суицид. Ни семьи, ни средств к существованию, к тому же покойная была представительницей сомнительной профессии. В этом жалком городе она не первая, кто решил свести счеты с жизнью. Но есть кое-какие несоответствия, которые нам необходимо прояснить перед тем, как закрыть дело. – Он смахнул на пол кусочек ногтя.

– Суицид? – непонимающе переспросила Лило.

– Самоубийство, – пояснил комиссар с легким презрением в голосе.

– Рита бы никогда не покончила с собой! – непокорно возразила она. – Рита была настоящим бойцом! Она никогда бы не причинила вреда ни себе, ни людям, которых любила!

В светлых глазах комиссара вспыхнул огонек.

– Не вам об этом судить, – насмешливо фыркнул он.

Лило отшатнулась. Какой недобрый человек!

Госпожа Хульда, глядевшая на серый двор, удивленно отвернулась от окна и посмотрела на комиссара.

– При всем уважении, господин комиссар, – сказала она своим привычным голосом, заполнившим собой крошечное помещение, – вы,

похоже, скоры на суждения. Может, вам сначала следует выслушать, что скажет свидетельница?

Лило чуть не расхохоталась, увидев изумление на лице комиссара. Этот грубиян на своей шкуре поймет, что госпожу Хульду лучше не злить! Потом Лило снова подумала о Рите и почувствовала, как горе накатывает на нее, как волна. Что же произошло с ее соседкой?

Оправившись от удивления, комиссар прочистил горло и снова повернулся к Лило:

– Давайте продолжим. Вы не заметили за последние две недели ничего необычного? Может, к госпоже Шенбрунн приходил странный посетитель или она с кем-нибудь поссорилась?

Лило задумчиво покачала головой.

– Ничего не приходит на ум. Разве что некоторое время назад Рита повздорила с господином Зауэрбиром из второго подъезда. Он обвинял Риту в том, что она взяла из мусорного бака его вещи. Но он выбросил их, так что какая разница? Рита часто просматривала мусор. Она говорила, что там можно найти что-нибудь полезное.

Комиссар записал фамилию соседа в блокнот, но Лило видела, что эти сведения не вызвали у него интереса. Потом она вспомнила еще кое-что.

– Однажды я собиралась зайти к Рите за мукой. У меня закончилась, а я хотела замесить тесто на хлеб... Это было месяц назад, на Пасху, как сейчас помню! Так вот, я собиралась постучать, но услышала из ее квартиры шум и поняла, что у нее гости. Кто-то плакал, но я не поняла почему. Я не подслушивала, честное слово, – поспешила добавить Лило и украдкой взглянула на госпожу Хульду. Та спокойно слушала ее рассказ, стоя у окна, и ободряюще улыбалась.

– Кто мог навещать госпожу Шенбрунн? – не поднимая глаз, спросил комиссар Норт и продолжал что-то строчить в блокноте. Он провел рукой по волосам, и теперь с одной стороны они немного торчали. Узел галстука еще сильнее сместился влево, и казалось, что кусок ткани душит своего хозяина.

– Понятия не имею, – беспомощно сказала Лило. – У Риты не было родных, ее муж с дочкой умерли несколько лет назад. Друзей у нее почти не осталось. Думаю, никого ближе меня у нее не было.

– Может, она была с клиентом?

Лило отчаянно замотала головой:

– Рита никогда не приводила мужчин домой. Она была порядочной. Несмотря ни на что.

– Если вы называете порядочностью то, что вместо дома она шла с мужчинами в гостиницу, – резко отозвался комиссар.

Лило вдруг показалось, что ее в чем-то обвиняют. Пытаясь сдержать слезы, она украдкой вытерла глаза. Меж бровей госпожи Хульды залегла тревожная морщинка. Она оттолкнулась от подоконника и подошла к ним.

– Думаю, на сегодня достаточно, комиссар. Госпожа Шмидт недавно родила, и ей нужно отдохнуть, пока ребенок не проснулся.

И тут Лило кое-что вспомнила. Она посмотрела на акушерку и робко спросила:

– Госпожа Хульда, кажется, вы недавно упоминали о каком-то дневнике?

После этих слов комиссар словно окаменел. Он резко вдохнул, но ничего не сказал, хотя Лило видела, что он с трудом удерживается от вопросов.

«Что с ним?» – снова подумала она. Неужто все полицейские такие замкнутые, дерганные и раздражительные?

Госпожа Хульда кивнула, отвечая на вопрос Лило, потом повернувшись к комиссару и поинтересовалась:

– Вы его не находили?

– Я не... я не понимаю, о чем вы говорите. – Он снял очки и принялся тщательно протирать заляпанные стекла выпущенным из брюк краем рубашки. Однако стекла от этого становились только грязнее.

– Судя по всему, госпожа Шенбрунн вела что-то вроде дневника, – объяснила Хульда.

Комиссар схватился за горло, как будто ему вдруг стало нечем дышать, и Хульда с любопытством взглянула на мужчину, словно тоже заметила странности в его поведении.

– Мне об этом рассказала кастелянша, госпожа Козловски. Может, вам следует опросить ее следующей?

На лице комиссара появилось сердитое выражение.

– Давайте каждый из нас будет заниматься своей работой. Наверняка ребенку пора менять пеленки или греть бутылочку.

Хульда некоторое время молча смотрела на него, а потом расхохоталась.

– Какой вы, однако, чувствительный, – сказала она. – Но вы правы: у нас много дел. Рождение и воспитание детей – каторжный труд, о котором вы и понятия не имеете. Не стану утомлять вас подробностями, а то это затянется надолго.

Хульда отвернулась от молодого комиссара, и только хорошо знавшая ее Лило поняла, что она чувствует себя не так самоуверенно, как притворяется.

Комиссар Норт некоторое время пытался найтись с ответом, но, видимо, ничего не смог придумать, поэтому взял со стола чашку и залпом выпил не успевший остыть кофе. Он быстро-быстро задышал, чтобы остудить язык, поймал на себе взгляд Лило и закрыл рот. На его острых скулах появился легкий румянец.

– Спасибо, что уделите мне время, госпожа Шмидт. Пожалуйста, окажите содействие моим коллегам, если у них возникнут к вам новые вопросы. Не обсуждайте случившееся с соседями. Пока идет расследование, нам бы хотелось, чтобы сплетни об этом деле не распространялись.

– Я вам не сплетница! – возмутилась Лило. – Лучше скажите это старухе Козловски!

Комиссар Норт приподнял шляпу и сказал:

– Всего хорошего.

Он взглянул на госпожу Хульду, которая стояла к нему спиной и смотрела в окно. Когда она не оглянулась, комиссар пожал плечами, приподнял шляпу и вышел из квартиры.

Глухо хлопнула дверь.

Только тогда госпожа Хульда обернулась.

– Ну и задавака, – небрежно сказала она, с улыбкой глядя на Лило, после чего закатала рукава, вымыла в раковине руки и поправила чепчик, который немного съехал. Потом сказала: – Что ж, моя дорогая, вам надо перекусить и вернуться в постель.

Лило кивнула, наблюдая за тем, как госпожа Хульда проворно выкладывает на тарелку несколько картофелин из железной кастрюльки.

Ей показалось, что движения акушерки были более нервными, чем обычно.

Глава 11

Пятница, 2 июня 1922 года

Хульда еще издали увидела, что сегодня Берт повязал пятничный платок. У него было по одному платку на каждый день недели. Если жители Шенеберга вдруг забывали, какой сегодня день, им достаточно было взглянуть на владельца газетного киоска. Сегодня у него на шее красовался шелковистый светло-голубой экземпляр, яркий, как небо.

Большая площадь за киоском была пуста, только несколько голубей бродили вокруг, ссорясь из-за оставшихся крошек, словно вздорные старухи. Завтра базарный день, и народу здесь снова будет пруд пруди. За площадью неусыпным величественным стражем возвышалась краснокаменная церковь Святого Матьяша с остроконечным шпилем и высокими готическими окнами.

Хульда спрыгнула с велосипеда, привязала его к столбу и перешла через дорогу. Она держала путь к киоску, в котором Берт продавал газеты, сколько она себя помнила. Маленький стеклянный фонарь на крыше блеснул, поймав солнечный лучик. Зимой рано темнело, и Берт в это время обычно уже зажигал газовый фонарь, но летом можно было сэкономить: площадь освещало заходящее солнце.

– Добрый вечер, Берт, – сказала Хульда и улыбнулась своему старому другу. Помимо шелкового платка на нем были расшитый жилет, накрахмаленная рубашка, подтяжки, тщательно выглаженные брюки и сюртук. Берт всегда так одевался. Вещи он, судя по всему, гладил себе сам, поскольку был холостяком и жил один – в квартире за углом. Однажды Берт рассказал, что у него есть небольшой патефон и что по вечерам он слушает любимые пластинки. Хульда никогда не бывала у него дома.

Они предпочитали болтать здесь, на площади, в окружении шелестящих газет и журналов, с обложек которых на них смотрели важные личности, словно составляя им компанию. «Как странно, что я почти ничего не знаю о Берте», – вдруг подумала Хульда. Берт с его элегантной одеждой и понимающей, порой насмешливой улыбкой казался такой же неотъемлемой частью базарной площади, как фонарные столбы.

Берт улыбнулся из-под закрученных усов.

– Милая Хульда! Какая честь видеть вас в моей скромной лавке. Так поздно, а вы еще в делах?

– Долгий выдался денек. Я только что из Нойкельна, – сказала Хульда и пробежалась глазами по заголовкам вечерних газет. – Эти курсы повышения квалификации отняли много времени, но, к счастью, скоро они закончатся. – Потом она кое-что вспомнила и добавила: – Погодите минутку, у меня для вас подарок.

Хульда принялась рыться в кожаном саквояже, который таскала с собой весь день. Она чувствовала себя измученной и на удивление грязной. Все утро она провела с Лило, а после обеда поехала в женскую клинику, где выслушала длинную лекцию напыщенного врача-гинеколога. Этот мужчина, который, судя по всему, не принял ни одного ребенка, заявил, что женщины должны рожать только в одном положении, а именно – лежа на спине в постели. Этого требуют обычаи и приличия, а также анатомия. Хульду так и подмывало рассказать ему о Лило, которая прекрасно родила стоя, и о многих других женщинах, разрешавшихся от бремени в самых разных позах. Во взглядах остальных акушерок, устремленных на прикурка на трибуне, читались те же мысли. Потом Хульда взяла себя в руки.

Для акушерки критиковать врача, да еще и светоча медицины, было немыслимым преступлением. Да и вообще, если ты женщина и задаешь слишком много вопросов, то тебя, ничтоже сумняшеся, обзовут истеричкой.

Кроме того, врачи в большинстве своем относятся к домашним родам скептически, и Хульда все чаще думала о том, чтобы со временем пойти работать в клинику. Конечно, ей нравилось быть независимой, общаться с роженицами, болтать с ними вполголоса в полумраке спальни, пока младенцы спят, но...

Но какое будущее ее ждет? Стареющей акушерки, считай – повитухи, которая не развивается, не учится, а лишь передает старые знания, пока не иссохнет, и которой придется конкурировать с государственными медсестрами из родильных домов?

Акушерка немногим лучше уборщицы или служанки, потому что все лавры достаются врачам.

«Честолюбие тебя погубит, душечка», – любила говорить ей мать. Хульда пылко возражала, но, оставаясь наедине сама с собой,

признавала: да, она честолобива. Она хочет сиять, если есть возможность. В начищенном до блеска наборе родильных инструментов собственное отражение намного яснее и четче, чем в осколке зеркала на заднем дворе. Поэтому врачи должны поверить, что Хульда ловит каждое их слово, ведь без их поддержки женщине не пробиться.

В перерыве подавали некрепкий, но настоящий кофе с печеньем, и Хульда, питающая слабость к сладкому, подумала, что пришла не зря. Больше всего она любила шоколадные конфеты, но с готовностью проглатывала все, в чем был хотя бы намек на шоколад.

Наконец она отыскала в саквояже то, что искала, а именно – маленькую картонную упаковку и круглую жестяную коробку.

– Вот, держите. Настоящий венгерский воск для усов и повязка!

– Это мне? – притворно изумился Берт, принимая протянутые гостинцы. – Чем я заслужил такие сокровища?

Конечно, он знал, что Хульда была желанной гостьей в аптеке Рихтера на Гледичштрассе. Владелец делал ей различные подарки с тех пор, как она помогла появиться на свет его дочери. Госпожа Рихтер чуть не умерла при родах, потому что ребенок находился в затылочном предлежании и не хотел выходить сам. Хульда в отчаянии решилась на вызывающий споры прием для извлечения плода и в последнюю секунду вытащила ребенка из чрева матери. Припозднившийся врач – не сварливый Шнайдер, а другой – очень ее хвалил. Ему оставалось лишь обработать раны.

С тех пор, стоило Хульде переступить порог аптеки, как ей задаривали множеством необходимых и не очень вещей, таких как, например, духи, душистое лавандовое мыло, фиалковый крем и стиральный порошок «Персил», который, как говорили, «отстирывает белье сам»! Однажды Хульда упомянула о том, что у ее старого друга Берта роскошные усы, после чего аптекарь презентовал ей аксессуары для ухода за растительностью на лице.

– Буду теперь как наш последний император, – посмеиваясь, сказал Берт. – Он – тот еще кровопийца, но надо отдать ему должное: усы у него знатные. Облезлая черная гусеница, которая торчит под носом нового председателя НСДАП, и рядом не стояла. Проклятые националисты!

Хульда хихикнула.

– Берт, неужто вы решили присоединиться к социал-демократам? Будьте осторожны со словами, иначе члены рабочей партии скоро явятся по вашу душу. Или их уже запретили?

– По мою душу не явятся, – пренебрежительно махнул рукой Берт. – Этим паразитам нет дела до скромного продавца газет. Они хотят поймать рыбу покрупнее. Ратенау следует быть осторожнее. На его месте я б не выходил из виллы в Грюневальде без охраны.

– Почему? – спросила Хульда, досадуя на себя. Она частенько не знала, что происходит в стране, потому что была слишком занята своим маленьким мирком. Малыш Конрад и Лило, Феликс, утонувшая в канале женщина, беспризорники из Бюловбогена... У нее в голове не оставалось места для большой политики.

– Ему постоянно угрожают, – объяснил Берт. – Особенно после Рапалло. Но он отказывается ездить под охраной полиции. Не знаю, мужество это или мания величия. – Он грустно покачал головой, но потом лукаво улыбнулся: – К слову, его борода даже не достойна упоминания.

Хульда от души зевнула. Базарная площадь ловила последние лучи закатного солнца, на улице было всего несколько человек. «Большинство людей сидят по домам и ужинают со своими семьями», – подумала Хульда, чувствуя укол зависти.

Машинально скользнув взглядом по красно-белым занавескам кафе «Винтер», она заметила какое-то движение. Стеклопанная дверь с нарисованной большими буквами надписью открылась, и на пороге появился Феликс. Как и всегда, его каштановые кудри венчала плоская кожаная кепка. Хульда уже собиралась помахать, когда вдруг заметила позади светловолосую девушку. Повернувшись, Феликс придержал ей дверь и случайно ткнул в бок. Они посмотрели друг на друга и рассмеялись, Хульда слышала их смех даже отсюда. Потом девушка откинула назад длинные волнистые волосы и привычным жестом взяла Феликса под руку, отчего у Хульды на мгновение перехватило дыхание. Заболел живот, словно в кишки острыми зубами впиалась мышь. Боль усилилась, когда Феликс обнял девушку за талию. Они прижались друг к другу, словно знали друг друга всю жизнь, и направились вдоль улицы к дому его родителей, пока не растворились в сгущающихся сумерках. Слышен был только звонкий смех, колокольчиком звенящий в ночи.

«Феликс даже не взглянул на меня, – с удивлением подумала Хульда. – Неужто не увидел?»

Она почувствовала на себе внимательный взгляд Берта и повернулась к нему. Перед глазами все расплывалось, поэтому она несколько раз моргнула, пока зрение не прояснилось.

«Боже правый, – подумала она сердито, – неужели я плачу из-за этой бледной моли?»

– Вы знакомы с сей девушкой? – поинтересовался Берт, и Хульда была благодарна ему за то, что он проигнорировал ее слезы.

Она покачала головой.

– Но Феликс, похоже, знаком с ней близко, – сказала она и удивилась тому, сколько горечи прозвучало в ее голосе.

– Говорят, ее зовут Хелена Штольц и она дочь купца из Шарлоттенбурга. А папочка Штольц, как известно, симпатизирует этим негодяям правым. – Он фыркнул. – Ну, надеюсь, скоро правительство разгонит эту шайку головорезов...

Берт сбился и замолчал. Уставился на площадь так, словно заметил что-то невидимое глазу, а потом повернулся к Хульде.

– Это Вильгельмина Винтер свела сына с Хеленой. Похоже, между ней и нашим дорогим Феликсом пробежала искра.

– Видимо, – сказала Хульда, желая оказаться как можно дальше отсюда. – Многие пытались прибрать Феликса к рукам, но потерпели неудачу.

– И все мы знаем, почему, – отозвался Берт.

Хульде показалось, что она услышала тихий упрек, и удивленно посмотрела на старого друга.

– Ах, да?

– Ответьте честно, милая Хульда: вы все еще любите Феликса?

Хульда хотела было возмутиться и сказать, что его, Берта, это не касается, но вместо этого застенчиво произнесла:

– Не знаю.

– В таком случае, дорогая моя Хульда, вы должны отпустить бедного мальчика. Я говорю это при всей своей симпатии к вам. Феликс не святой, чье изображение можно повесить на стену и смотреть на него когда вздумается. Он человек из плоти и крови, поэтому позвольте ему вести себя соответственно.

– Я ничего ему не запрещаю! – воскликнула Хульда, отчего два голубя возмущенно захлопали крыльями. – Феликс – свободный человек, – добавила она уже тише.

– Он не будет свободен, пока вы заявляетесь к нему в кафе со своим хорошеньким носиком и глазами, глубокими, как океан, и играете с ним, будто кошка с мышкой.

Хульда невольно схватилась за нос. Что это на Берта нашло? И все же она не могла не признать его правоту.

– Знаю, – со вздохом сказала она. – Я должна оставить Феликса в покое. Пусть женится на этой своей Хелене и будет счастлив. – Она сглотнула появившийся в горле ком и посмотрела на Берта. – Но вы же знаете, что я считаю его своим другом. А друзей у меня немного. У меня никогда не было близких подруг, как у других девушек. Почему-то женщины меня недолюбливают.

– Удивляюсь, почему, – посмеиваясь, отозвался Берт.

Хульда пропустила насмешку мимо ушей.

– С мужчинами мне легче найти общий язык. Они мыслят проще, прямее. А с Феликсом мы с детства были не разлей вода. Он мой лучший друг. Как мне его отпустить?

– Оставьте его на некоторое время в покое, – сказал Берт, ласково потрепав Хульду по руке. – Тем временем позвольте мне побыть вашим лучшим другом. Признаться, я никогда не любил играть на вторых ролях.

Хульда рассмеялась:

– Вы – и на вторых ролях? Здесь, на площади, у вас самая главная роль!

Берт покачал головой. Он улыбался, но глаза его смотрели серьезно.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – задумчиво сказал он, и в его словах послышалась нотка грусти. – Я – не более чем афишный столб, на котором можно увидеть последние новости.

Хульда хотела было возразить, но Берт поднял руку и смерил ее строгим взглядом.

– Дорогая Хульда, речь сейчас не обо мне, а о вас. Я сомневаюсь, что смогу развлекать вас своим обществом долго. Нужно найти вам ухажера. Феликс Винтер в отставке, поэтому нужен кто-то новый. Наверняка нам удастся кого-нибудь подобрать!

– Благодарю, но мне не нужен ухажер, – возразила Хульда.

Еще не хватало, чтобы соседи начали из жалости начали подыскивать ей кавалеров! Как назло, в следующую секунду в памяти всплыл угрюмый комиссар, с которым они встретились сегодня утром. Его мечущие гром и молнии глаза переливались, как зеленое стекло. Он был ужасно груб, но выглядел умным. И не таким скучным, как большинство мужчин, которые заказывали Хульде бокал шампанского в кабаках, а потом не знали, что сказать.

Хульда поняла, что Берт читает ее, как книгу, и почувствовала, словно ее застигли на месте преступления.

– О-хо-хо! – удивленно ахнул Берт, приподняв кустистые белые брови, и принялся. Кончики его усов словно раздалились вширь. – Похоже, на горизонте уже появился таинственный поклонник!

– Ничего подобного! – возразила Хульда, чувствуя себя ужасно неловко. Она посмотрела на часы и притворно ужаснулась: – Уже так поздно! Берт, мне пора бежать. И вы тоже не задерживайтесь, идите домой. Завтра базарный день, здесь будет настоящий хаос.

Раскатистый смех преследовал Хульду до велосипеда и звенел у нее в ушах, пока она этим бархатным летним вечером ехала вдоль Винтерфельдтштрассе домой, где госпожа Вундерлих, наверное, уже поджидала ее с ужином.

Хульде нравилось делить трапезу с хозяйкой и другими гостями, которые жили в доме.

Общение, теплая атмосфера... Но сегодня она содрогалась при мысли о том, что если от острого взгляда Берта можно что-то скрыть, то от острого языка Маргрет Вундерлих не ускользнет ничего. Возможно, дома неприятный допрос продолжится. Если у Берта хороший нюх на новости, то у госпожи Вундерлих – на тайны, даже если они скрыты за семью печатями.

Глава 12

Пятница, 2 июня 1922 г

– Эй, красавица! Есть планы на вечерок?

Хульда обернулась. Невысокий человек в ливрее подмигнул, придерживая дверь. Зализанные помадкой волосы, тонкая борода, накрашенные глаза и щеки... Хульда не могла понять, кто перед ней, мужчина или женщина. Казалось, этот человек, как хамелеон, умел менять внешность за считанные секунды. Мундир обтягивал стройное тело, эполеты блестели. Губы, пославшие ей воздушный поцелуй, были накрашены темно-красным цветом.

– А что у вас там такого интересного? – поинтересовалась Хульда, чтобы выиграть время.

Улыбка стала шире.

– Джазовый ансамбль Харди. Они прилетели из Нью-Йорка и выступят сегодня вечером в варьете «У Рике». Вы просто упадете от восторга. Здесь почти так же шикарно, как «Ла Скала», но вход дешевле.

Хульда усмехнулась. Конечно, варьете «У Рике», расположенное в Бюловфиртеле, вряд ли могло сравниться со знаменитым ревю на Лютерштрассе, где хорошенькие билетерши провожают нарядно одетых гостей к своим местам и где тысячи зрителей каждый вечер восторженно аплодируют всемирно известным джазовым исполнителям. А вот об «ансамбле Харди» Хульда никогда не слышала... Ей хотелось насладиться музыкой – с тех пор, как до Берлина докатились новые, необычные звуки джаза, она была очарована их непредсказуемым ритмом и тоской – но она не могла позволить себе пойти в «Ла Скала».

Из полуоткрытой двери ветхого дома, где располагался подвал, пафосно именуемый «варьете», уже доносились протяжные, всхлипывающие звуки трубы.

– Почему бы и нет? – сказала Хульда, распахнула дверь и проскользнула внутрь.

– Ты не пожалеешь, красотка! – крикнул ей вслед маленький привратник. Хульда подозревала, что, напротив, очень пожалеет.

Завтра ей рано вставать, чтобы снова поехать в клинику в Нойкельне, поэтому утром она будет проклинать себя за то, что поддалась уговорам странного человечка в шелковом мундире. Но жизнь – тяжелая штука. «Тем больше причин немного повеселиться», – с вызовом подумала она и направилась вперед.

Из головы не шли Феликс со своей новой девушкой – при виде их в Хульде пробудился странный голод, который было не утолить приготовленными госпожой Вундерлих пирогом и яйцами вкрутую. Поэтому после наступления темноты Хульда надела платье, накрасила ресницы черной тушью, нанесла на щеки толику румян и вышла в ночь. Ее волшебным образом манили улицы Бюловфиртеля, вдоль которых тянулся ряд пивных и где люди всех сортов и мастей веселились на свои последние монеты.

Воздух в подвале был густой, хоть ножом режь. Пестрая смесь посетителей из разных слоев общества толпилась у барной стойки, чтобы раздобыть себе выпить. В варианте «У Рике» выбор напитков был невелик, зато стаканы щедро наполняли до самых краев. Хозяин хотел раскатать публику, чтобы та не обратила внимания на убогость заведения и второсортность музыкантов.

Поймав на себе несколько заинтересованных взглядов, Хульда опустила глаза и украдкой пригладила пайетки на вырезе, которые пришила сама, хоть и ненавидела рукоделие. Госпожа Вундерлих, по-матерински помогавшая Хульде в таких делах, некоторое время назад по своему вкусу сшила ей черное платье а-ля «чарльстон» – простого кроя, но удивительно красивое. Оно заканчивалось чуть выше колен, переходя в качающуюся бахромку, которая ласкала кожу при каждом шаге. На открытых плечах были узкие бретельки. «В таком платье не стыдно и в люди выйти, моя дорогая», – сказала тогда хозяйка, и Хульда ей поверила. Госпожа Вундерлих была так горда, будто наряжала собственную дочь на бал. Порой Хульда дивилась тому, с каким теплом относится к ней бойкая на язык старушка.

К Хульде подошел приземистый, ниже ее по меньшей мере на голову мужчина в коричневой кожаной кепке и выпустил ей в лицо порцию сигаретного дыма.

– Здрасьте, – поздоровался он, перекрикивая грохот музыки, и ощупал Хульду глазами сверху донизу. Потом хотел было взять ее за руку, но она увернулась.

– Сегодня я одна и не нуждаюсь в компании, – попыталась сдержанно улыбнуться Хульда.

– Такой красоте, как ты, нужен настоящий мужчина, – прокаркал хвостун. – Пойдем, я куплю тебе выпить, милая, и ты сразу станешь поласковее.

– Нет, спасибо, – сказала Хульда, чувствуя, как начинает злиться.

Мужчина пожал плечами, отвернулся и, бегло оглядев толпу, направился к другой девушке. Хульда ей не завидовала. Она не привыкла к тому, чтобы мужчины пытаются добиться ее благосклонности: большинство отпугивали ее рост и серьезное выражение лица – по крайней мере, по словам госпожи Вундерлих.

– Моя милая Хульда, – говорила она тем самым голосом, полным жалости и покровительства, который Хульда терпеть не могла, – вы такая хорошенькая девушка! Глаза у вас, конечно, странные, но тут уж ничего не попишешь. Зато цвет у них хороший: мужчинам нравятся девушки с серебристыми глазами, есть в них что-то загадочное. А эта модная прическа, эта ладная фигурка! Но ваш кислый вид... мух ловят на мед, а не на уксус.

У Хульды не было ни малейшего желания никого «ловить». По крайней мере, уж точно не этого хвостуна.

Она бесцеремонно протиснулась к барной стойке и заказала пиво. Официант протянул ей коричневую бутылку «Шультхайс» и забрал деньги. Откупорив крышку, Хульда поднесла горлышко к губам. Горькая жидкость полилась в горло. В помещении было жарко, в нагретом множестве человеческих тел воздухе висели клубы густого сигаретного дыма. Хульда отошла в сторону и прислонилась к стене.

Неторопливо потягивая пиво, она смотрела, как Харди и его джазовый ансамбль играют на импровизированной деревянной сцене. У Харди была смуглая кожа и курчавые черные волосы, а труба как будто слилась с его губами. Кроме него в ансамбле были всего двое участников: один что есть мочи барабанил по разным тарелкам, жестяным корытам и железным лейкам, а другой с бешеной скоростью тер наждачкой по куску железа, которая трещала, свистела и гремела. За этим шумом можно было расслышать жалобный вой трубы.

Хульда подумала, что этот ансамбль играет хуже, чем музыканты из больших варьете, и что эта троица наверняка никогда не была на

подмостках Нью-Йорка, но маленький привратник у входа не обещал чего-то волшебного. Музыка захватила слушателей – те топали ногами, улюлюкали и хлопали. У края маленькой сцены скапливалось все больше людей, они размахивали руками, прижимались друг к другу потными телами. Время от времени толпа расступилась, давая место какому-нибудь рьяному танцору, который пускался в импровизированный пляс, перекатываясь на спине и вскакивая на ноги. Публика подбадривала его криками, пока он не исчезал в толпе, которая смыкалась, как волны, чтобы через некоторое время освободить место для нового танцора.

Хульде захотелось потанцевать вместе со всеми. Она допила оставшееся пиво и присоединилась к остальным, двигаясь под музыку, впитывая ее ритм. Она танцевала, закрыв глаза, и только через некоторое время, когда ансамбль заиграл более спокойную мелодию и танцующие вокруг стихли, снова открыла глаза. Потом заметила, что на нее смотрит какой-то юноша. У него были светлые, почти белесые волосы и забавный нос. В синей кепке и с веснушками он походил на моряка. Хульда с удивлением поняла, что улыбается ему, как если бы ее тело знало что-то такое, что разум еще не осознал. Юноша улыбнулся в ответ и медленным шагом направился к ней. Он не торопился, словно зная, что она не уйдет.

– Выпьешь со мной, крошка?

«Мы явно не созданы друг для друга», – подумала Хульда, на мгновение замялась, но потом кивнула. У юноши были веселые зеленые глаза оттенка бутылочного стекла, а Хульда с недавних пор чувствовала странное влечение к этому цвету.

– Пойдем, – сказал юноша, взял ее за руку и повел к барной стойке. Ладони его были мозолистыми от тяжелой работы, но Хульда наслаждалась каждым прикосновением. Он щелчком пальцев заказал выпить. Никакого пива, только чистый шнапс в рюмках-стаканчиках. Переглянувшись, юноша с Хульдой опрокинули в себя содержимое, и вскоре их рюмки снова оказались полными.

– Я Отто, – представился он.

– Хульда. – Она наслаждалась ощущением легкости, которое распространялось по ее рукам и ногам.

– Очень рад, – отозвался он и рассмеялся.

Хульда не знала, то ли его рассмешило ее имя, то ли он просто был в хорошем настроении. Ей было все равно.

После третьей рюмки она поняла, что пора остановиться, чтобы не перейти тонкую грань между легким хмельком и опьянением. Но в то же время ей хотелось чего-то большего.

– Я могу предложить тебе кое-что еще, – заговорщически прошептал Отто, глядя ей в глаза.

Хульда хихикнула, потому что теперь он выглядел как напортачивший школьник. Она спрашивала себя: «Чего я хочу от этого юноши? Разве он не слишком молод для меня?» Отто тем временем непринужденно приобнял ее за плечи и повел по длинному коридору в уединенный уголок, куда не проникал свет тусклых газовых фонарей. Люди, попадавшие им по пути, не могли стоять и полулежали на полу. Какая-то женщина сидела верхом на мужчине, широко расставив ноги, и визжала от смеха.

Хульда подумала, что недостаточно пьяна для этой части представления, но Отто уверенно потянул ее дальше. Здесь оказалось потише, стоял выдавший виды диван, цвет которого было не разглядеть в полумраке. Отто быстро достал из кармана белый порошок, высыпал немного на столик и ободряюще посмотрел на нее.

Хульда на мгновение заколебалась. Ни одна из ее подопечных не должна была в ближайшее время родить, поэтому вероятность того, что сегодня ночью придется бежать на вызов, была невелика. Она свободна. И вдруг Хульде расхотелось быть степенной, рассудительной акушеркой, которая беззаветно заботится о других. Кто позаботится о ней? Этой ночью она хотела жить! Поэтому она решительно кивнула, нагнулась над столом и вдохнула белую дорожку.

Сначала был взрыв. У Хульды в голове взорвались звезды, и кровь разнесла их обломки по всему телу. В следующее мгновение ее накрыло мягкостью, словно и она, и весь мир превратились в бархатистые волны, перетекающие одна в другую.

Отто посмотрел Хульде в лицо и довольно улыбнулся. Потом сделал себе новую дорожку, вдохнул, запрокинул голову и рассмеялся. Они взялись за руки и, хихикая, опустились на диван.

«Никто меня не увидит», – думала Хульда. Она была совсем одна со своим белобрысым кавалером. Его руки требовательно блуждали по ее платью, губы вдруг прижались к ее шее. Ладонь скользнула под

черную бахрому, и Хульда позволила себя поцеловать. Она закрыла глаза, наслаждаясь ощущением того, что плывет по течению, как деревянная щепка в открытом море.

Когда Хульда проснулась, во рту у нее стоял неприятный привкус, а кожа была холодной и липкой. Освещение стало скуднее, а музыка стихала, словно умирающее пламя. Хульда хотела было взглянуть на наручные часы, чтобы узнать, который сейчас час, но их на месте не оказалось. Быть этого не может! По крайней мере, тонкий шнурок с ключом от дома, которую Хульда всегда носила на шее, остался при ней. Она со стоном встала и ощупала голову, которая болела так, словно ее ударили. Что за зелье подсунул ей белобрысый молодчик? Подделку, это точно, с примесью извести и прочей гадости. А потом он еще и ограбил ее?!

Кожа покрылось мурашками, и Хульда погладила голые плечи, пытаясь согреться. Потом скользнула рукой под платье и с облегчением вздохнула, обнаружив, что белье на месте. Видимо, дальше поцелуев они не зашли, а потом Хульда потеряла сознание. Она на ощупь направилась обратно в зал, перешагивая через храпящие в коридоре тела, как через коряги. Белобрысого юноши давно и след простыл, Харди тоже нигде не было видно, и только исполнитель, игравший наждачкой по куску железа, стоял в уголке с одной из официанток, зарывшись лицом ей в декольте.

Хульда сгорала от стыда. Она взрослая женщина, женщина, умудренная жизненным опытом, у нее есть работа, она известна во всем округе... И она позволила какому-то негодяю обдурить ее, как провинциальную простушку, впервые приехавшую в опасный большой город?! Хульда родилась и выросла здесь, в Берлине, но все равно дала обвести себя вокруг пальца. Остается надеяться, что ее никто не узнал. В противном случае к завтрашнему дню о случившемся будет знать не только Берт, но и госпожа Вундерлих.

Хульда устало направилась к выходу. Привратник неопределенного пола, видимо, давно закончил службу, и никто больше не придерживал дверь. Она взобралась по ступенькам и, спотыкаясь, вышла на улицу.

Там дул прохладный ветерок. Хульде сейчас хотелось только одного – поскорее добраться до кровати!

Но потом она услышала шум на другой стороне улицы.

– Оставь меня в покое! – закричала женщина, колотя кулачками мужчину в темной одежде. Она была одета в тонкое летнее платье и высокие каблуки.

Тогда мужчина схватил ее за руки и крепко держал, не давая вырваться. На фоне ее худенькой фигурки он казался угрожающе огромным. Несмотря на это, женщина не испугалась.

– А что, если я не принесу деньги?

Интересно, подумала Хульда, как ей хватает мужества бросить ему вызов?

– Тогда я тебя прикончу, – глухим голосом отозвался мужчина. Его слова прозвучали безразлично, словно он просто констатировал факт. У него был едва заметный акцент.

– Сбросишь меня в канал, как Риту, да? – завизжала женщина.

Хульда остановилась.

Рита? На трясущихся ногах Хульда подошла поближе, краем сознания отмечая, что она, похоже, обладает редким талантом подвергать себя опасности из-за своего любопытства.

– Не понимаю, о чем ты, – сказал мужчина и отпустил свою жертву, оттолкнув ее, как муху. Потом вытер ладони о пиджак. – Я не знаю никакой Риту.

Хульда снова заметила, что по-немецки он говорит не чисто и слишком раскатывает на языке букву «Р».

– Конечно, не знаешь, – усмехнулась женщина, поправляя платье, вырез которого, казалось, был разорван прямо на груди. – Память у тебя как решето. Две недели назад шустрая Рита еще таскала тебе деньги, но раз теперь она мертва, то больше не существует? Почему она должна была умереть?

Мужчина отвернулся и направился прочь, словно не слыша вопроса. Потом бросил через плечо:

– Если завтра денег не будет, а то...

Не закончив фразу, он подошел к дому, перед которым они стояли, открыл неприметную дверь и скрылся внутри. Женщина снова всхлипнула и заплакала.

Хульда вышла из тени и приблизилась.

– Вам помочь?

Женщина уставилась на Хульду во все глаза. Губа у нее была разбита, а по подбородку стекала струйка крови. Она покачала

головой.

– Нет. Все хорошо. Идите, куда шли.

– У вас кровь, – настаивала Хульда. – Вы ранены.

– Да и ваш вид оставляет желать лучшего, – ответила женщина и посмотрела в лицо Хульде.

– Верно. – Хульда подумала, что сегодня разница между ними почти незаметна. Но по крайней мере у Хульды есть дом, где ее ждет теплая постель, и работа, благодаря которой завтра она снова станет собой. Но сегодня... Вздыхнув, Хульда решила уйти... Но какая-то мыслишка на задворках сознания останавливала ее. Шестеренки в голове крутились медленно, со скрипом, – но потом Хульда вытянула эту мыслишку, как за уши вытаскивают зайца из шляпы.

– Вы знали Риту Шенбрунн?

На лице женщины отразилось недоверие.

– А что?

– Вы только что сказали этому... мужчине, что он скинул Риту в канал. Так уже случилось, что я знала Риту. – Хульда откашлялась. – По крайней мере, заочно.

– Кто вы?

– Меня зовут Хульда Гольд, я акушерка и случайно узнала о смерти госпожи Шенбрунн. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Что я должна знать? Рита была одной из нас, мы работали вместе.

– Почему вы называли ее шустрой Ритой?

Женщина улыбнулась. В ее взгляде промелькнула тень печали.

– Рита славилась тем, что быстро приносит удовлетворение. Если вы понимаете, о чем я. – Она сделала неприличный жест рукой. – Рита была не молода, она поздно пришла в нашу профессию. Несмотря на это, она пользовалась большой популярностью, особенно у застенчивых господ, которым хотелось побыстрее удовлетвориться и уйти. Рита разговаривала с ними, в этом, наверное, была ее самая сильная сторона, помимо скорости. Она приносила Педро, – она указала на дверь, за которой несколько минут назад скрылся мужчина, – много денег. Но потом... – Она запнулась и замолчала.

– Да? – спросила Хульда. Она ужасно замерзла, но ей хотелось узнать больше.

– Да ничего. Они поссорились. Педро сказал, чтобы Рита не позволила успеху вскружить ей голову. А Рита велела ему остерегаться, мол, она в любой момент может рассказать правду о Вальдорфе. Понятия не имею, что она имела в виду. Ну, а через неделю она умерла.

– О Вальдорфе? – переспросила Хульда, в сознании которой шевельнулось воспоминание о разговоре с госпожой Козловски.

– Я знать об этом не знаю. Послушайте, милочка, может, вас обслужить? С женщин я беру полцены!

– Нет, благодарю, – улыбнулась Хульда. – Как-нибудь в другой раз.

– Ну, теперь вы знаете, где меня найти, – устало сказала женщина, осторожно ощупывая распухшую губу. – Обычно я стою здесь, на этой улице. Спросите Магду.

И с этими словами она растворилась в ночной темноте.

Задумавшись, Хульда некоторое время не двигалась. Какая странная встреча, подумала она. Имя Риты то и дело всплывало в самых неожиданных местах – совсем как тюлень в зоопарке, за быстрыми движениями которого невозможно уследить: вот он ныряет здесь, а потом высовывает голову из зеленоватой воды где-то совсем далеко. Такое ощущение, словно все события связаны. Осталось только выяснить, каким образом.

Но не сегодня! Боль стучала в голове колоколом, который снова и снова врезался в черепную коробку изнутри.

Хульда обхватила себя руками, чтобы хоть немного согреться, и, покачиваясь, побежала по темноте домой. В голове нескончаемым вихрем калейдоскопа крутились мысли о Феликсе и конопатом воришке, о Рите и о плачущей Лило, об угрюмом комиссаре и белокурой Хелене... Мысли исчезли только тогда, когда Хульда вернулась к себе в комнату и, раздевшись, упала на кровать. Она устало закрыла глаза и натянула на себя одеяло, чувствуя, как падает в глубокий колодец, куда никто, даже воспоминания, не сможет за ней последовать.

Глава 11

Суббота, 3 июня 1922 года

Маргрет Вундерлих овдовела так давно, что уже не помнила, каково это – быть замужем. Она по своему усмотрению распоряжалась домом, который оставил ей милый Хайнц. И постояльцев отбирала тщательно: под ее крышей жили не какие-нибудь люмпены, а люди исключительно добропорядочные. Но временами Маргрет охватывало болезненное одиночество. Дочери давно покинули отчий дом, вышли замуж и уехали в Гамбург, откуда был родом ее покойный муж. Маргрет осталась здесь: она чувствовала себя слишком старой, чтобы пускать корни на новом месте, хоть и тосковала по девочкам и внукам. Раньше она подумывала было переехать к Урсуле, своей старшей дочери, но та отмела эту идею. «Матушка! – воскликнула Урсула. – Разве я могу позволить, чтобы ты доживала жизнь на чужбине? Берлин – твой дом».

Маленький чертенок шептал Маргрет на ухо, что там, в Гамбурге, она никому не нужна. Что дочери не хотят, чтобы она жила рядом и могла в любое время заявиться к ним домой. Но это ведь невозможно! Должна быть другая причина, по которой Урсула, а потом и Ева умоляли ее остаться в Берлине. Но Маргрет Вундерлих была не из тех, кто долго мусолят одну и ту же мысль. Она довольствовалась тем, что раз в год приезжала к дочкам погостить. Все остальное время она направляла свою заботу на постояльцев. Заботиться и благодетельствовать – это Маргрет умела лучше всего. К тому же некоторые ее жильцы и правда нуждались в помощи. Особенно Хульда Гольд, эта незамужняя девушка, которая металась из стороны в сторону вместо того, чтобы спокойно шагать по жизни. По крайней мере, так казалось Маргрет. Она взяла это юное создание под свое крыло и чувствовала за нее особую ответственность.

Хульда переехала в мансарду вскоре после того, как потеряла мать. Из романа с симпатичным хозяином кафе ничего не вышло... Об этом тогда вся округа болтала. Маргрет пришлось выхаживать бедную девочку, как птенца, выпавшего из гнезда.

«Какая жалость, – думала она этим субботним утром, фальшиво напевая популярную мелодию, пока накрывала на завтрак. – Какая грустная судьба – остаться старой девой! Особенно когда постоянно видишь чужих детей... Каждой женщине нужен собственный дом!»

На улице ворковали голуби, и первые лучи восходящего солнца робко ползли по подоконнику. Выглянув во двор, Маргрет увидела крысу, в гневе сняла туфлю и не раздумывая швырнула в отвратительного зверька. Тот бросился прочь. Ну и хорошо. Здесь у нее приличный дом!

Но что дальше? Туфля лежит там, на улице, а Маргрет все еще одета в халат! Она покачала головой, досадуя на свою неразумность. Теперь еще и бигуди съехали...

В следующее мгновение на лестнице раздались шаги. Они доносились со стороны мансарды. Маргрет остановилась и прислушалась. Вот кто-то прошел мимо ее комнаты. Маргрет бросилась к двери, распахнула ее и увидела внизу лестничного пролета красную шляпку Хульды.

– Госпожа Хульда! – воскликнула она, вложив в голос все негодование, на который только была способна.

Девушка остановилась и повернулась так медленно, словно пытаясь совладать с выражением лица. Когда она наконец посмотрела на Маргрет, то натянуто улыбалась.

– Доброе утро, госпожа Вундерлих.

– Только не говорите, что хотите уйти без завтрака! Куда вы крадетесь в такой час, да еще и натошак?!

– Мне нужно бежать на учебу, – отмахнулась Хульда. – По дороге я куплю на базаре ржаную булочку.

– Нет, так дело не пойдет. – Маргрет подошла к Хульде, взяла ее за руку и повела за собой на кухню. Выглядела девчушка неважно. «Краше в гроб кладут», – подумала Маргрет. – Есть на бегу вредно для пищеварения. – Она знала, о чем говорит, поскольку имела отменное здоровье. – Нет, милочка, позавтракайте нормально. Сидя. Вы же не какая-то там дикарка... Сейчас я приготовлю поесть. Вы платите за проживание с питанием, поэтому постарайтесь не выбрасывать свои кровно заработанные деньги на ветер.

Она энергично пододвинула Хульде стул. Та села и задумчиво посмотрела на босую ногу Маргрет.

– Куда подевалась ваша туфля? – Ее голос звучал грубо, как наждачная бумага.

– Как хорошо, что вы спросили, – отозвалась Маргрет, только сейчас вспомнив свою дилемму. – Дорогая Хульда, не могли бы вы сбегать во двор? Я выбросила туфлю из окна. И раз уж вы пойдете вниз, посмотрите, не заходил ли булочник. И еще кое-что... – Она указала на мусорное ведро. – Будьте так добры.

Не дожидаясь ответа, Маргрет вернулась к плите, чтобы проверить, не погас ли огонь с тех пор, как она поставила яйца. Вода в кастрюльке начала лопаться огромными пузырями. Ни одно яйцо не треснуло.

Со двора донесся шум. Маргрет подошла к окну и увидела, как Хульда высыпает содержимое ведра в мусорный бак и криво закрывает жестяную крышку.

– Опять неплотно, – сердито пробормотала хозяйка. – Неудивительно, что к нам заходят крысы!

– Хульда, закройте крышку как следует! – крикнула она, высунувшись из окна.

Девушка удивленно посмотрела вверх и громко – даже как-то демонстративно громко – захлопнула крышку мусорного бака. Потом она исчезла в доме, в одной руке держа ведро, а в другой – туфлю и сверток с хлебом. Было слышно, как она топает по лестнице.

«Изыществом девочка не отличается», – сокрушенно подумала Маргрет, окатив яйца холодной водой.

Через несколько секунд скрипнула дверь. Вместе с Хульдой на кухню вошел господин Моратчек с третьего этажа, одинокий старичок с непослушными седыми волосами, которые росли у него даже из ушей. Он курил трубку, и Маргрет, которая ненавидела исходящий от нее запах, старалась лишний раз не заходить к нему в комнату. Она не знала, кем работал господин Моратчек до выхода на пенсию: несмотря на все свое упрямство, ей так и не удалось его разговорить. Господин Моратчек писал какую-то загадочную книгу с тех пор, как здесь поселился. Похоже, родственников у него не было – большую часть времени он проводил в одиночестве, склонившись над письменным столом. Раз в неделю господин Моратчек ходил в театр, но без особого энтузиазма – словно отбывал повинность. Было у него еще одно развлечение: он чинил старые карманные часы. Мог часами сидеть

перед разобранным часовым механизмом и ковыряться в нем малюсенькой отверткой, да так искусно, как если бы делал операцию на сердце.

Маргрет положила яйца на стол в корзинку и со вздохом подумала, что еженедельная уборка в комнате господина Моратчека превращается в настоящую пытку: бесчисленные листы бумаги, которые он исписывает в приливе творческого вдохновения, покрывают пол, словно слой свежевыпавшего снега. А между ними валяются крошечные гайки и болтики.

– Доброе утро, – угрюмо поздоровался господин Моратчек и с кряхтением опустился на стул. Постучал ложечкой по скорлупе, обезглавил яйцо и принялся есть. Белая челка упала ему на лоб.

Взяв у Хульды сверток с булочками, квартирная хозяйка разрежала одну и подала господину Моратчеку. Тот, не говоря ни слова, смазал булочку сливовым джемом, который Маргрет сварила прошлой осенью из урожая, собранного на приусадебном участке на станции Папештрассе.

– Садитесь, – велела она, повернувшись к Хульде, и усадила ее на стул. – Судя по вашему виду, сегодня кофе вам просто жизненно необходим.

Хульда обиженно нахмурилась, но не стала возражать, когда Маргрет налила ей кофе. Добавив в изящную фарфоровую чашку немного молока, Хульда начала пить неторопливыми маленькими глотками. Наконец-то к ее щекам вернулся цвет.

А вот с булочкой Хульда не торопилась, словно ей приходилось уговаривать себя, чтобы откусить кусочек. Вторую она проглотила уже с большим аппетитом. Ей на рукав капнула капля растаявшего масла. Хульда незаметно вытерла его и облизнула палец.

– Где вы вчера были? – непринужденно поинтересовалась Маргрет, наливая себе чашечку кофе. – Я не слышала, как вы уходили. Я зашла к вам, потому что не могла найти Морхена и хотела посмотреть, не прячется ли он у вас. Но в комнате никого не было.

По правде говоря, Маргрет просто хотела немного поболтать. Вечера для нее тянулись медленно и уныло. Когда постояльцы спали, в доме воцарялась глубокая тишина, а Маргрет не любила тишину (хотя для воскресного утра делала исключение, поскольку по воскресеньям позволяла себе вдоволь поспать).

– Я... ходила в кино, – пробормотала Хульда.

Маргрет хорошо ее знала и потому заметила, что она заколебалась перед тем, как ответить.

– Что смотрели?

Хульда бросила быстрый взгляд на господина Моратчека, который прятался за утренней газетой и, казалось, ничего не слышал.

– А, ну, понимаете... – Хульда замялась, подыскивая слова. – Я собиралась пойти в кино. Но билеты оказались распроданы, поэтому я решила просто прогуляться.

– Вы гуляли всю ночь?

Хульда посмотрела на Маргрет в упор. В ее серо-голубых глазах, которые сегодня скрывались за тонкой дымкой, читалось возмущение. Видимо, Маргрет слишком далеко зашла в своих расспросах. Она взяла себя в руки. Ей ужасно хотелось узнать правду... Но нельзя казаться слишком любопытной: Хульда этого не любит.

– Как поживает малыш Конрад, мальчик из Бюловбогена? – Маргрет попыталась сменить тему. – Наверное, уже совсем окреп?

– Да, Конрад – славный мальчик. Молодая мать налюбоваться им не может. Если бы не... – Хульда замолчала и ножом сняла верхушку яйца.

– Если бы не что? – нетерпеливо спросила Маргрет.

Хульда снова посмотрела на свою квартирную хозяйку, у нее в глазах светилось торжество – казалось, она чувствовала облегчение от того, что смогла ее отвлечь.

– Вы слышали об утопленнице из канала?

– Конечно, слышала! – Маргрет выдвинула себе стул и села.

– Так вот, погибшая жила по соседству с Лило, матерью малыша Конрада. Ей сейчас приходится несладко...

– Какой ужас! Убийцу уже нашли?

– Насколько мне известно, полиция считает, что это самоубийство. Но никто в Бюловфиртеле так не думает.

– Полиция! – Маргрет презрительно махнула рукой. – В полиции работают сплошные кретины. После войны в городе было совершено множество убийств, но лишь считанные из них удалось раскрыть. С каждым днем Берлин все больше погружается в преступность, и никто ничего не делает!

Тут из-за шуршащей газеты показалась голова господина Моратчека. Маргрет ошиблась, думая, что он не следит за их разговором.

— После крушения Германской империи раскрываемость преступлений значительно возросла. С тех пор как криминальную полицию возглавил Геннат, это место работает как часы.

— Тогда почему каждый раз, выходя на улицу, приходится бояться за свою жизнь? — возмутилась Маргрет. — Куда ни глянь — везде нападения и убийства! Ну и что, если преступника потом поймают? Жертве от этого не легче. Преступления нужно предотвращать!

— Проблема не в полиции, а в правых, — спокойно ответил господин Моратчек. — Правые усвоили: если хочешь, чтобы враг замолчал, то нужно от него избавиться. Ничего удивительного: они участвовали в сражении при Вердене и Ипре, а там человеческие жизни ничего не значили. Они ожесточились, в душе у них шрамы. А теперь вот, носятся с проходимцами-националистами.

— Однако, — сказала Маргрет, проверяя свои бигуди, — в идеях этого Гитлера есть рациональное зерно. Должен же кто-то следить за порядком здесь, в стране. Современные политики ходят по кругу, а все из-за своей хваленной демократии. Нам нужен сильный лидер, который приберет за этими социал-демократами.

— И вы туда же! — простонал господин Моратчек. — Не счесть сколько раз я уже слышал эти слова. Вы, наверное, хотите, чтобы во главе страны снова встал император. Или и того хуже — правый бандит вроде Адольфа Гитлера, который скоро будет размахивать револьвером, как шериф на Диком Западе.

— Но, но... зачем заранее рисовать всякие ужасы? — Маргрет посмотрела на Хульду в поисках поддержки, но та устремила взгляд в окно.

Господин Моратчек тем временем сунул в рот последний кусочек булочки, сложил газету и встал из-за стола.

— Честь имею, — сказал он, взглянул на свои любимые карманные часы, которые всегда носил с собой, и вышел из кухни.

В помещении повисла тяжелая тишина. Маргрет задумчиво посмотрела на Хульду. Ее глаза казались печальными. Похоже, она едва слышала их с господином Моратчеком беседу.

Маргрет пожала плечами и принялась убирать со стола. Заметив, что девушка с жадностью смотрит на кофейник, она со снисходительной улыбкой наполнила ее чашку до краев. Потом снова села и посмотрела Хульде в глаза.

– Милочка, сегодня вы сама не своя. Вас что-то беспокоит?

– Нет.

– Я не первый день живу на свете. Если вы вчера ходили в кино, а потом на прогулку, то я – императрица Августа Виктория.

Хульда рассмеялась, но вскоре ее смех перешел в сухие рыдания. Маргрет с удивлением увидела, как на глазах ее юной постоялицы выступили слезы.

– Ну-ну, успокойтесь! – Она вытащила из глубин халата большой носовой платок и протянула его Хульде. Та вытерла глаза и поморщилась, словно стыдясь своих чувств.

Маргрет ласково потрепала ее по плечу.

– Тут замешан мужчина, – заключила она, надеясь, что ее голос звучит сочувственно и совсем не возбужденно. – Я права?

– Да, – сказала Хульда и громко шмыгнула носом. Маргрет подумала, что с красными от слез глазами и растрепанными волосами эта девочка выглядит очень трогательно. Обычно Хульда держалась строго и немного отстраненно, словно не хотела, чтобы окружающие видели, что у нее на душе.

– Вы переживаете из-за бывшего возлюбленного?

– Из-за него тоже. – Видимо, Хульда заметила ее удивленный взгляд, потому что добавила: – Господин Винтер влюбился. Вчера на площади я видела его с новой возлюбленной, белокурой красавицей из хорошей семьи. Я немного расстроилась, выпила лишнего, а потом... Меня ограбили. – Она замолчала и продемонстрировала голое запястье. – Мои часы пропали. Они принадлежали матери, и... – Она запнулась и снова умолкла.

Маргарет кивнула. Она знала историю Хульды и Феликса Винтера. Но свою мать Хульда раньше никогда не упоминала. Сказала только, что та умерла. Конечно, до Маргрет доходили сплетни об Элизе Гольд. Муж от нее ушел, бросив собственную дочь, и после нескольких лет госпожа Гольд решила положить конец своим страданиям.

– Вы часто думаете о матери? – тихо спросила Маргрет.

Хульда ответила не сразу.

– Я стараюсь лишний раз о ней не думать, потому что это слишком больно. Но почти каждый день что-то напоминает мне о ней. Те часы... они были единственной маминой вещью, которая мне нравилась. Мама всегда говорила, что тиканье часов напоминает ей о том, что время уходит и что нужно жить полной жизнью, пока не стало слишком поздно. – Хульда горько рассмеялась. – Вот только у нее это не получалось. Она пила и пичкала себя таблетками. Постепенно разрушала свое тело. – Девушка высморкалась. – Отец не выдержал и ушел. Трусливый поступок, не правда ли? Но его можно понять. Никто бы не смог жить с таким человеком, как моя мать. Она высасывала из окружающих всю радость. Я не хотела находиться с мамой, которая сидит в кресле и что-то бормочет себе под нос, поэтому после школы не торопилась возвращаться домой, в нашу холодную квартиру. Я старалась не наступать на трещины на дороге – так прогулка превращалась в спорт, в игру. Награда за нее – не возвращаться домой до наступления сумерек. Шторы у нас в квартире всегда были задернуты, свет приглушен, как в больничной палате. А больными были мы, мама и я. Мы были пленниками своего разума и друг друга.

Замолчав, Хульда снова зарылась носом в платок.

Маргрет стало ее жаль.

– А ваш отец? Где он сейчас?

Хульда неопределенно пожала плечами.

– Живет в Шарлоттенбурге с новой женой, она тоже художница. Мы редко видимся. Даже не знаю почему.

– Да, точно, – отозвалась Маргрет, вспомнив импозантного мужчину с гривой серебристых волос. – Ваш батюшка – художник. Ко всему прочему, довольно успешный.

Хульда кивнула и снова высморкалась.

– Насколько знаю, он пользуется большим уважением в Королевской академии художеств. Говорят, он частенько посещает театры и ателье в Шойненфиртеле. Но я давно ничего от него не слышала. Мы стали друг другу совсем чужими.

– Мое милое дитя. – Маргрет строго посмотрела на Хульду. – Все это очень грустно, но вам следует оставить прошлое в прошлом и смотреть в будущее.

– Обычно я так и делаю. Но иногда у меня не получается. Я боюсь...

– Повторить судьбу матери?

Хульда во все глаза уставилась на свою квартирную хозяйку.

– Но как...

– Дитя мое, каждый из нас связан с прошлым невидимыми нитями и всеми силами старается уйти от него. Но нити продолжают тянуть нас назад, потому что мы не можем их просто перерезать. Они внутри нас, как вены, по которым течет кровь.

– Хотелось бы мне перерезать эти нити. – Шмыгнув носом, Хульда встала из-за стола и резко заторопилась. – Большое спасибо за завтрак, госпожа Вундерлих. Мне нужно бежать в больницу.

– В таком виде?

Судя по всему, Хульда обиделась. «Но кто-то же должен был ей сказать, что из-за жирного пятна на лацкане и мокрых следов на блузке она выглядит полной неряхой», – подумала Маргрет.

– Давайте сюда жакет, – примирительно сказала она и протянула руку, чтобы Хульда не стала возражать. – Я в два счета выведу жирное пятно. А блузка высохнет сама, сегодня опять тепло. Вы пока причешитесь, – велела она и добавила, заговорщически понизив голос: – Не удивлюсь, если с вашей внешностью вы скоро встретите славного молодого человека, который не будет возражать против вашей эмансипации и который влюбится в ваши красивые глаза, как некогда господин Винтер. – Маргрет тоже встала. – Или у вас уже есть кто-то на примете?

Щеки Хульды покрылись нежным румянцем, и Маргрет с удовлетворением поняла, что попала в точку.

– И кто же это счастливчик?

Девушка отмахнулась и опустила глаза.

– Никто. Мне нравится одиночество.

Маргарет недоверчиво фыркнула. Впрочем, она знала, когда следует отступить. Она подошла к раковине и принялась хозяйственным мылом оттирать жир с лацкана жакета.

«Ни одно пятно – и ни одна тайна – не устоит перед Маргрет Вундерлих», – сказала себе она и потянулась за щеткой.

Глава 14

Суббота, 3 июня 1922 года

Хульда с любопытством разглядывала пролетающий мимо пейзаж. Стоило покинуть пределы Берлина, как за окном показались зеленые луга и поля высоких золотых колосьев, между которыми красными пятнами мелькал дикий мак и голубыми – незабудки. Время от времени вдали виднелись жилые дома и печные трубы, возвышающиеся над верхушками деревьев. Берлин расплзался, как лишайник, пускал споры в землю и постепенно покрывал ее своей корочкой.

Хульда села на поезд в Тегеле. Был полдень, и лишь немногие пассажиры ехали в это время на север Берлина, где недавно выстроили промышленный район. По утрам поезда везли на заводы сотни рабочих, но сейчас Хульда легко нашла свободное местечко на одной из деревянных скамеек.

Она и сама толком не знала, почему решила отправиться в Далльдорф. После завтрака с госпожой Вундерлих она, всем телом ощущая последствия своих ночных приключений, отправилась в клинику в Нойкельне, где ее ожидала очередная смертельно скучная лекция. В этот раз перед кучно сидящими в тесном и душном лекционном зале акушерками должен был выступить специалист по разрывам мягких тканей родовых путей. Хульда за свою жизнь зашила столько разрывов, что уже сбилась со счета. Ей нравилась это делать, она орудовала кетгутом и иглой так осторожно, словно зашивала бабочке крыло, и женщины из раза в раз говорили, что им почти не больно. Мог ли этот профессор похвастаться таким же опытом? Хульда сомневалась.

Она опоздала – двери в лекционный зал были уже закрыты. Она собиралась войти внутрь, но, взявшись за дверную ручку, внезапно почувствовала, что напрасно потратит там время. Даже перспектива поесть печенье не заставила ее протиснуться внутрь и целый час заворуженно слушать, как незнакомый мужчина рассказывает о вульве.

Развернувшись на каблуках, Хульда вернулась на улицу. Купила в булочной кусок масляного пирога и проглотила прямо там, стоя.

Завтрак, приготовленный госпожой Вундерлих, был ей на один зуб. От ударной порции сахара головная боль медленно, но верно отступила, и Хульда начала думать, чем бы заняться в освободившееся время.

Идея поехать в Далльдорф, где работала Рита Шенбрунн, появилась внезапно. Последние несколько дней интерес Хульды к этому месту постепенно рос, и она все чаще ловила себя на мысли, что думает о тамошней жизни, представляет, какой была незнакомая ей Рита среди пациентов, медсестер и врачей.

Хульда никогда прежде не бывала в лечебнице для умалишенных. Она невольно вздрогнула. Что за слово! Во время учебы ей пришлось прослушать несколько лекций по психиатрии, потому что, как деликатно выразилась главная акушерка, «после родов у женщин иногда подтекает крыша». Тонкая связь между телом и душой интересовала Хульду с юных лет – может, из-за матери? – но экспертом в этой области она не была.

«Что произошло?» – спрашивала себя Хульда, глядя на проплывающие за окном цветущие луга. Почему умная и талантливая, по словам госпожи Козловски, Рита ушла с любимой работы? Правда ли ее выгнали потому, что она приходила на работу пьяной? Или здесь крылось нечто большее?

Внезапно Хульда почувствовала, что идет по верному следу. Непривычное волнение подступило к горлу, защекотала небо. Но как, ради всего святого, ей попасть в лечебницу и что-нибудь там выведать?

– Далльдорф, – ворчливо объявил машинист, и поезд с визгливым скрежетом остановился.

Хульда вскочила на ноги, схватила саквояж и пулей вылетела из вагона. Стоило ей оказаться на платформе, как поезд снова тронулся и с грохотом исчез на западе, оставляя за собой клубы дыма.

В глаза сразу же бросились большие дома из желтого кирпича, окруженные деревьями. Хульда быстрым шагом сошла со станции и направилась к этим внушительным сооружениям. Лечебница казалась отдельным городом, спокойным и тихим. Ну точно курорт, где можно отдохнуть! Но Хульда знала, что внешний вид бывает обманчив. Наверняка каждый берлинец примерно представляет, что происходит в этом месте, пусть даже никогда не бывал внутри. Все знали, что в Далльдорфе больные делятся на две группы: на душевнобольных, страдающих психическими расстройствами, такими как истерия и

психозы, и на умственно отсталых. Но если больных из первой группы лечили, потому что их выздоровление казалось возможным, то больные из второй жили здесь постоянно, без малейшего шанса когда-либо выйти в мир. «Нет, на курорт это совсем не похоже», – подумала Хульда, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Теперь, когда лечебница предстала перед ней, Хульда растерялась. Она не знала, как попасть на территорию, не говоря уже о том, что делать дальше.

Пока Хульда пыталась что-нибудь придумать (неужели ей ничего не оставалось, кроме как сесть на следующий поезд обратно в Берлин?), мимо прошли три девушки. Они, должно быть, сидели в другом вагоне поезда.

– Там правда нужны сразу несколько работниц? – спросила пухленькая брюнетка.

– Говорю же тебе, да! – ответила ее собеседница, светлые волосы которой были заплетены вокруг головы, как венок. – После образования Большого Берлина сюда засунули столько народу, что персонал не знает, что с ними делать! Особенно с детьми.

– Вот их жаль больше всего, – сказала третья девушка с вьющимися волосами. – Надеюсь, меня возьмут в детское отделение. Вдруг малышам еще можно помочь...

Хульда незаметно последовала за девушками, подслушивая их разговор, и сама не заметила, как оказалась перед большим зданием с надписью «администрация». Девушки замолчали, пребывая в такой же нерешительности, как и она, но потом дверь отворилась и на пороге появилась внушительного вида медсестра в сером переднике.

– Вы насчет работы? – повелительным тоном осведомилась она.

Брюнетка кивнула и застенчиво спросила:

– Нам ведь сюда?

Медсестра нахмурилась еще сильнее, и ее лицо потемнело, как небо при надвигающейся грозе.

– А это мы еще посмотрим, – сказала она и молча вернулась внутрь. Переглянувшись, девушки последовали за ней.

Перемахнув сразу через две ступеньки, Хульда взбежала на крыльцо и тоже вошла внутрь. За спиной глухо лязгнула дверь.

Они оказались в коридоре с множеством окон и дверей. Вдоль одной стены стояло несколько стульев. Недолго думая Хульда села и

улыбнулась остальным девушкам, которые улыбнулись в ответ и тоже сели. Потом они отработанным движением, как по команде, разгладили на коленях юбки и поставили ноги в коричневых туфлях параллельно друг другу.

Внезапно Хульде захотелось скрестить ноги, но она последовала примеру остальных, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Она наклонилась вперед и уверенным тоном спросила:

– Вы тоже хотите устроиться в детское отделение?

– Мы готовы работать в любом. Времена сейчас непростые, – ответила блондинка.

– Да, – со вздохом кивнула Хульда. – Нужно хвататься за все возможности, которые подворачиваются под руку. Нам, одиноким девушкам, приходится непросто, верно?

– О, я замужем, – сказала блондинка, демонстрируя правую руку с тонким кольцом на пальце, словно удостоверение личности. Щеки ее залил слабый румянец. – Но мой муж... – Румянец стал еще гуще и перекинулся на шею. – К сожалению, он мало зарабатывает.

Блондинка выглядела до того смущенной, что Хульде стало ее жаль. Вместе с тем такая логика показалась ей глупой. Чем плохо твердо стоять на ногах, даже будучи замужем?

– Каждая из нас хозяйка своей судьбы, – сказала Хульда и ободряюще улыбнулась. Девушки переглянулись и посмотрели на нее с презрением.

Хульда мысленно вздохнула. Иногда ей казалось, что женщины сами виноваты в своем рабстве, раз считают финансовую независимость позором, а не преимуществом.

– А вы? – спросила она двух других. – Тоже замужем?

– Нет, – ответила брюнетка и выпрямилась, отчего платье у нее на груди натянулось. Под мышками у нее виднелись мокрые пятна. – Я хотела стать стенографисткой, сидеть в красивой конторе в шелковых чулках. Но я такая неумеха, слишком медленно печатаю под диктовку... А кушать всем хочется, верно? Я решила, почему бы не пойти медсестрой?

– Конечно, – ответила Хульда, которой вдруг захотелось оказаться подальше отсюда. Она почувствовала на себе внимательный взгляд девушка с вьющимися волосами, а потом та сказала:

– Отличная прическа.

– Благодарю. – Хульда улыбнулась и машинально провела пальцами по волосам.

– Я бы тоже хотела коротко подстричься, – смущенно объяснила девушка, касаясь своих рыжеватых кудрей. – Но мой жених против. Он говорит, что волосы у немецкой женщины должны быть длинные. Возможно, я подстригусь, не спрашивая его, – прибавила она с озорной улыбкой.

У нее было приятное лицо с веснушками на носу.

– А чем занимается ваш жених? – с нехорошим предчувствием спросила Хульда.

– Политикой, – ответила девушка. – Он состоит в этой новой партии. Честно говоря, я не знаю, чем именно он там занимается и чего хотят его товарищи по партии. На своих собраниях они всегда громко кричат и много разглагольствуют – о левых предателях и, конечно же, о евреях.

Хульда почувствовала, как у нее нервно дернулся глаз, но виду не подала.

Девушка грустно посмотрела прямо перед собой и покачала головой.

– Хотелось бы мне, чтобы он занялся чем-то достойным! Что ж, по крайней мере, он хоть чем-то занят. И его не волнует, что я хочу работать.

– А вы хотите?

– Конечно, – ответила девушка и улыбнулась. – Разве не здорово чувствовать себя нужной?

– Здорово, – согласилась Хульда, которая прекрасно понимала, что собеседница имеет в виду. Она невольно подумала об угрюмом комиссаре. Интересно, как он относится к работающим женщинам?

Боже правый! Какие только глупости не лезут в голову! А ведь она уже давно не девчонка, чтобы играть на ромашке в «любит-не-любит» и мечтать о свадебных колоколах!

Не успела она ничего добавить, как одна из дверей в конце коридора распахнулась. Грозная дракониха с густыми бровями махнула им и спросила:

– Кто первый?

– Я, – отозвалась блондинка с косой вокруг головы, потому что сидела ближе всех к двери. Она встала, улыбнулась остальным и,

скрестив за спиной пальцы, вошла в логово драконихи.

Дверь захлопнулась.

Хульда уставилась на противоположную стену. Идти на собеседование или не идти? Она чувствовала, что ничего не добьется от грубоватой медсестры. Скорее всего, та знала Риту, потому что была одной из местных старожилов. Но как, во имя всего святого, ее разговорить? Даже Зигфрид, победитель дракона, не смог бы этого сделать, чего говорить об акушерке, которая пробралась сюда под ложным предлогом?

Пока Хульда размышляла, с другого конца коридора подошли несколько мужчин. Один, с зачесанными назад редующими волосами и в круглых очках, которые увеличивали его глаза, был в темном костюме и держал в руках блестящую черную шляпу-котелок. Другие тоже выглядели довольно элегантно, хоть и более провинциально.

Хульда подумала, что руководит этой процессией мужчина с котелком, и вскоре ее подозрения подтвердились.

— Господин директор, вы покажете нам палаты? — спросил молодой человек, который смотрел в свой блокнот так, словно пытался просверлить в нем дырку.

Процессия остановилась неподалеку от девушек.

— Конечно, доктор Шварц, — ответил мужчина с котелком. — Немного терпения. Сначала я расскажу о наших новых подходах к лечению алкогольной зависимости. Мы занимались исследованиями в этой области с тех пор, как я возглавил лечебницу. Позже вы сможете понаблюдать за воспитательной работой ваших коллег, которые расскажут бедным пациентам о губительном действии алкоголя на них и их потомство.

Его слушатели одобрительно закивали.

— После этого у нас будет возможность посетить некоторые отделения, в том числе для эпилептиков, а также детский приют. Вы увидите, господа, что наше учреждение отличается разнообразием, равных которому нет ни в одной другой лечебнице. У нас есть все — слабоумные, дебилы, психотики, невротики...

— Невротики? — переспросил молодой человек и, высунув кончик языка от усердия, принялся что-то записывать себе в блокнот.

— Да, это... особо прискорбный случай... — сказал директор, в голосе которого слышалось явное презрение. — Труссы, которые были

на фронте и теперь возмнили, что у них травматический невроз и что они имеют право быть обузой для государства.

Публика негромко рассмеялась, и у Хульды сжалось сердце. Директор, похоже, не испытывал к своим пациентам ни капли сострадания.

Внезапно ей показалось, что из открытого окна доносятся крики, эхом разносящиеся по территории. Но, может, это нервы сыграли с ней злую шутку.

Заговорил мужчина в двубортном костюме:

– Вы не думаете, что стоит рассказать этим ипохондрикам о том, какой вред такое поведение наносит их возможному потомству, как вы делаете с алкоголиками?

Директор улыбнулся:

– Понимаете, по сути, такой проблемы перед ними не стоит, поскольку большинство этих субъектов просто не способны вступить в половой акт. Одни слишком заняты, выпрашивая очередную дозу морфина, у других – импотенция. А у тех, у кого ее нет... Ну, мы с коллегами обсуждаем возможность стерилизации. Однако дальнейших обсуждений дело пока не зашло. К тому же в наши дни все норовят пересмотреть подходы медицины. «Демократия» звучит, конечно, хорошо, но что бы с нами было, если бы психически больные люди имели такие же права, что и здоровые?

Публика одобрительно загудела, а Хульде с каждой минутой становилось все больше не по себе. Что за атмосфера царит в этом Далльдорфе? Почему никто не жалеет несчастных больных? Хульда беспокойно заерзала на стуле. Другие девушки сидели на своих местах с бесстрастным выражением лица и явно не следили за разговором.

«Рита Шенбрунн работала в жестких условиях», – решила Хульда. Интересно, что Рита думала о таком бесчеловечном отношении к больным? Может, она воспротивилась происходящему, потому что относилось к своей работе не так, как того хотело руководство? Может, она поссорилась с директором? Может, кто-то хотел, чтобы Риту уволили, или даже желал ее смерти?

Но Хульда знала, что дальше предположений она не продвинется.

Процессия во главе с директором лечебницы направилась дальше, прошла мимо ряда стульев и вышла в парк. Неужто сейчас начнется официальная экскурсия по территории лечебницы? Хульда с

удовольствием бы присоединилась, вот только незаметно сделать это не получится...

Внезапно дверь распахнулась, из нее выскочила заплаканная блондинка. Дракониha выглянула в коридор, указала на Хульду толстым пальцем и сказала:

– Теперь вы.

Хульда встала и, проходя мимо блондинки, сочувственно погладила ее по плечу. Девушка всхлипнула и побежала к выходу.

Хульда глубоко вздохнула и вошла в логово дракониhi. Было бы здорово, будь у нее с собой копье или меч, как у рыцаря...

– Садитесь! – прорычала медсестра, указывая на неудобный на вид стул.

– Спасибо, я лучше постою, – отозвалась Хульда.

Пожилая медсестра ответила пронзительным, как удар ножа, взглядом, но Хульда только выпрямилась во весь рост.

Медсестра помрачнела еще больше, но потом, похоже, поняла, что встретила достойного противника, пожала округлыми плечами и продолжила:

– Имя?

– Хульда... Шмидт.

– Адрес?

– Берлин, округ Шенеберг, улица Винтерфельдтштрассе.

– Образование?

– Я дипломированная медсестра.

Хульда сама удивилась тому, с какой легкостью ложь слетает с языка. Видимо, ее вдохновляло желание узнать что-нибудь о Рите Шенбрунн. Она все больше и больше сочувствовала этой незнакомой ей женщине, о которой столько думала последние несколько дней. Как, наверное, трудно было работать здесь с людьми, которые давно потеряли человечность! С людьми, которые распоряжаются жизнями бедных, всеми забытых и всеми презираемых больных, оказавшихся на самом дне и не имевших другого дома, кроме этого.

Во взгляде медсестры сквозило недоверие, поэтому Хульда прибавила:

– Я прошла обучение в школе Святой Виктории. – Тоже ложь, но звучит хорошо. Выпускницы этой школы пользуются хорошей репутацией, их считают нещепетильными и хваткими. – Я умею

работать с детьми, особенно с детьми из бедных семей. – А вот это было правдой.

Впервые Хульде показалось, что она увидела искорку уважения в глазах собеседницы. Но слова ее были угрюмы, как и прежде:

– Нам все равно, где вы учились, милочка. Здесь, в лечебнице для душевнобольных, дела делаются иначе, чем вы привыкли. Наши больные – больные не в общепринятом смысле слова. К ним следует относиться как к животным, которых нужно приручить. Надо отдать вам должные, госпожа Шмидт: выглядите вы крепкой. Не то что хрупкое создание до вас. Да ее же порыв ветра снесет! Нет, такие нам не нужны.

Хульда и глазом моргнуть не успела, как медсестра принялась ощупывать ее руки, словно проверяя наличие мышц. Потом она хмыкнула – как Хульде показалось – одобрительно.

– Для работы с девочками вы, может, и сгодитесь.

Хульда улыбнулась, лихорадочно думая, как бы завести речь о Рите.

– Медсестры обычно работают в одном отделении или в несколько? – неловко спросила она.

– Как придется, – неопределенно ответила медсестра, отвернулась и что-то записала на листе бумаги, лежавшем на простом деревянном столе. – А что?

– Просто любопытно. Одна моя знакомая раньше здесь работала. – Хульда глубоко вздохнула. «Закрой глаза и вперед», – подумала она. – Возможно, вы даже знакомы. Ее зовут Рита Шенбрунн.

Дракониха резко обернулась и пронзила Хульду взглядом.

– Как я слышала, госпожа Шенбрунн умерла.

Хульда покраснела.

– О... Правда? – пробормотала она, прекрасно понимая, как неправдоподобно звучат ее слова.

– Да, и вам это прекрасно известно, – сказала медсестра и встала перед Хульдой. – Хватит ломать комедию. Директор предупреждал, что в Далльдорф приедут ищейки. Вы ищейка, милочка?

– Нет! – воскликнула Хульда, поднимая руки. – Я правда не понимаю, о чем вы говорите. Да, меня интересует судьба Риты... Как я

уже сказала, мы старые знакомые. Но мой интерес носит сугубо личный характер!

– Расскажите это своей бабушке. В любом случае, от меня вы ничего не услышите. И ни от кого другого тоже. А теперь убирайтесь, пока я не вызвала охрану. – Медсестра снова смирив Хульду взглядом. – Какая жалость, – сказала она, и в ее голосе действительно слышалось легкое сожаление. – В кои-то веки появилась толковая девушка... С каждым днем сумасшедших становится все больше, и с каждым днем нам все сложнее позаботиться обо всех. Кроватей у нас уже нет, больные спят на полу. Мир становится все безумнее...

Медсестра с головой ушла в свои невеселые мысли, ее обвисшие щеки грустно задрожали, и она, казалось, напрочь забыла о присутствии «ищейки». Но потом вспомнила.

– Чего вы здесь встали? – сердито спросила она. – Ноги отказали?

– Нет, они прекрасно меня слушаются, – ответила Хульда и сделала книксен. Колени у нее подрагивали, но она надеялась, что дракониха этого не заметит.

Не оглядываясь, она выскочила в коридор. Побледневшие девушки испуганно уставились на нее – видимо, понимали, что им тоже придется несладко.

– Ну что? – тихо спросила брюнетка.

– Удачи, – пожелала Хульда, сама понимая, как саркастично звучат ее слова.

Она боялась, что медсестра выйдет за ней следом. Но этого не случилось. Судя по всему, медсестра полагала, что никто не осмелится послушаться ее указаний.

В мыслях у Хульды царил хаос. Получается, здесь, в Далльдорфе, ждали, когда кто-то явится с расспросами... Но, похоже, пока никто не приходил. Разве не странно? О чем комиссар Норт вообще думает?! И что скрывают работники лечебницы?

Ветерок погладил Хульду по щеке, и ей снова показалось, что вдалеке слышатся крики.

Она знала, что ей не поздоровится, если ее снова застанут за разнюхиванием здешних секретов, но любопытство взяло верх. Она зашагала вперед – нарочито спокойно, но быстро, словно держа в голове четкую цель.

Она прошла мимо администрации и направилась на север. Там стояло несколько украшенных башенками желтых зданий разной высоты. За ними на прилегающих к территории полях виднелись рабочие цеха. До Хульды донесся визг пилы. На скамейках под неусыпным надзором медсестер сидели обитатели лечебницы. У одних были стеклянные взгляды, у других – странно изогнутые конечности. Дети среди них тоже были – с деформированными черепами или необычными раскосыми глазами, безучастно смотрящими прямо перед собой. Некоторых, похоже, навещали родственники, они с чопорным видом стояли вокруг, одетые в воскресную одежду, и на лицах у всех застыла смесь скорби и отвращения.

От представшей перед глазами картины Хульду проняло до самых костей. «Столько стыда и горя в одном месте», – подумала она.

Не сбавляя шаг, Хульда пошла дальше. Крики прекратились, но раньше они доносились из здания на самом краю территории. Неужели она одна их слышала?

Хульда огляделась – убедиться, что никто не обращает на нее внимания, – ловко нырнула под куст сирени и подкралась к задней стене здания. Высокое окно было открыто, словно поджидая ее. В следующую секунду словно по команде снова раздались крики, отчаянные и пронзительные.

Хульда нащупала ногой выемку между кирпичами и сунула в нее носок туфли. Потом изо всех сил подтянулась, держась за подоконник, и заглянула в окно.

Она увидела тесную комнатку, в которой находилось по меньшей мере десять мальчишек. Здесь были и малыши лет трех-четырех, и подростки. Вдоль длинных стен рядами стояли кровати, и узкие проходы между ними были единственным свободным пространством. Там дети ползали, играли с собранными камнями или просто сидели, вытянув ноги, и смотрели перед собой. Судя по всему, кто-то попытался затеять драку, потому что несколько здоровяков, больше похожих на горилл, чем на санитаров, держали двоих ребят и нещадно лупили палками их худенькие тела. Ребята вопили, кричали и пытались вывернуться, но тогда здоровяки били их по лицу. У одного мальчика была разбита губа, и на его серую форму капала кровь. Другой отчаянно зажимал уши, словно это могло уберечь его от побоев.

– Дрянные негодники! – завопил санитар и со всей силы ударил мальчика по голове, а потом бросил его на землю, как мешок с картошкой.

Другой последовал его примеру, и мальчики поползли от своих мучителей прочь так быстро, как только могли.

Под ногами у первого санитар сидел малыш, одетый только в пеленку, и санитар стукнул его по лбу, чуть ниже взлохмаченных светлых волос.

– Выродки, – громко сплюнул он. – Мало того, что тупые, как быки, так еще и агрессивные, как бабуины! Мы кормим, поим вас здесь день за днем, год за годом. Зачем? Ваши жизни и пфеннига не стоят!

Хульда ахнула и испуганно зажала рот ладошкой, от чего потеряла равновесие и спрыгнула на траву. Она услышала, как один санитар сказал другому:

– Посмотри, что там происходит.

Сердце отчаянно заколотилось, голова закружилась, и перед глазами закачались верхушки деревьев, но Хульда заставила себя встать, вернулась на тропинку и со всех ног помчалась обратно к административному корпусу.

Солнце освещало этот псевдоидиллический мирок с его газонами, домами, цветочными клумбами... Но Хульда так торопилась вернуться на станцию, что ничего не замечала. Перед внутренним взором до сих пор стоял маленький мальчик, его плоское лицо, пухлые губы и узкие глаза, которые наполнились слезами от обиды. Хульду накрыло волной отчаяния, но не из-за Риты Шенбрунн и поисков истины, а потому, что она обитала в мире, где жизни больных детей ничего не стоят, а лечебница для душевнобольных – место, где царит отчаяние.

Глава 15

Понедельник, Духов день, 5 июня 1922 года

Карл чувствовал, как по мере приближения к району Бюловфиртель внутри него поднимается тревога. Сгущались сумерки. Неторопливая праздничная суeta постепенно испарялась, как вода в песках, являя миру обратную сторону городских улиц. Мужья, которые днем веселились в трактирах, возвращались к семьям, беспризорные дети прятались по углам и осматривали свой улов. Вместо них дымом из лампы возникали ночные жители: девушки легкого поведения, сутенеры и разные сомнительные личности. А еще – члены шаяк и банд, сделавших город опасным для простых граждан. Большинство банд появились аж в прошлом веке и служили пристанищем для освободившихся преступников. Но преступники, якобы вставшие на путь исправления, быстро возвращались к старому: играли в азартные игры, торговали наркотиками, занимались вымогательством... Карл не понаслышке знал, что обычно полиция в их дела не лезет. Бандиты были ценными информаторами. Они неоднократно сообщали сведения, помогавшие поймать одиночек, чьи преступления карались смертной казнью. В криминальном мире Берлина царили строгая иерархия и четкое разделение сфер влияния, поэтому полицейские предпочитали оставлять все как есть. На больших балах-маскарадах известные актеры и адвокаты танцевали с самыми коварными преступниками города.

Карл злился, что его коллеги на многое закрывали глаза, чтобы не усложнять себе жизнь, но в одиночку он ничего не мог изменить. Зачастую чтобы продвинуться в расследовании, приходится прибегнуть к помощи главарей преступного мира.

Карл провел рукой по волосам и с досадой подумал, что конкретно в этом расследовании он продвинуться не хочет. Было бы куда проще, если бы материалы дела затонули в глубинах архива, совсем как Рита Шеннбрун. Это с одной стороны. С другой – Карлу хотелось узнать, что с ней случилось. Он и сам себя не понимал. В

конце концов, он ничего не должен этой незнакомой женщине. Его помощник Пауль Фабрициус кипел жаждой деятельности. Он настаивал на том, чтобы тщательно допросить окружение Риты и не менее тщательно изучить все улики, какими бы незначительными они ни казались. Карл прекрасно его понимал. Захватывающее дело об убийстве поможет продвижению по службе. Жалкое самоубийство, в свою очередь, означает трату времени, сил и бумаги. Фабрициус, который, видимо, мечтал продвинуться по карьерной лестнице, рыл носом землю, поэтому Карл был вынужден продолжать расследование.

Подумать только, Карла строил его же собственный помощник! Разве не должно быть наоборот? Разве это не он должен отдавать Фабрициусу приказы? Но тот был похож на угря: мог пробраться куда угодно и с поразительной ловкостью выудить даже малейшие крупинки информации. Забавно! Несмотря на высокую должность, Карл всегда чувствовал себя маленьким мальчиком-сиротой. Его помощник, в свою очередь, вел себя так, словно владел всем миром.

«До чего здорово обладать такой самоуверенностью!» – подумал Карл.

После беседы с соседкой жертвы он коротко переговорил с кастеляншей Козловски, но сразу понял, что показания этой пьянчужки не стоят и пфеннига. Плаксивая госпожа Шмидт, грудь которой так и выпирала из-под блузки, тоже не сказала ничего существенного. К сожалению, она по-прежнему настаивала на том, что Рита Шенбрунн не могла покончить с собой. Она повторила свои слова этим утром – Фабрициус вызвал ее в управление, даже не посмотрев, что сегодня Духов день. Вместе они снова допросили молодую мать, но Карл не раз ловил себя на мысли, что думает не о Лизелотте Шмидт, а об ее акушерке, которая три дня назад с поразительной дерзостью учила его жизни. Эта девушка была остра на язык, а ее пронзительный взгляд бездонных глаз Карл не мог забыть. А ведь он даже не знал ее имени!

Карл вздохнул. Он бы предпочел, чтобы тело Риты Шенбрунн никогда не всплывало на поверхность. Почему мутные воды канала не могли унести его течением за город? Почему оно не могло застрять в трясине, где бы и сгнило, окутанное илом и водорослями? Вместо этого Рита не дает Карлу покоя.

Вчера он взял злополучный дневник и сунул в карман, пообещав, что прочитает его – только сначала выпьет для храбрости. На своем обычном месте в тусклом трактире на Прагерплац Карл положил дневник на стол. Обложка была потертой, словно владелица никогда с ним не расставалась.

Подошел трактирщик и, увидев дневник, спросил:

– Да ты, комиссар, никак в писаки заделался?

– Ничего подобного, Эгон. – Карл отодвинул дневник на край стола, где растекалась лужица джина. – Я ищу доказательства.

Эгон провел короткими пальцами по своим редким волосам, которыми он старательно зачесывал лысину. Его черные глаза-бусинки заблестели от любопытства.

– Доказательства? В этой тетрадке?

– Ты же знаешь, что мне положено молчать. – Карл с сожалением махнул рукой. – Идет расследование.

Эгон понимающе закивал, но у него на лице читалось разочарование.

– Да-да, конечно. Давай ищи свои улики. Это так называется?

– Именно! – Карл дружелюбно улыбнулся. – А ты, я смотрю, хорошо подкован!

Эгон покраснел от удовольствия, потом указал большим пальцем на стойку, на которой спал один из посетителей:

– Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится.

– Знаешь, я бы не отказался от сигарет.

– Сейчас все будет.

Эгон оттянул подтяжки, звонко шлепнул ими по животу и отправился к стойке, чтобы принести Карлу пачку его любимых «Юно». Карл тем временем осторожно раскрыл дневник. Прочитав первую запись, он был растерян и сбит с толку. Рита работала в лечебнице для душевнобольных? Это не соответствовало образу опустившейся женщины. Карл попытался представить Риту у постели больного, одетую в форму медсестры, и чем четче он себе это представлял, тем неуютнее ему становилось. С тех пор как Карл увидел дату на выпавшем из дневника письме, он нарисовал у себя в голове образ, который было легко ненавидеть. Но грамотные, правильно построенные предложения Риты разрушили этот образ.

Короткие, немногословные записи были пропитаны гордостью, упорством, нестигаемой волей и чувством долга.

Как это сочетается с тем, что Карлу известно?

– Держи.

Карл подпрыгнул, когда Эгон протянул ему пачку «Юно». Он даже не слышал, как трактирщик вернулся.

– Спасибо, – сказал он. Достал сигарету и попытался прикурить, но его руки дрожали, поэтому из зажигалки выскакивали только жалкие искры.

– Давай помогу.

Эгон чиркнул спичкой, и Карл, затянувшись, благодарно кивнул. Он заметил, что маленькие глазки трактирщика смотрят на него с любопытством, как будто удивляясь поведению своего постоянного посетителя. Карл непринужденно положил руку на страницу дневника, чтобы Эгон случайно не прочел написанное.

Прочистив горло, Эгон вернулся к прилавку, где, кряхтя, просыпался припозднившийся гость.

Карл курил, задумчиво глядя, как сизый дым поднимается к закопченному деревянному потолку таверны. Он решил разузнать побольше об этом Далльдорфе, где Рита Шенбрунн когда-то была так счастлива. При мысли о том, чтобы заняться поисками самостоятельно, у него по спине пробежал холодок, но потом он презрительно спросил себя: что ты боишься? Мертвой медсестры?

Тяжко вздохнув, Карл оглядел вечернюю улицу. Он слишком долго предавался раздумьям, пора и делом заняться – поискать свидетелей. Несмотря на то, что больше всего на свете ему хотелось вернуться домой, лечь в кровать и, спрятавшись под одеялом, ждать, пока это проклятое дело не растворится в воздухе. Карл почувствовал, как его снова захлестнул гнев, да такой обжигающий и ослепительный, что пришлось зажмуриться. Захотелось кого-нибудь ударить. Как нарочно в следующую секунду к Карлу с недобрым рычанием подбежала уличная псина, которая, похоже, преследовала его с выхода из трактира. Замахнувшись ногой, Карл пнул тощую тварь, но потом потерял равновесие и свалился прямо посреди улицы.

– Поделом! – завопила продажная девица с другой стороны улицы. – Бедное животное ничего тебе не сделало!

Ее подруга пронзительно рассмеялась:

– А шлепнулся-то как!

Карл выругался и потерял копчик. Было чертовски больно. Он со стоном перевернулся на четвереньки, встал и отряхнул штаны. Что сегодня за день такой?

Девушки подошли и встали по обе стороны от Карла. Та, что постарше, сочувственно стряхнула пыль с его куртки. Другая, невысокая и в теле, сказала:

– Ну что, красавчик? Похоже, вечер у тебя не задался.

– Но мы можем это изменить, – добавила девушка постарше и надула губки, пытаясь выглядеть соблазнительно, но смотрелась она изможденной и бледной. – Особая цена! Только для тебя. Всего два миллиона и сигаретка. У тебя случайно нет с собой наручников?

Толстушка снова визгливо рассмеялась.

– Да, Магда, это ты хорошо придумала! – воскликнула она. – У комиссара искры из глаз посыпятся, когда мы с ним закончим!

Карл сердито покачал головой.

– Я не собираюсь иметь с вами дела.

«Откуда они узнали, кто я?» – угрюмо подумал он. У него на лбу не написано, что он комиссар, и ему редко доводилось бывать в этом районе. Он осмотрел себя. Наверное, только полицейский заявится сюда в такой нарочито неприметной одежде: серый галстук, брюки со стрелками. Через руку у него была перекинута серая накидка, потому что утром шел дождь.

– Он считает нас страшными, Мари, – сказала девушка, которую называли Магдой, и скривилась в притворном разочаровании.

– Возможно, он предпочитает кривых-косых чудищ с Ораниенбургерштрассе. Или девушек на сносях? Тогда тебе в Шойненфиртель.

Карл слушал лишь вполуха, задумчиво рассматривая проститутку постарше. Под глазом у нее красовался знатный фингал. Ее подруга – или скорее коллега – на вид была более свежей, фигуристой и крепкой. Про таких говорят «кровь с молоком». Но как женщины они Карла ни капельки не интересовали. На ум вновь пришла девушка с короткими черными волосами и выделяющимися на их фоне серо-голубыми глазами.

Потом Карл резко вспомнил, зачем он здесь.

– Вы обе прекрасны, – солгал он, нацепив на лицо улыбку, которую обычно использовал в таких случаях и которая не имела никакого эффекта. – Позвольте угостить вас сигареткой, – предложил он, потому что алкоголь и сигареты – это валюта, которой можно расплатиться за сведения. По крайней мере, с простыми людьми. Рыбы покрупнее рассчитывают на плату побольше.

– О, господин решил раскошелиться? – хихикнула Мари, схватила его за руку и повела вперед.

Карл почувствовал запах ее сладких дешевых духов. Магда шла рядом. Она держалась деревянно и слегка прихрамывала, но очень старалась это скрыть. Девушки затащили его в заведение на углу, где в такой ранний час было немногочисленно. Протиравший стаканы хозяин кивнул, узнав Карла, потом вернулся к прерванному занятию, но продолжал поглядывать на него краем глаза. Никто не любит, когда к нему приходит полиция.

Карл знал, что некоторые его коллеги берут с развлекательных заведений «откупные», но закрывал на это глаза. Но сам он денег никогда не брал. Он просто делал свою работу, пытаясь не разворошить осиное гнездо, а потом уходил.

Оглядевшись по сторонам, Карл увидел экстренный выпуск с заголовком «Нападение на Шейдемана». Он уже читал эту газету в полдень, за обедом, и узнал, что вчера, в День святой Троицы, неизвестные плеснули кислотой в лицо бывшему премьер-министру, социал-демократу Филиппу Шейдеману. Он был на прогулке со своей семьей в Касселе, где теперь занимал пост мэра. Шейдеману повезло, он выжил. Преступников еще не поймали, но Карл не сомневался, что за нападением стоят правые. Скорее всего, те же самые люди, которые прошлым летом убили Матиаса Эрцбергера, подписавшего перемирие в 1918 году. Безжалостные члены организации «Консул», обвинявшие политиков молодой республики в том, что те растоптали честь Германии. Карлу захотелось сплюнуть.

Но он пришел сюда не за тем, чтобы размышлять о политике.

– Что будете пить? – спросил он своих спутниц после того, как они сели за столик в углу.

– Шампанское! – в один голос воскликнули Мари с Магдой и снова визгливо засмеялись.

Карл вежливо улыбнулся. Все знали, что шампанского здесь не подают.

– Три красных вина, пожалуйста! – крикнул Карл, обернувшись к хозяину.

Вскоре тот принес заказ, и, взглянув на грязные стаканы с красноватой жижей, Карл понял, что до вина этому напитку так же далеко, как Земле до Юпитера. Но девиц, похоже, все устраивало – они глотали напиток с пугающей скоростью. Карл сделал хозяину знак, тот вернулся с целой бутылкой и довольно забрал со стола несколько купюр.

Карл подлил своим спутницам вина и положил перед ними пачку «Юно». Девицы вытащили по сигарете, зажали между своими накрашенными губами, и Карл щелкнул зажигалкой, давая им прикурить. Та, что постарше, Магда, курила глубокими затяжками, а маленькая Мари пыхтела, как новичок. Карл тоже угостился сигареткой.

Примерно на половине второго стакана Карл решил, что пора приступить к расспросам.

– Значит, тебя зовут Мари? – обратился он к пышногрудой девице справа от себя.

– Можешь звать меня хоть Эсмеральдой, – ответила она, глядя на него слегка остекленевшими глазами.

– В этом нет необходимости. – Он улыбнулся и повернулся ко второй. – А тебя зовут Магда?

Та молча кивнула и снова поднесла к накрашенным губам стакан. Только сейчас Карл заметил, что полумесяцы на ее ногтях потемнели. Это заставило его содрогнуться, но он быстро взял себя в руки.

– Вы двое всегда здесь работаете?

– Каждую ночь, милый, – сказала Мари. – Хочешь увидеть наши разрешения?

Карл отмахнулся. Он сомневался, что разрешения у них есть. Наверняка Мари просто блефовала, но... Двумя проститутками больше, двумя меньше – ему все равно, сколько их околачивается в Бюловбоген. Если у девиц нет разрешения, то это проблема отдела нравов.

– Я просто хочу кое-что узнать. – Он немного наклонился вперед. – Вы знали Риту Шенбрунн?

– А почему ты спрашиваешь? – Несмотря на то, что они сидели в темном углу, было видно, что Магда побледнела еще больше.

– Потому что она мертва, дуреха! – вмешалась Мари.

Магда пихнула ее в бок.

Карл обратился в слух.

– Значит, вы ее знаете?

– Конечно, – тихо произнесла Магда. – Здесь все знали шуструю Риту.

– Почему шуструю? – спросил Карл.

Магда смерила его презрительным взглядом. Через несколько мгновений он понял почему и, к своему раздражению, покраснел. Сестры воспитывали Карла в строгой религиозности и прикасались к нему только тогда, когда били. Дети в приюте не знали ни нежности, ни ласки, и Карлу порой казалось, что с него слезла кожа, что он растворился и перестал существовать, раз никто до него не дотрагивается. У тела, как он усвоил с ранних лет, не должно быть потребностей, а от эмоции нужно избавляться любой ценой. Со временем Карл смог немного освободиться от этих установок, приобрел опыт общения с женщинами, в полной мере наслаждаясь чувственностью этих встреч. Но он так и не смог избавиться от страха, что желание – это грех, непременно ведущий к осуждению на вечные муки. Вот почему в подобных местах, где правил порок, он неизменно чувствовал себя не в своей тарелке, неуклюжим и недостойным. Ощущал себя так, словно снова стал бледным, никому не нужным мальчиком-сиротой.

Карл прочистил горло. Девицы переглянулись, и он подумал, что зря не взял с собой Фабрициуса. Фабрициус был более искусен в общении с прекрасным полом, он мог завоевать женщину любого возраста – как совсем юную девушку, так и умудренную опытом старушку. Не красотой, а обаянием.

Но сегодня его обаяние Карлу не поможет. Придется обходиться своими силами. Нужно относиться к этому как к возможности проявить себя и доказать, что он тоже умеет общаться с людьми.

– Когда вы видели Риту в последний раз?

Ответила Мари:

– Давно. Недели две, наверное, прошло.

– Вы сами по себе или на кого-то работаете?

Девушки переглянулись, и Карл решил, что Мари безмолвно спросила разрешения у старшей подруги, потому что она заговорила только тогда, когда Магда почти незаметно моргнула.

– Все девушки в Бюловнике работают на Педро.

Имя показалось Карлу знакомым, но он не подал виду.

– Педро? А фамилия у него есть?

– Если и есть, то я не знаю.

– Где можно найти этого Педро?

Девушки снова переглянулись. На этот раз ответила Магда:

– Когда как. Тебе понадобится удача. С незнакомцами он обычно не разговаривает.

– Мне не нужна удача. Я могу в любое время вызвать его на допрос.

Девушки толкнули друг друга в бок и рассмеялись.

– Ты еще совсем зеленый, да? – усмехнулась Магда. – Педро общается с некоторыми шишками из отдела нравов, но с непонятным полицейским непонятно откуда разговаривать не будет.

«Это мы еще посмотрим», – мрачно подумал Карл. Он чувствовал, что больше ничего не добьется. Проститутки зависят от этого Педро и не скажут ничего, что может ему не понравиться. Карл глубоко вздохнул. Настало время вопросов, которых он так страшился. Но ему придется их задать, чтобы картина было полной.

– Эта Рита... Что она из себя представляла?

– В смысле?

– Почему она вышла на панель? Какой она была?

– Сломленной, – ответила Мари. – Не такой, как остальные девочки. Разрешения на занятие проституцией она не получала и была слишком стара, чтобы стоять на панели. Надеюсь, в ее возрасте я буду жить в уютной маленькой квартирке с пуделем и богатым мужем. – Девушка хихикнула, но по глазам было видно: она знала, что этого никогда не произойдет. С Бюловштрассе нельзя сбежать.

– Сломленной, говоришь? Почему?

– Все видели, что человек она конченный. Было в ней что-то мрачное, какой-то надлом, словно она находилась на грани.

Магда уставилась на Мари во все глаза:

– Во завернула, да еще как напыщенно! Рита была несчастной дурехой, как и все мы.

– Неправда, – надувшись, возразила Мари. – Она была сломлена, никому не доверяла. Она чуть не спилась до смерти. И ее глаза, ну, они были как мертвые.

Все внутри Карла протестовало против этого разговора. Он не хотел ничего знать и в то же время не мог сдержать любопытства, поэтому задал следующий вопрос:

– Кто-нибудь из вас знает, почему она была такой... сломленной?

– Нам она ничего не рассказывала, – объяснила Магда.

– Я только знаю, что раньше она работала медсестрой, – добавила Мари, – и даже была на хорошем счету. А еще – что она потеряла свою семью.

Карл удивленно поднял глаза.

– У нее была семья?

– Да. Муж и дочь, насколько знаю. Оба померли от испанки. Раз – и все! – Для выразительности Мари ударила по столешнице, да так, что зазвенели стаканы.

Карл заметил, что Магда посмотрела на подругу с легким презрением. Из них двоих она казалась более рассудительной. И отнеслась к незнакомому полицейскому с большим недоверием, чем болтушка Мари.

Он повернулся к Магде.

– А ты что-нибудь знаешь?

– О чем я должна знать?

– О смерти Риты.

– Нет. Ничего.

Взгляд Магды дрогнул, и у Карла появилось хорошо знакомое ему чувство – чувство, что собеседник недоговаривает или пытается что-то скрыть. Он был уверен, что Магде известно больше, чем она говорит.

Мари тем временем встала из-за столика, словно разговор ей наскучил, и принялась заигрывать у стойки с мужчиной в темной шляпе и с каракулевым воротником.

Карл прочистил горло.

– Откуда у тебя синяк? – Он указал на глаз Магды.

Во взгляде у нее появилось удивление, но потом он снова стал непроницаемым.

– Так. Небольшие разногласия с боссом.

– С Педро?

Магда не ответила, и он воспринял это как согласие.

– Может, у Риты с ним тоже возникли разногласия?

По каменному выражению лица, по сжатым губам Карл понял, что находится на правильном пути.

– Рассказывай, если не хочешь отправиться в участок. – Карл блефовал: он не собирался вести эту женщину в полицейское управление. Но это сработало.

– Ладно, расскажу, – пробурчала она. – Речь шла о деньгах. Педро жутко разозлился. Он вообще вспыльчивый.

– Что именно произошло?

– Рита хотела увеличить свою долю. Она приносила Педро больше денег, чем остальные, потому что ничем не брезговала. Слава бежала впереди нее. За хорошую цену с ней можно было делать что угодно.

Карл почувствовал себя неловко. Ему не хотелось думать о том, что это значит. На ум пришли слова патологоанатома Габера о внутренних повреждениях покойной. Потом Карл заставил себя собраться и спросил:

– Но Педро ей отказал.

– Конечно, отказал. Это Педро устанавливает правила. Нельзя диктовать ему свои условия. Тогда Рита пригрозила, что переедет в другой район, продолжит работать в другом месте.

– А он?

Нервно покусывая грязные ногти, Магда ответила:

– Тогда он сказал: я тебя прикончу.

Карл не изменился в лице.

– И он прикончил? Как думаешь?

– Понятия не имею! Я не хочу иметь с этим ничего общего, ясно? – Магда с тревогой огляделась, словно проверяя, не подслушивают ли их, а потом что-то промямлила.

– Что? – переспросил Карл.

Магда наклонилась к нему.

– Рита не испугалась. Она сказала Педро, чтобы он заткнулся, а не то она все расскажет. Расскажет про Далльдорф.

– Далльдорф? Психиатрическую лечебницу под Виттенау?

Карл с удивлением почувствовал возбуждение, знакомое ему по предыдущим расследованиям. Обычно оно охватывало его, когда он

нападал на след.

– Наверное, – неохотно сказала Магда.

– Что она имела в виду?

Магда молча моргала, и Карл понял, что она больше ничего не знает. Потом она осушила стакан одним большим глотком. Карл увидел, как в уголке ее губ собралась капля красного вина. Это показалось ему почти трогательным.

– Есть еще кое-что... – добавила Магда, потирая руки. – В вечер своего исчезновения Рита получила письмецо. Не знаю, что в нем было написано, на конверте стояло только имя. Мы думали, что с ней хочет встретиться застенчивый клиент. Больше я ее не видела.

Карл удивленно уставился на собеседницу. Кто бы мог подумать, что ей столько всего известно! Нужно отыскать это письмо. В вещах Риты его не было, а значит, придется пойти к мосту, возле которого ее нашли. Давно следовало изучить место обнаружения тела лично. Пока там побывали только коллеги Карла. Его затошнило. Он встал.

– Спасибо, Магда, – поблагодарил он, протягивая деньги. Магда быстро свернула купюру в трубочку, наклонилась и спрятала за подвязки чулок. Потом спросила с усмешкой:

– На вас, полицию, теперь работают акушерки?

Карл уставился на нее во все глаза.

– Что?

– Прошлой ночью ко мне подошла женщина. Сказала, что работает акушеркой, и спрашивала о Рите.

– Как она выглядела?

Карл знал ответ еще до того, как услышал описание женщины.

– Темные короткие волосы. Высокая. Немножко косая, но в остальном вполне симпатичная. Она была пьяна. Напилась просто в стельку!

Глава 16

Выдержки из дневника

Психиатрическая лечебница, пригород Бранденбурга
17 апреля 1915 года

В начале года меня перевели в психиатрический лазарет неподалеку от Бранденбурга, к пациентам, которых здесь называют «мнимыми больными». В Вальдорфе начальство отметило меня за чуткое обращение с солдатами, а в многочисленных новых госпиталях срочно нужны хорошие медсестры. Такие госпитали появились по всей стране, чтобы изолировать нервных больных от психически здоровых калек и остановить эпидемию. Некоторые врачи говорят, что столкнулись с новой формой «истерии».

Я не знаю, правда ли это. Иногда мне самой не верится, что эти приступы судорог и припадков могут быть настоящими. Конечно, на фронте большинство солдат пережили ужасные вещи. Может, они симулируют, чтобы уклониться от повторного призыва? Но в глазах их отражается поистине животный страх, поэтому я склонна верить, что они на самом деле страдают от заблуждений и считают, что находятся в опасности. Такое ощущение, что с фронта вернулись их тела – души же навсегда остались в окопах.

Я дружелюбна по отношению к пациентам, и я им нравлюсь. С этими мужчинами легко работать, потому что между приступами они ведут себя совершенно нормально, тихо разговаривают или просто молчат. Среди них есть как образованные люди, так и простые работяги, и все они в своем уме. Большинство могут обслуживать себя самостоятельно: сами едят и ходят в уборную, они не нуждаются в особом уходе. Однако здесь мне приходится ассистировать врачам во время лечебных процедур. Работать в Далльдорфе было легче.

Бранденбург далеко, ездить сюда каждый день непросто, поэтому на неделе я остаюсь в лечебнице, в комнате для медсестер, и два дня выходных провожу на Бюловштрассе с Конрадом и малышкой Хильдой. Я скучаю по ним, но нам нужны деньги. К тому же мне

нравится работать, даже если иногда я сомневаюсь, правильно ли мы поступаем. Но я держу свои сомнения при себе.

Не будь я уверена, что директор и врачи знают свое дело и хотят как лучше, решила бы, что они настоящие варвары. Так это может показаться со стороны. В особо тяжелых случаях, когда недели проходят без улучшений, психиатры назначают пациентам длительные ванны, в которых те сидят, пока не пройдут симптомы, – иногда по нескольку дней. Некоторые больные проводят в изоляции недели или даже месяцы. Это время они в полном одиночестве сидят в затемненной комнате, им нельзя ни читать, ни разговаривать. Посторонним не разрешено их навещать, а медицинскому персоналу приказано не говорить им ни слова, чтобы не ставить под угрозу процесс выздоровления. Если выздоровление не наступает даже после таких мер, то пациентов заставляют выполнять физические упражнения – часами, до глубокого изнеможения. Однажды я видела, как после этого некоторые плакали: думали, что вернулись на фронт и скоро погибнут.

Некоторые, по словам врачей, излечиваются, но я боюсь, что на самом деле те просто подавляют симптомы, чтобы избежать муштры или строгого режима.

В моей памяти навсегда останется случай одного юноши, совсем еще мальчишки, который потерял голос во время войны. Он больше не мог произнести ни единого слова, как ни старался. В конце концов лечащий врач вдавил пулю юноше в шею, чтобы тот подумал, что сейчас задохнется. Несчастный испуганно хватал ртом воздух и наконец зарычал, как умирающий зверь. Врач считал это успехом. Юношу объявили излечившимся и отправили обратно на фронт, в Бельгию. Но я никогда не забуду выражение его глаз, когда он почувствовал пулю в шее и посмотрел на меня. Я держала его. Я знала, что лечебные процедуры помогут ему излечиться, но он каждой клеткой своего тела верил, что сейчас умрет. Взгляд этого бедняги до сих пор преследует меня во сне. Вскоре после того, как его во второй раз призвали на службу рейху, он погиб в бельгийском городке, название которого я уже не помню.

Глава 17

Понедельник, Духов день, 5 июня 1922 года

К тому времени, как Карл вышел из мрачной пивной, газовые фонари уже бросали на мостовую желтые круги. Воздух был теплым – как легкое пальто, которое Карл накинул поверх потной рубашки. Вдалеке пронзительно захохотали девицы легкого поведения, где-то упала бутылка и с громким звоном разбилась о камни. На Бюловштрассе кипела жизнь, и стоило кому-то распахнуть дверь в трактир или кабак, как оттуда вылетали обрывки музыки.

Карл не знал что и думать. Это проклятое расследование ввергало его в замешательство. Может, он совершил ошибку, присвоив дневник? Вдруг об этом узнает начальство? Дело оказалось куда сложнее, чем Карл думал. Сначала Фабрициус зарылся в него с головой, теперь эта странная женщина со своими расспросами... Какое ей дело до Риты Шенбрунн? О чем она только думает, вмешиваясь в расследование? Карл – полицейский, выполняющий важную работу, а она – всего лишь акушерка, которая подтирает сопли детишкам.

Кипя от гнева, он направился в сторону севера.

На дереве у дороги заливался соловей, жалобно и неуклонно ища себе подружку. Та запаздывала: обычно птицы образуют пару в апреле-мае и потом строят себе гнездо.

Карл торопливо шел, оставляя позади шум трактиров и таинственных подвальных кабаков, пока собственные шаги, зловещим эхом отдающиеся в узких улочках, не стали единственным звуком во внезапно наступившей тишине.

Справа возвышались железные арки эстакады, прорезавшие вечернее небо. Вот над головой с грохотом пронесся поезд, похожий на хвост кометы, и исчез в направлении Потсдамского вокзала. Домов здесь почти не было. Вдали чернели очертания ангаров, спящих страшилищ, принадлежавших грузовой железнодорожной станции. Карл прошел под эстакадой – ее конструкция напоминала железную паутину – и проскользнул между ангарами, чтобы подойти к мосту.

Сюда не добирались отголоски оживленного города, этих промышленных джунглей, где чувствуешь себя таким потерянным, словно оказался на другой планете. Стальные балки поблескивали в свете луны и одинокого фонаря – другого освещения не было, и только вддали, в стороне Шенебергеруфер, виднелись огоньки.

На мосту выделялся черный силуэт, обращенный в сторону реки. Его обладательница стояла к Карлу спиной, но он узнал ее сразу. Девушка в шляпке гладила одну из медных львиных голов на перилах – ласково, словно живого зверя.

– Что вы здесь делаете? – Это гнев или радость пронзили его грудь?

Девушка обернулась. На мгновение она выглядела испуганной, но потом узнала Карла и в глазах у нее промелькнуло веселье.

– Господин комиссар! И вы здесь? Что ж, лучше поздно, чем никогда.

– Что вы пытаетесь этим сказать?

– Ничего особенного. Это ведь именно здесь нашли тело Риты Шенбрунн, не так ли?

Карл подошел ближе, но ничего не сказал.

– У меня сложилось впечатление, что ваше расследование продвигается слишком медленно. Прошло две недели, а вы ничего не нашли. У вас всегда так?

Карл фыркнул:

– С чего вы взяли, что ничего? Думаете, я посвящу вас в ход расследования? Как вас вообще зовут?

В ее глазах снова вспыхнули искорки веселья. Левый, казалось, смотрел куда-то мимо Карла. Это раздражало.

– Какое это имеет отношение к делу?

– Вы допросили мою свидетельницу с Бюловштрассе. Нравится вам или нет, но теперь мне нужно знать ваше имя. Хотя бы для того, чтобы в следующий раз не стоять разинув рот и не спрашивать: «Какая еще акушерка?»

Девушка хихикнула.

– Ах, Магда. Она и вам наплела о злом и страшном Педро?

– Почему наплела? Так, давайте обо всем по порядку... Как вас зовут?

– Хульда.

– А дальше?

Девушка окинула его задумчивым взглядом.

– Можно просто Хульда. Или госпожа Хульда, если будет угодно. Так меня зовут на Винтерфельдплац.

– Назовите, пожалуйста, вашу фамилию, – потеряв терпение, велел Карл.

– Гольд. Хульда Гольд.

С этими словами она протянула руку, словно вежливо представляясь новому знакомому. Карл машинально ответил на рукопожатие и только потом осознал, что делает. Пальцы Хульды были холодными, но рукопожатие – крепким и уверенным, и когда она отстранилась, Карл на долю секунды ощутил сожаление.

– Интересное имя. Еврейское?

– А почему вы спрашиваете? – По голосу было слышно, что Хульда внезапно насторожилась.

– Просто так. – Он пожал плечами. – Ладно, нет так нет. А что означает ваше имя?

Хульда громко рассмеялась.

– Меня об этом еще никто не спрашивал. В конце концов, это вполне обычное имя, разве нет?

Нет, Карлу оно не казалось обычным, скорее напротив. В нем было что-то странное, какая-то бездонная глубина, которая ему нравилась и в то же время тревожила. Сколько Карл себя помнил, он всегда был очарован именами. Они казались ему духами, обволакивающими своих носителей, как второе «я». Свое имя, напоминающее карканье, Карл ненавидел, а фамилия Норт, доставшаяся ему от настоящего приюта, поскольку его родители были неизвестны, казалась резкой и неприступной, как холод и снег. Но в имени Хульды звучало тепло, которое смягчало странность.

Она выжидательно смотрела на Карла, но он словно потерял нить разговора. Что она говорила? Да, точно!

– Почему вы думаете, что Магда не права?

– Понятия не имею. Предчувствие такое. – Она оттолкнулась от перил. – Да ладно, неужто вы правда думаете, что все так просто? Сутенер впал в бешенство и зарезал курицу, несущую ему золотую яйца?

Нет, Карл так не думал. «А девушка-то неглупа. Нужно держать с ней ухо остро», – подумал он с некоторым беспокойством. Ему совсем не нравилось, что Хульда шныряет по округе, расспрашивая людей, которым, возможно, не нравится, что кто-то пытается вторгнуться в их мирок. Хульде следует быть осторожной. Знает ли она, какой опасности себя подвергает?

– Известно, что Рита его шантажировала, – сказал он. – Это могло стать мотивом.

– А, история с лечебницей в Далльдорфе? – спросила Хульда.

Карл вздрогнул, хотя, признаться, даже не удивился тому, что Хульда уже разузнала про это место.

«Что-то в ней вызывает у людей желание откровенничать», – подумал он со смесью досады и одобрения.

– Возможно, Рита Шенбрунн знала этого Педро раньше, – сказал Карл. – Когда-то она работала медсестрой, по крайней мере, если верить уличным женщинам. Они с Педро могли встретиться в Далльдорфе, в лечебнице для душевнобольных. Но при каких обстоятельствах? Это мне пока не удалось выяснить.

Хульда удивленно присвистнула, совсем как уличный мальчишка.

– Как думаете, врачи могут что-нибудь знать? Возможно, кто-то в лечебнице ненавидел Риту?

– Возможно, – согласился Карл, который не стал озвучивать это во время своих рассуждений.

– Вы уже там были?

Хульда смотрела на него широко раскрытыми глазами. На первый взгляд вопрос звучал невинно, но Карлу казалось, что девушка его проверяет.

– В Далльдорфе?

– Да. Ну, в ходе расследования. Вы допрашивали персонал?

Карл виновато ответил, что нет. Ему снова стало не по себе. Он что, оправдывается? Только сейчас он в полной мере осознал, что обсуждает расследование с акушеркой, которую встретил на предполагаемом месте преступления. Поздним вечером. Он покачал головой, удивляясь собственной глупости.

Пытаясь собраться с мыслями и выиграть время, Карл прислонился к парапету и посмотрел на канал. Вода была черной как

смоль, но на маленьких волнах качались отблески света. Чуть дальше, уже в Кройцберге, виднелся мост, который вел через Ландвер-канал.

Теплый ветер шумел в кронах деревьев, время от времени слышался крик ночной птицы или плеск воды, когда рыбы всплывали на поверхность, прежде чем снова нырнуть и впиться холодными ртами в ил на дне.

– Ночью здесь красиво, – тихо сказала Хульда.

Карл не знал, говорит она с ним или сама с собой, но не мог не согласиться. Эта часть города напоминала лес: широкий канал разделял тесные кварталы застроек. Карл вдохнул полной грудью, что нечасто случалось ему делать на узких улочках.

«И все-таки человек – животное. Ему нужна природа, а не эти каменные джунгли», – подумал он, повернулся к Хульде и спросил:

– Почему вы на самом деле интересуетесь Ритой Шенбрунн?

Лицо девушки было скрыто в тени.

– Ну... вы же знаете, что я акушерка. – Она подняла руки, словно защищаясь. – Мне известно, что вы думаете об этой профессии, и, надо сказать, многие разделяют вашу точку зрения. Все в порядке, я не жду медалей или хвалебных од. Так получается, что в ходе работы я невольно втягиваюсь в жизнь других людей. Беременность, роды, первые дни с новорожденным, вся эта новизна, затрагивающая наши самые древние чувства... В том числе страхи, которые мы держим в себе. Нам кажется, что мы их тщательно похоронили, но по время родов дамбы порой прорываются, затапливая все вокруг. – Хульда неотрывно смотрела ему в глаза. – С моими пациентками такое частенько случается, и тогда я становлюсь свидетельницей сцен, не предназначенных для посторонних глаз.

Карл понимающе кивнул. Похожее случалось и с ним. Копаясь в грязи голыми руками, он видел кровь, пот и слезы людей, чьи жизни были перевернуты из-за совершенного кем-то преступления. Карл заглядывал в души людей, которые кого-то убили, и пытался их понять. Сегодня он гораздо лучше, чем прежде, понимал, что толкает людей на кривую дорожку.

Карл прикусил губу, чтобы не поделиться своими мыслями.

– Будь на то воля врачей, моя профессия просто вымерла бы, – продолжала Хульда. – Мы, акушерки, помогаем женщинам рожать дома, а это риск. В своих действиях мы руководимся чутьем, и

уверенность роженицы в наших силах – это все, что у нас есть. При этом мы невольно вовлекаемся больше, чем хотим. – Она вздохнула. – С акушерками, работающими в больнице, такого не случается – через них проходят десятки, сотни рожениц, лиц всех и не упомнишь. Иногда я думаю, что мне бы следовало устроиться в больницу. Там легче держать дистанцию.

Карл моргул. Он никогда не задумывался о том, где лучше рожать, дома или в больнице. Да и с чего бы, ведь это женское дело. Тема его смущала.

Но Хульда продолжала:

– Госпожа Шмидт, юная роженица, которую вы недавно допрашивали... мне больно за нее. Жизнь бедняжки предопределена, ей не выбраться из нищеты и каторжного труда. Но женщина по соседству помогала ей и поддерживала и, возможно, со временем заменила бы ей мать. Стала бы бабушкой для малыша Конрада. Но теперь эта женщина мертва. Нельзя исключать, что ее убили. Какая бессмысленная смерть. Рита могла жить и жить, у нее было столько возможностей... Сейчас она, наверное, уже лежит под землей. Ее жизнь погасла так же просто, как пламя свечи.

Хульда запнулась и замолчала, до побелевших костяшек вцепившись в железный парапет. Внезапно Карла охватило желание утешить ее, обнять, позволить уткнуться лицом себе в шею.

«Чушь какая», – подумал он.

Его голос звучал хрипло, когда он сказал:

– Вы слишком чувствительны. Это всего лишь работа.

Хульда подошла ближе, и одинокий фонарь озарил ее лицо теплым желтым светом.

– Только бюрократ мог такое сказать.

– Я не бюрократ.

Она недоверчиво рассмеялась.

– Неужели? Но человек вы явно мрачный и с чувствами других не считаетесь.

Карл раздраженно выдохнул через рот. Что эта девица о себе возомнила? Сначала бесцеремонно влезла в его расследование, потом прочитала ему лекцию по философии, а теперь еще и оскорбляет!

– Вы ничего обо мне не знаете, – ответил он. – Вы очень дерзки и самонадеянны. Возомнили себе, что можете всем помочь, всех спасти.

Хульда обиженно посмотрела в сторону, отчего ее лицо снова погрузилось в тень. Карл тотчас же пожалел о своих резких словах и хотел было как-то смягчить удар, но Хульда его опередила.

– Мама тоже так говорила, – пробормотала она.

– Мама? Ваша мама?

Хульда кивнула.

– Она смеялась над тем, что меня заботят чужие судьбы и что я хочу помогать людям. «Тебе легче убирать чужое дерьмо, чем разбираться со своим...» До сих пор слышу эти ее слова. Правда, я в основном убирала дерьмо за ней, но ее это никогда не смущало.

Карл удивился тому, сколько горечи вдруг прозвучало в ее красивом низком голосе.

– Ваша мать была больна?

Хульда снова кивнула.

– На голову. Частенько лежала в психиатрической лечебнице. Отец несколько раз оплачивал лечение в дорогих частных клиниках, но ничего не помогло. Мама должна была захотеть вытянуть себя из болота, а она не хотела. Предпочитала накачиваться алкоголем, снотворным, морфином. В конце концов тело не выдержало, и мама умерла от передозировки лекарствами. Я так и не узнала, нарочно ли она приняла слишком большую дозу.

– Мне жаль. – Карл чувствовал себя не в своей тарелке. Он никогда не знал, что говорить в таких ситуациях. Может, Хульда права и он – бесчувственный бюрократичный чурбан?

Некоторое время они молча слушали, как завывает ветер. Потом Хульда повернулась к Карлу и сказала:

– Вы правы. Я не могу закрывать глаза на то, что творится вокруг. Чувства бегут впереди меня. Это мое слабое место. – У нее на лице появилось замешательство, словно она сама удивилась своим словам. – Возможно, так я пытаюсь спасти себя. Но на самом деле я никого не могу спасти. Тем более покойницу, которую даже не знала.

– Вы и не должны никого спасать. И здесь вы быть не должны. Предоставьте это дело полиции.

– А вы почему сюда вернулись? Что надеетесь здесь найти?

Карл не осмелился признаться в том, что сегодня пришел сюда впервые. Когда тело обнаружили, его начальник отправил на место полицейский отряд, которому приказал прочесать берег в поисках

каких-нибудь следов. Но они ничего не нашли. Сам Карл в то время не отвечал на телефонные звонки, потому что отсыпался после попойки. Он сказал, что болел, когда на следующий день появился в участке бледным и ему поручили вести дело.

Карл понимал, что дальше так продолжаться не может, но страх снова и снова стискивал ему горло стальными тисками, и спасти его могла только выпивка. В большинство ночей Карлу удавалось держать себя в руках, но иногда желание погрузиться в забвение захлестывало могучей волной, и тогда пути назад уже не было. С тех пор, как он начал копаться в прошлом Риты Шенбрунн, которое было похоже на улей разъяренных ос, становилось только хуже. Ничем хорошим это не закончится. Карл дал себе слово, что больше не прикаснется к этому треклятому дневнику, но вместе с тем понимал, что не сможет его сдержатъ. Что как полицейский должен сделать все возможное и отыскать правду, какой бы болезненной она ни была.

Он украдкой взглянул на Хульду, которая все еще ждала ответа. «Она была пьяна. Напилась просто в стельку!» – сказала девица с Бюловштрассе. Может, Хульда переживала что-то похожее? Возможно, унаследовала от матери склонность к пьянству. В конце концов, разве не все мы – лишь отпечатки наших предков?

В памяти всплыло изможденное лицо Риты Шенбрунн и ее бескровные губы. Карл быстро выбросил эту картинку из головы и убрал руки с перил. Ему срочно нужна сигаретка. Он вытащил из кармана смятую пачку «Юно», которую почти докурили проститутки, и затянулся.

– Можно и мне одну? – попросила Хульда.

Карлу почудилось, или она вдруг оказалась на несколько сантиметров ближе?

Он протянул Хульде пачку и чирикнул спичками, которые взял у Эгона. Маленький огонек осветил ее лицо. Она закрыла глаза, сделала первую затяжку, и Карл понял, что испытывает к ней желание.

Он прочистил горло и сделал шаг назад.

– Я хочу еще раз осмотреться. Вдруг в прошлый раз мы что-то упустили.

С этими словами он спустился к берегу. Свет от газового фонаря сюда не доходил, поэтому Карл вытащил из кармана фонарик и включил. По спускающемуся к берегу склону заскользил круглый

блик, который, к досаде Карла, едва заметно подрагивал. Хульда последовала за ним, не дожидаясь приглашения.

– Что вы ищете?

– Зацепки, которые приведут нас к преступнику.

– Вроде таких? – Хульда сигаретой указала на кусок ткани, валяющийся в зарослях.

Карл подошел поближе и увидел желтую кепку. Такие носят в рабочих районах Берлина. Карл покачал головой и отвернулся, чтобы не пускать дым в лицо Хульде, которая снова оказалась чересчур близко. Можно было подумать, что она нарочно к нему подкрадывается...

– Я ишу письмо, которое Рита получила незадолго до смерти. Проститутки с Бюловштрассе утверждают, что клиент передал Рите какую-то записку. Возможно, именно так он заманил ее сюда.

«Куда только подевались мои благие намерения хранить тайну следствия?» – спрашивал себя Карл. Такое ощущение, что Хульде удалось разговорить и его.

– Вы уверены, что мы ищем мужчину?

Карл растерялся.

– Конечно, это могла быть женщина. Но женщины убивают реже.

Хульда кивнула.

– Женщины знают, сколько сил и самоотверженности требуется, чтобы произвести на свет новую жизнь, и что если уничтожить хоть одну, то все усилия пойдут прахом. Вы же, мужчины, так ничему и не научились. Только и умеете, что воевать да убивать.

Карл фыркнул:

– Какая душещипательная речь! Только женщина могла такую сказать.

Эту девицу, подумал он, хлебом не корми, дай только поучить кого-нибудь жизни. Он почувствовал, как его захлестнуло волна раздражения.

Он резко выдохнул дым, выбросил сигарету, растер ее носком туфли и сказал:

– Что вы делали ночью на Бюловштрассе, да еще и пьяная? Шататься по темным улицам тоже входит в список женских добродетелей? Откуда вы возвращались?

Теперь и Хульда выглядела сердитой.

– А вам-то что? Мои личные дела вас не касаются.

– Ясно, – пробормотал Карл, не понимая, откуда взялась эта внезапная злость, которая разрасталась в груди. Она возникла на ровном месте и пронзала его, словно горячее лезвие. – Могу представить, чем вы занимались в одном из тамошних заведений, – добавил он. – Кому той ночью повезло?

– Оставьте меня в покое, – разозлилась Хульда. Ее лицо вдруг окаменело, словно маска.

Они с Карлом стояли на самом краю берега, почти вплотную. Они были одного роста. Радужки Хульды казались почти прозрачными, подбородок дрожал, будто она вот-вот расплачется. Но она взяла себя в руки, и теперь ее выдавал только слабый блеск в глазах. Губы ее были приоткрыты от негодования, за ними блестел ряд белых зубов. Внезапно Карлу захотелось схватить Хульду за запястья и притянуть к себе. Провести языком по белым зубам и услышать ее низкий голос. Но он заставил себя сдержаться. Страх, что Хульда его отвергнет, был слишком велик.

«Что я творю? – подумал он. – Почему разболтал подробности дела, о которых пока не рассказывал даже Фабрициусу? Почему напрочь забыл о своем профессионализме?» Эта девица может причинить своим любопытством непоправимый вред и взбаламутить воду так, что вся рыба расплывется. А еще она может стать новой жертвой. Карл не понаслышке знал, что ненависть порождает ненависть и что за одним убийством нередко следуют другие. Он должен позаботиться о том, чтобы с Хульдой ничего не случилось.

Что она там говорила? Просила оставить ее в покое?

– С превеликим удовольствием, – наконец отозвался Карл, стараясь вложить в свои слова как можно больше холода, чтобы заглушить печаль и беспокойство. – Ступайте домой. Одна женщина уже бродила здесь одна, и ничем хорошим для нее это не закончилось.

Карл не стал дожидаться ответа, который наверняка уже крутился у Хульды на языке, отвернулся и, демонстрируя величайшее самообладание, широким шагом направился в сторону железнодорожной станции.

Чем больше он злился на себя, тем сильнее сердился на Хульду.

Глава 18

Четверг, 8 июня 1922 года

Хульда бродила по улицам уже четверть часа, набираясь храбрости, чтобы войти в кафе «Винтер», порог которого не переступала с тех пор, как Феликс и белокурая девушка отнеслись к ней как к невидимке.

Это случилось неделю назад. Каждый раз, когда Хульда проходила мимо, стулья на солнечной террасе врезались ей во взгляд, как щепки врезаются в плоть, а колышущийся навес маячил на краю зрения, как надоедливое насекомое. Она не осмеливалась войти в кафе, хотя это место и ее тоже! И она не позволит себя выгнать, не откажется от своих привычек просто лишь потому, что Феликс, по-видимому, встретил женщину, которая залатает раны на его сердце, как сам он когда-то латал Хульде проколы на велосипедных колесах.

Поэтому она решила, что пойдет сегодня вечером в кафе «Винтер» и, как обычно, отужинает бутербродами со смальцем. Если обмакнуть бутерброд в теплое какао, то соленое смальце начинает таять, а хлеб пропитывается сладостью... Божественный вкус.

В животе Хульды громко урчало от голода, но по мере приближения к кафе ноги словно наливались свинцом. В последнюю секунду она прошла мимо, зная, что Берт и добрая половина Винтерфельдтплац качают головами, наблюдая за ней.

«Я мечусь, как тигр в клетке», – подумала Хульда и решила, что это уже доходит до абсурда. Она подошла к кафе, глубоко вздохнула и толкнула дверь с такой силой, что стоявшей за ней официантке пришлось отпрыгнуть в сторону.

– Опаньки, госпожа Хульда! – сказала Фрида, цокнув языком. – Я-то думала, вы теперь кормитесь в другом месте.

Ее острый язычок всегда действовал Хульде на нервы. Закусив губу, она проглотила резкость, которая только бы подчеркнула ее неуверенность, и ограничилась вопросом:

– Свободный столик есть?

Фрида пожевала кончик своей лохматой косички и принялась оглядываться, пока не заметила в дальнем углу маленький столик, за

которым никого не было.

– Обычно там сидит доктор Левенштейн, – ворчливо сказала она, – но сегодня, думается, он не придет. И хорошо, хозяйка вообще предпочитает, чтобы такие люди сюда не шастали. Садиться будете?

Хульда величественно кивнула и пронеслась мимо официантки, чувствуя, что ее щеки вспыхнули от гнева. Что эта девица о себе возомнила? «Такие люди»... Хульда прекрасно понимала, о ком речь.

Она раздраженно плюхнулась на свободное место и стала изучать меню, хотя уже знала, что закажет. К счастью, этот столик обслуживала другая официантка – застенчивая девушка с изможденным лицом, которая подошла к Хульде и тихо спросила, чего госпожа желает.

Феликса нигде не было видно. Снова и снова Хульда ловила себя на том, что вытягивает шею, чтобы посмотреть на стойку, за которой могли мелькнуть его каштановые волосы. Но всякий раз из кухни выходил кто-то другой, и Хульду охватывало разочарование.

– Хозяина сегодня нет? – непринужденно спросила она, когда тощая официантка поставила на стол тарелку с бутербродами.

– Нет, только его мать, – последовал краткий ответ.

Теперь и Хульда увидела, как над бутылками за барной стойкой маячат белые кудри Вильгельмины Винтер. Куда же подевался Феликс? Обычно он проводил здесь каждый вечер, приносил Хульде стакан пива и перекидывался с ней несколькими фразами – впрочем, следовало признать, что последние несколько месяцев их отношения были натянутыми. Но она привыкла видеть Феликса в кафе, он был частью этого места – совсем как темные стулья с плетеными спинками, высокие настенные зеркала и хрустальные люстры, которые Феликс давно хотел заменить на современные светильники геометрической формы в стиле баухаус. Но его мать резко воспротивилась: «Это приличное заведение, а не пристанище для нищих артистов или юных дарований, как «Романское кафе». У меня в кофейне такой безвкусицы не будет», – сказала она, и на этом разговор был окончен. Хульда тогда еще подумала, что была бы впечатлена, если бы Феликс настоял... Но это было не в его характере. Феликс был добрым, нежным и всегда старался всем угодить. Вот почему он вписывался в окружение так же легко, как подсвечники, которые стояли в полукруглых нишах, излучая мягкий свет.

Хульда откусила небольшой кусочек от бутерброда и задумчиво принялась жевать. В голове промелькнули воспоминания о белобрысом воришке и об их встрече в варьете «У Рике», и она устало потерла лоб. «Кому той ночью повезло?» – спросил комиссар, глядя на нее своими нахальными зелеными глазами.

«Почему любить так чертовски трудно?» – думала она, слизывая соль с губ.

С понедельника Хульда запрещала себе думать о Карле Норте. Последние несколько дней она работала как одержимая, читала, пыталась сосредоточиться на своих пациентках и их детях, за которыми ухаживала. Но мысли о комиссаре продолжали преследовать ее.

Она уже собиралась расплатиться, пойти домой и лечь спать пораньше, чтобы наконец-то выспаться, но увидела за окном девочку, которая показалась ей знакомой. Рыжеватые спутанные волосы, маленькое лицо с большими глазами...

Вскочив, Хульда выбежала наружу и мягко похлопала изможденную девочку по плечу.

– Здравствуй. Мы с тобой уже виделись.

Она машинально перешла на тон, который приберегала для взволнованных рожениц, раненых животных и перепуганных детей.

Вздрагнув, девочка обернулась и неуверенно кивнула. Она смотрела на Хульду подозрительно, но с надеждой, что та не причинит ей вреда.

Хульда взяла ее за руку – осторожно, как хрупкий цветок, который очень просто сломать.

– И вот мы снова встретились. Удивительное совпадение, не правда ли? – спросила она, особо не ожидая ответа. Почему-то у нее возникло странное ощущение, что это не совпадение.

Неужели девочка за ней шпионит? Ее кто-то послал?

– Пойдем внутрь, – твердо сказала Хульда. – Ты наверняка голодна, а мне в одиночку с бутербродами не справиться. А еще здесь подают лучший в городе картофельный суп.

Хульда, конечно, преувеличивала, но вряд ли этой девочке, дитю улиц, есть с чем сравнивать. Было видно, как девочка борется с собой, кожа у нее на скулах натянулась еще сильнее. Потом она кивнула. Голод явно взял верх.

Они вошли в кафе. Хульда не стала смотреть в сторону прилавка, где госпожа Винтер наверняка сморщила нос, неодобрительно глядя на грязную посетительницу. Хульда ласково, но твердо усадила девочку за свой стол и дала ей последний бутерброд. Потом заказала тарелку супа.

Девочка съежилась, будто хотела исчезнуть, но откусила бутерброд и принялась жевать так, что за ушами трещало. У Хульды защемило сердце. Интересно, когда бедняжка ела в последний раз?

Движения девочки постепенно замедлились, и на ее маленьких щеках проступила краска. Официантка тем временем принесла исходящий паром суп, и девочка осторожно зачерпнула его ложкой.

– Тебя зовут Лена, верно?

Девочка удивленно встрепенулась и, помедлив, кивнула. В ее водянистых глазах промелькнуло затравленное выражение.

– Откуда вы знаете?

– Лило Шмидт сказала. Еще она сказала, что тебе некуда пойти, поэтому иногда ты ночуешь на Бюловштрассе.

Лена снова кивнула и смущенно опустила голову, скрывая глаза под лохматой челкой.

– Это ведь не преступление... К тому же не я одна такая...

– Конечно, не преступление. Мне просто интересно, как ты справляешься. Где ты живешь? Где спишь? Однажды я видела тебя в доме Лило, на лестнице. Помнишь? Ты часто там ночуешь?

– Уже нет, – пробормотала Лена. – Один из жильцов нас прогнал. Сказал, что если снова нас увидит, то вызовет полицию, потому что мы ворует вещи из мусорных баков. Можно подумать, там есть что-то стоящее!

Что-то шевельнулось в памяти – кажется, Лило тоже рассказывала об этом соседе? Да, точно. Он поссорился с Ритой. Потом внимание Хульды привлекла еще одна деталь.

– Мы? – переспросила она.

– Что?

– Ты сказала «мы якобы ворует».

– Да. Мой брат Эдди и я.

– Неужели о вас совсем некому позаботиться? Где ваши родители?

Было отчетливо видно, что девочка вдруг замкнулась в себе. Словно задернули шторы на освещенном окне. Хульда терпеливо

смотрела на нее и ждала.

– Умерли, – глухо сказала Лена и быстро запихнула в рот оставшийся бутерброд, как будто пытаюсь себя заткнуть. Она жевала и глотала, и в глазах у нее стояли слезы. Потом подавилась и шумно всхлипнула.

– Давно?

– Отец погиб на войне, и вскоре мать заболела. Я бросила школу и ухаживала за ней несколько месяцев, но это не помогло. Она все равно умерла. У нас даже на похороны денег не было. С тех пор мы живем одни.

– Других родственников у вас нет?

Лена покачала головой.

– Только тетка в Панкове. Но у нее самой семеро по лавкам.

– Тогда вас должны были отправить в приют! Есть учреждения, где помогают детям войны. Квакеры предоставляют детское питание. А еще...

Лена горько рассмеялась:

– Мы два месяца жили в одном таком приюте в Моабите. Там было хуже, чем на улице. По кроватям ползали жуки, в коридорах бегали крысы. Кормили нас водянистой похлебкой и чуть что лупили палками. Мы сбежали оттуда и вернулись в Шенеберг, откуда родом. С тех пор вот живем в Бюловбогене. Нам там нравится.

– Но как вы будете жить дальше?

Она пожала плечами.

– Сейчас мы ночуем в заброшенной столярной мастерской, никто туда не заходит, никто нас не трогает. Кроме нас живут и другие дети. Время от времени удастся найти какую-нибудь работенку, Эдди помогает разгружать товары, а я... – Девочка замолчала, порозовев.

Хульда посмотрела на фиолетовые тени у нее под глазами, на нездорово-бледную кожу и только тогда заметила синяк, спускающийся по ключице. Она закрыла глаза. Столько же страданий выпало на долю этой девочки! Она совсем юная, но у нее уже нет никакой надежды.

Потом она снова посмотрела на Лену и спросила:

– Что ты будешь делать, если забеременеешь?

На узкой шее девочки пополз густой румянец.

– Я позабочусь, чтобы этого не случилось, – отвернувшись, прошептала она.

Но Хульда не сдавалась.

– Ты не сможешь, – возразила она.

Лена поджала губы и с вызовом посмотрела на нее.

– Смогу! Если что-то пойдет не так, я просто пойду к аисту.

Хульда тихо фыркнула. Она знала доктора Ауста по прозвищу «аист», который бродил по трущобам со своей чемоданчиком и предлагал отчаявшимся девушкам сделать аборт.

– Ты что, серьезно? Ты хоть представляешь, насколько это опасно?!

– Не волнуйтесь, до этого не дойдет. Рита объяснила мне, как... – Лена запнулась и замолчала, прикусив нижнюю губу.

– Рита? – удивленно переспросила Хульда. – Рита Шенбрунн?

Лена отреагировала с подчеркнутым равнодушием:

– Она тоже жила на Бюловштрассе. Однажды она пригласила меня к себе. Вот и все.

Хульда задумалась. Лило говорила, что к Рите кто-то заходил. Неужто Лена? Может, когда они с Хульдой столкнулись на лестнице, девочка выходила от Риты? Нет, вспомнила Хульда, к тому времени Рита уже пропала.

– Ты же знаешь, что Рита Шенбрунн мертва? – осторожно поинтересовалась она.

Лена кивнула и снова опустила взгляд.

– Все вокруг только об этом и говорят.

– Что вообще говорят?

– Что Риту нашли в канале, – отозвалась Лена. Она тщательно подбирала каждое слово, словно шла по льду. – Что она, наверное, упала, когда была пьяна.

– А ты как думаешь?

– Мне почем знать! Что вы от меня хотите? – Лена нахмурила веснушчатый лоб и встала из-за стола. – Спасибо за еду, – сказала она дрожащим голосом. – Мне пора идти.

– Погоди. – Хульда тоже встала. Интуиция подсказывала, что девочка знает больше, чем говорит. Она попыталась схватить Лену за руку, но та вывернулась и врезалась в стол, отчего чашка затряслась и

какао выплеснулось на скатерть. Посетители за соседним столиком с любопытством оглянулись.

Хульда глубоко вздохнула, потом посмотрела на Лену и тихо, но настойчиво сказала:

– Пообещай, что придешь ко мне, если тебе понадобится помощь.

Глаза Лены снова забегали, словно она была маленьким зверьком, а Хульда – охотником, от которого нужно сбежать.

– Не лезьте в нашу жизнь, – охрипшим голосом произнесла она. – Просто оставьте нас в покое, слышите? – Она хотела было уйти, но потом снова повернулась к Хульде и прошептала. – На Бюловштрассе болтают, что из-за Риты по округе шныряет повитуха. Будьте осторожны.

– В каком смысле? – спросила Хульда.

Но Лена только покачала головой и бросилась к дверям. Звякнул колокольчик, мимо окна пронеслась тень.

Хульда ошарашенно смотрела девочке вслед. Она ее не подкарауливала и не искала – скорее наоборот. Так почему Лена так растерялась, когда разговор зашел о Рите?

– Любит же наша госпожа Хульда устраивать представления! – прокомментировала подошедшая к ней Фрида и, поджав губы, неодобрительно вытерла лужицу какао. – Весь честной свет должен видеть, как вы корчите из себя добрую самаритянку и подкармливаете разный сброд, – язвительно сказала она. – Этой маленькой шлюхе не место в кафе «Винтер».

Не успела Хульда осознать, что делает, как замахнулась и влепила Фриде звонкую пощечину. Та недоверчиво уставилась на нее, схватившись за щеку. Разговоры за другими столиками стихли. Хульда почувствовала, что все смотрят на нее. Но до чего приятно было преподать этой балаболке урок! Однако тихий голосок где-то глубоко внутри спрашивал: откуда взялся этот внезапный гнев? Хульда знала Фриду не первый день и давно должна была привыкнуть к тому, что у нее язык без костей.

И тут она увидела Феликса, который неподвижно стоял в дверях и смотрел на нее. «Должно быть, он вошел именно тогда, когда я ударила Фриду», – подумала Хульда, и теперь ей стало стыдно. Она поспешно схватила саквояж и направилась к выходу.

Феликс преградил ей путь.

– Что на тебя нашло? Совсем с ума сошла? – Он подошел ближе, вгляделся в ее лицо и тихо спросил: – Ты пьяна?

«Как ему это в голову пришло?» – возмущенно подумала Хульда, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не оттолкнуть его.

– Этого бы не случилось, если бы ты лучше следил за своими работницами. – Она сразу осознала, как глупо звучит это оправдание, но ей хотелось дать волю гневу, который окутал разум красной горячей пеленой.

– Как это понимать? – спросил Феликс.

– Я хотела сегодня с тобой увидеться, хотела поговорить. Но тебя не было, тебя никогда нет, когда ты нужен. Где ты был? Разве ты не должен работать? – Обвинения лились из нее потоком. – Вместо этого ты крутишься вокруг этой... бледной моли.

Феликс схватил ее за плечо и до боли сжал.

– Ты не понимаешь, что несешь, – прошипел он.

Глаза у него пылали несвойственным ему гневом, но это только подзадорило Хульду еще больше.

– Похоже, она совсем вскружила тебе голову. Мама снова подыскала тебе завидную невесту? Надеюсь, тебе хотя бы наряд на свадьбу самому выбрать позволят?

Его лицо окаменело.

– Уходи, пока я тебя не выгнал.

– Ты не посмеешь, – прошипела Хульда.

– Не испытывай меня.

Она покачала головой.

– Зачем? Я уже ухожу. Не волнуйся, больше ты меня не увидишь.

– Очень надеюсь!

Хульда сбросила руку Феликса с плеча и толкнула дверь. В горле у нее стоял ком, глаза ничего не видели. Она вывалилась из дверей и пошатнулась, словно и правда была пьяна. Но на самом деле коленки у нее подкашивались от мучительной боли в груди – а еще от стыда, потому что она выставила себя дурой на глазах у доброй половины Винтерфельдплац.

Глава 19

Пятница, 9 июня 1922 года

Хульда почти с благоговением рассматривала Главное управление полиции, которое находилось на площади Александерплац. Берлинцы называли это место «красной крепостью». «Подходящее название», – подумала она. По углам внушительного здания из красного камня были возведены башни с крышами-куполами. Сооружение казалось неприступным стражем, возвышающимся над пестрой толпой. Часы на нем показывали половину шестого, и город уже начинал готовиться к выходным. Регулировщики бесстрашно вышли на загруженные дороги, где помогали разъехаться таксомоторам, омнибусам и трамваям. Несмотря на это, площадь Александерплац напоминала гудящий улей, и Хульда несколько раз чуть не попала под колеса гудящих автомобилей. Повсюду шло строительство, и улицы в самых неожиданных местах были преграждены заборами и кучами песка, между которыми с руганью бегали вспотевшие рабочие.

Хульда оказалась перед полицейским участком неслучайно – в чем не хотела признаваться даже самой себе. «В конце концов, я приехала в этот район по делам», – с вызовом подумала она. То, что здесь работал Карл Норт и они могли случайно пересечься, было лишь вишенкой на торте.

Хульда навещала пациентку, беременную двойней. Вообще этот район находился довольно далеко от Шенеберга, но благодаря репутации акушерки, которая чутко относится к женщинам с трудными беременностями, слава о Хульде разлетелась на всю округу. Семьи из самых разных районов просили ее приехать и помочь. Хульда брала за посещение таких пациентов дополнительную плату – они могли себе это позволить. Дети супругов Петровых, которых она посетила сегодня, должны были появиться на свет в больнице: Петровы, которые были богатыми промышленниками, предпочитали не полагаться на волю случая. Состоятельные люди, как правило, делали выбор в пользу частных больниц с их современными родильными залами, поскольку домашние роды представлялись им путешествием в дремучее прошлое. Наталья Петрова была женщиной

боязливой и переживала: дети уже несколько дней не шевелились. Но врачи и больницы вызывали у нее страх, поэтому она хотела, чтобы акушерка осмотрела ее дома. Ей порекомендовали Хульду Гольд.

Служанка, одетая в передник с оборками, впустила Хульду в десятикомнатную квартиру, которая располагалась в красивом доме. Сверкающий паркет сквозь высокие окна заливали лучи июньского солнца, и Хульда отстраненно подумала, что этого света хватило бы на всех ее пациенток. Стены были увешаны огромными картинами в золотых рамах, а в одной из комнат стояла пианола.

Госпожа Петрова лежала на обитом шелком диване-канapé и потягивала шоколад, а королевский пудель, сидящий у ее ног, будто скульптура, завистливо наблюдал за хозяйкой. Бледная, как фарфоровая кукла, госпожа Петрова осторожно протянула Хульде свои хрупкие пальчики в знак приветствия. На каждом было по кольцу с драгоценными камнями.

Хульда поставила на пол саквояж и начала осмотр. Ощупав острый твердый живот, она сразу поняла: что-то не так. В больнице Петровым сказали, что они ждут близнецов, но через слуховую трубку Хульда слышала только одно сердцебиение, да и то слабое, едва заметное. Дети под ее руками не шевелились. Хульда посоветовала супругам немедленно поехать в больницу. Началась суматоха, и Хульда беспомощно наблюдала, как госпожа Петрова сначала накричала на служанку, что та недостаточно быстро упаковывает ее шелковые платья, а потом рухнула на руки мужа.

Спустя почти целую вечность приехала «Скорая помощь» и забрала ее.

«Никакие деньги здесь не помогут», – думала Хульда, медленно бредя по Янновицкому мосту в сторону Александерплац. Она подозревала, что даже самые дорогие врачи из частной клиники не смогут спасти младенцев в утробе Натальи Петровой. Бедную женщину ждут боль, горе, отчаяние, и ей впору будет радоваться, если она останется живой.

В то же время Лило Шмидт, жившая в нищете, быстро и легко родила здорового мальчика. Такова жизнь: она не распределяет свои милости справедливо, а слепо бросает их в толпу, как горсть медных монет.

Хульда снова смерила взглядом полицейское управление, чувствуя себя подавленной и усталой, но при мысли о том, кто сидит за одним из бесчисленных окон, в груди затеплился огонек. Следовало признать, что Хульда заинтересовалась этим местом только из-за комиссара Норта. Только из-за него она все еще стояла здесь.

Хульда нервно прикусила ноготь. В последний раз они с комиссаром расстались не на дружеской ноте, и мысль о новой встрече завлекала и тревожила одновременно. Будет ли он рад ее видеть? Стоит ли рассказать о разговоре с Леной? Хульда чувствовала: что-то в истории девочки не сходится. Но с чего начать? Если она признается, что пыталась узнать о Рите, то все закончится очередным спором.

Хульда покачала головой и хотела было направиться к подземке, чтобы вернуться в Шенеберг, но тут в дверях главного входа показался высокий белокурый мужчина. Шляпа у него на голове съехала немного набок – как, впрочем, и всегда. Рядом с комиссаром Нортом шел полноватый юноша, который оживленно говорил. Потом он что-то спросил, и комиссар коротко покачал головой. Они попрощались, кивнув друг другу. Юноша побежал к железнодорожной станции, а комиссар направился в сторону Хульды. Она стояла так, что он не мог не пройти мимо. Но комиссар смотрел себе под ноги, в глубокой задумчивости изучая мостовую. Между тонкими длинными пальцами тлела сигарета. Что-то в его походке и в том, как он нервным движением убрал волосы со лба, заставило сердце Хульды болезненно сжаться. Он выглядел так, будто ему не терпится оказаться подальше отсюда.

Когда через несколько секунд комиссар поравнялся с Хульдой, она схватила его за рукав. Он вздрогнул, и лицо его на мгновение исказилось.

– А, снова вы. – Он схватился за шляпу и поправил ее, словно это должно было помочь ему вернуть самообладание. – Вы меня почти напугали. Почему вы здесь околачиваетесь?

– О, простите великодушно, – с невольным вызовом сказала Хульда. – Я навещала пациентку, она живет здесь, за углом, а потом случайно наткнулась на вас. – С каждым словом она все больше переходила на раздражительный тон, пусть даже сама этого не хотела. – Смотрите, куда идете, а не то вас переедет трамвай.

– С вами трамвая можно не бояться. Паровой каток – и тот безобиднее, – парировал комиссар, блеснув зеленоватыми глазами.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, а потом Хульда прыснула со смеху. Она смеялась так, что слезы навернулись у нее на глаза. После дурацкой ссоры с Феликсом и печального визита к богатым русским Хульда была сама не своя, но теперь ей полегчало. Комиссар присоединился к ней, и теперь они оба тряслись от смеха, хватая ртом воздух.

– Вы всегда так находчивы и остры на язык? – поинтересовалась Хульда, вытирая глаза.

– Вообще-то нет, – смутился комиссар. Он снял шляпу и снова провел рукой по волосам. Стекла его очков были заляпаны. – Мои коллеги, особенно мой помощник, считают, что я похож на дохлую треску: неразговорчив, без чувства юмора. Знакомые говорят, что мое молчание их убивает.

– Они вас плохо знают. – Хульда сделала глубокий вздох и протянула руку. – Давайте заключим мир?

– Перемирие, – серьезно ответил комиссар, но глаза его весело блеснули.

– Мне этого достаточно, – произнесла Хульда и с нахальной улыбкой добавила: – Как поживает наше расследование?

Комиссар на мгновение задумался, словно подыскивая ответ под стать, но, видимо, он уже растерял свой запал, поэтому лишь пожал плечами:

– Мы зашли в тупик.

Он неожиданно протянул к Хильде руку, собираясь дотронуться до ее лица. Хульда отпрянула и в замешательстве уставилась на комиссара. Тот осторожно коснулся ее щеки.

– У вас макиаж потек, – тихо произнес он и поспешно отдернул руку, словно обжегшись.

От удивления Хульда потеряла дар речи. Она дотронулась до лица, ощущая покалывание в том месте, которого касался комиссар.

– Слезы и тушь несовместимы, – небрежно отмахнулась она. – Даже если это слезы смеха.

Оглядевшись, она заметила трактир на углу.

– Я схожу в дамскую комнату и разберусь с этим.

– Неподалеку отсюда есть закусочная «Ашингер», – сказал комиссар. Он стоял и смотрел на Хульду, как будто чего-то ждал. Когда та не ответила, комиссар добавил: – Не хотите выпить со мной кофе?

В животе веселым бесенком заметалась искра, но Хульда приказала себе не обращать на нее внимания.

– Почему бы и нет? – отозвалась она, вытерла взмокшие ладони о темно-красную юбку и внезапно осознала, как плотно та облегает бедра.

На негнущихся ногах она последовала за комиссаром. В закусочную они попытались зайти одновременно, отчего их локти соприкоснулись. Хульда вздрогнула.

Оказавшись внутри, она с любопытством огляделась. «Ашингером» называлась местная сеть общественного питания. Ее точки находились по всему городу, но Хульда никогда не заходила ни в одну. Атмосфера заведения была пропитана духом типичного берлинского трактира: квадратные колонны, каменный пол, украшенный простой, но красивой мозаикой. С высокого потолка свисали люстры и золотые светильники.

«Как здесь жарко», – подумала Хульда, расстегивая кардиган и верхние пуговицы блузки. Из-за множества человеческих тел с их испарениями, запаха супа и выпивки воздух был тяжелым и душным. Шум стоял оглушительный.

Они с трудом отыскивали место за стойкой. Недаром заведение называлось «стоячей пивной»: посетители группами стояли вокруг высоких столиков, пили пиво, закусывали маленькими берлинскими булочками. Исходящие паром миски с гороховым супом одни держали на весу, другие – поставив на подоконник, а то и на выступ колонны. Но на тарелках большинства посетителей можно было увидеть самую дешевую еду – макароны с сахарином.

– Где здесь уборная? – спросила Хульда, и комиссар большим пальцем показал себе за спину, где в узком проходе толпилась длинная очередь. Видимо, добрая половина Берлина решила опорожнить здесь свой мочевого пузырь.

Пожав плечами, Хульда осталась на месте, послушав палец и попыталась наугад вытереть лицо. Комиссар усмехнулся, перехватил ее запястье, вытащил из кармана застиранный носовой платок и с осторожностью, которую Хульда от него не ожидала, вытер ей щеку.

А затем, как бы случайно, положил другую руку ей на талию. Вокруг толпились посетители, пихая их со всех сторон локтями, и комиссар притянул Хульду еще ближе, почти прижимая к себе.

Хульда увидела, как в его зеленых глазах пляшут огоньки ламп. На мгновение все вокруг стихло, словно их накрыли стеклянным колпаком. Но потом колпак лопнул, и шум закусочной потоком хлынул в уши. Проходивший мимо официант толкнул Хульду в бок, и вся атмосфера бесследно испарилась.

Хульда смущенно откашлялась, не зная, что сказать.

Комиссар выпустил ее из своих объятий. Потом перегнулся через стойку и заказал кофе и два светлых пива, которое пили большинство посетителей.

– Есть хотите? – громко спросил он, перекрикивая гул голосов.

В груди было тепло, а в животе что-то странно трепетало, но Хульда не хотела признавать, что нервничает. «Хороший аппетит – признак уверенной в себе женщины», – сказала она себе и решительно кивнула.

– Хорошо. Тогда я схожу за едой.

С этими словами комиссар протиснулся через толпу и подошел к девушке в бело-голубом полосатом переднике, которая с улыбкой выложила ему на тарелку булочки и мясное ассорти. Потом комиссар вернулся и поставил все это великолепие перед Хульдой. При взгляде на сочную ветчину и пивную колбаску Хульда вдруг почувствовала голод.

Она набросилась на еду. Некоторое время они с комиссаром молча жевали, поглядывая друг на друга с улыбкой и, как ей показалось, смущением.

– Ну, рассказывайте, – велела Хульда и поднесла стакан к губам, делая большой глоток. Пиво приятной прохладой прокатилось по горлу, но на языке оставался соленый привкус колбаски. Хульда почувствовала, что расслабляется.

Комиссар, напротив, выглядел настороженно. Он нервно постукивал ногой в такт музыки, льющейся из граммофона.

– Мне нечего рассказывать, – произнес он.

– Да ладно вам! Если расскажете, что выяснили, то я расскажу, что удалось выяснить мне.

Комиссар мученически простонал:

– Прошу, только не говорите, что продолжаете совать нос в чужие дела.

– Для меня они не чужие, – запальчиво ответила Хульда. – Я живу прямо за углом, на Винтерфельдплац. Рита Шенбрунн жила в моем районе, и ее убили. Вы хоть представляете, в каких условиях находятся люди там, в Бюловбогене?

– Конечно, – произнес комиссар. По нему было видно, что говорит он серьезно, и у Хульды промелькнула мысль, что Карл Норт хоть и казался образованным и деловитым, но не понаслышке знал о нищете, в которой живут многие берлинцы.

– Ну вот, – примирительно отозвалась она, – тогда вы понимаете, что я имею в виду. Эти люди в полном праве ожидать того, чтобы убийство одного из них воспринималось серьезно. Чтобы кто-то сделал все возможное, чтобы его раскрыть.

– И вы считаете, что лучше всех подходите на эту роль?

Хульда почувствовала, что краснеет. «И правда, – подумала она. – Что я о себе возомнила?» Но как бы комиссар ни злился, забыть об этом деле Хульда уже не могла.

– За прошедшие годы было пролито достаточно крови. В конце концов, все мы жаждем мира, – сказала она. – Я просто хочу помочь.

– Наверное, это профессиональная болезнь.

– Кто бы говорил.

Они уставились друг на друга, и Хульда прочитала в заблестевших зеленых глазах отражение собственного гнева.

– Иногда мне кажется, что вы вообще не хотите раскрывать это дело, – выпалила она и по выражению лица комиссара поняла, что попала в точку.

– Чушь собачья! – Он пригубил пиво и отвел взгляд. – Конечно, хочу. Просто не все из нас мечутся как молнии! Вот мой помощник Фабрициус готов разобрать Бюловштрассе по кирпичику, чтобы раскрыть дело.

– Что в этом плохого?

– Ничего. Просто быстро не значит хорошо! Однако молодежь этого не понимает, у них на уме только карьера, они хотят ковать железо, пока оно горячо.

– Значит, помощник хочет вас обойти? И это вас пугает?

Хульда поняла, что снова попала в точку, но радости это ей не прибавило. Комиссара было жаль. Она осторожно накрыла его руку своей и попросила:

– Позвольте мне вам помочь.

Он глубоко вздохнул и наконец сказал:

– Хорошо. Быть может, вы прирожденный детектив. Выкладывайте, что вам удалось разузнать?

– Не так уж и много, – призналась Хульда. – Есть одна девушка, Лена. Бедняжка живет на улице. Она, как и многие, осталась после войны сиротой и, боюсь, работает проституткой. Она знала Риту. А еще она вызывает у меня странное чувство.

– Какое?

– Думаю, что эта Лена рассказывает не все, что знает. Может, она и не лжет, но определенно что-то скрывает. А еще у меня такое чувство, словно... – Хульда не стала заканчивать фразу, боясь, что комиссар сочтет ее излишне эмоциональной.

– Да?

– Наверное, это прозвучит странно, но у меня такое чувство, что она ищет моего общества.

– С какой стати?

– Не знаю. Быть может, я ошибаюсь. – На мгновение у Хульды возникло искушение рассказать комиссару о странном предостережении, которое напоследок сделала Лена. «Нет, не стоит лить воду на его мельницу», – решила Хульда и в последнюю секунду придержала язык. Предостережение Лены укрепило бы комиссара во мнении, что Хульда должна отказаться от расследования, потому что это слишком опасно. Ерунда, конечно – пока все кажется безобидным и спокойным, как кинофильм на дневном сеансе. Но как ему это втолковать?

Покачав головой, Хульда посмотрела на свой стакан с сожалением обнаружила, что он пуст. Вокруг стало еще многолюднее и громче – люди переговаривались, склонившись над тарелками, и стучали приборами. Вечер пятницы, подумала Хульда. Этого следовало ожидать. Безумная рабочая неделя подходила к концу – к сожалению, не для Хульды, которой случалось работать и ночью, и даже в воскресенье. Но сегодня она могла побаловать себя и расслабиться.

Хульда повернулась к мужчине за барной стойкой и заказала две порции коньяка. Через мгновение перед ними уже стояли две наполненные до краев стопки. Хульда осторожно пододвинула одну комиссару. Поколебавшись мгновение, он поднял стопку в ее сторону и залпом выпил. Последовав его примеру, Хульда почувствовала в груди теплое жжение и облизнула губы.

– Рита Шенбрунн, – сказала она, возвращаясь к теме, – была своего рода крестной матерью всего района. Мало того, что она дружила с Лило Шмидт и выпивала с кастеляншей, так еще и присматривала за этой Леной. Девушка сказала, что даже заходила к ней в гости.

Карл рассмеялся, но смех его прозвучал совсем безрадостно.

– Тогда эта девица перед Ритой в долгу. Как-никак она отбивала у своей «крестной матери» клиентов.

– Чепуха! – резко возразила Хульда. – Они не были конкурентками. Лена привлекает педофилов, а Рита – грустных типов, которым хотелось выплакаться у мамы на коленках. К слову... разве мама не научила вас пользоваться салфеткой?

С этими словами Хульда наклонилась к комиссару и указала на желтое пятно от горчицы у него на брюках.

– Меня мама ничему не научила. Ей не было дела до своего сына.

Хульда удивленно подняла глаза. Наверное, это фраза должна была прозвучать непринужденно, но Хульда услышала в голосе комиссара неприкрытую горечь.

– Звучит ужасно, – осторожно произнесла она. – Но почему вчера, во время нашей встречи на мосту, вы слушали, как я рассказываю о своей матушке, и даже не упомянули, что пережили нечто подобное?

– Я бы не сказал, что пережил, – сказал комиссар, скривившись так, словно съел что-то кислое. – В этом-то мое несчастье.

– Что вы имеете в виду?

Поколебавшись, он посмотрел по сторонам, а потом наклонился к Хульде и сказал:

– Я – ублюдок, от которого отказались после рождения. Я вырос в детском приюте.

Слова комиссара прозвучали так мелодраматично, что Хульда чуть было не рассмеялась, но совладала с собой, чтобы не задеть его чувств. То, что одному человеку кажется глупым и нелепым, может

накладывая глубокий отпечаток на жизнь другого. Хульда и сама не любила вспоминать о своем детстве, поэтому поспешила добавить:

– Это не порок, знаете ли. Вы в хорошей компании. – Она и сама слышала, каким слабым утешением это звучало.

– Вы говорите об этом с легкостью, но случившееся преследует меня всю жизнь! Что бы вы чувствовали, если бы знали: родная мать ненавидела вас настолько, что бросила в младенческом возрасте?

– Это ужасно. Но вы ни в чем не виноваты.

– Может, и не виноват. Тем не менее никто не должен об этом знать.

– Тогда мне вы зачем рассказали?

Комиссар уставился на стол, и стало ясно: он уже жалеет о том, что посвятил Хульду в тайну своего происхождения.

– Мне не нужна ваша жалость, – глухо отчеканил он. – В конце концов, жизнь моя сложилась удачно. Мне позволили учиться, и теперь у меня все хорошо. Мне не из-за чего страдать.

Хульда промолчала, но подумала, что комиссар подчеркивает это столь нарочито как раз потому, что чувствует обратное. Угрюмое поведение, склонность возражать – все это следствие того, что его бросили в раннем возрасте, и теперь он постоянно испытывает необходимость защищаться.

– Значит, больше никто об этом не знает? – тихо спросила Хульда.

Комиссар покачал головой.

– И я намерен сделать все, чтобы так и оставалось. Поэтому очень попрошу вас соблюдать конфиденциальность.

Разговор становился сухим, официальным. Хульда рассматривала лицо комиссара, его тонкие морщинки, бегущие от уголков рта. Минуту назад они разговаривали так душевно, что Хульда подумала... Но теперь комиссар Карл Норт вел себя так, словно видел ее впервые в жизни.

Она запахнула кардиган поплотнее и сообщила:

– Мне пора домой. День был долгим и утомительным.

– Вы не выглядите утомленной.

Хульде показалось, что в его словах прозвучали тепло, но все равно решила уйти. Этот мужчина приводил ее в смятение, а ей хотелось держать ситуацию под контролем.

Потом она кое-что вспомнила.

– Вы уже допросили Педро?

– Вас это не касается, госпожа Хульда.

Обращение «госпожа» комиссар произнес нарочито четко, растягивая его, как гуммиарабик, и Хульда почувствовала, что над ней издеваются.

Потом комиссар строго посмотрел на нее сквозь очки – как учитель с кафедры – и сказал:

– Предупреждаю вас: держись подальше от этого человека. Скорее всего, он опасен. Хватит строить из себя героя. Позвольте полиции заниматься своей работой.

– Хорошо, – ответила Хульда, чувствуя, как внутри поднимается волна раздражения. Ей надоела эта игра в кошки-мышки и еще больше надоело слушать нравоучения. – Сколько я вам должна?

– Помилуйте! Я вас пригласил, – заговорил он с легким превосходством, как если бы вышел победителем из спора.

Значит, теперь Хульда должна его поблагодарить? Она не смогла заставить себя это сделать. Просто как можно величественнее кивнула и повернулась, чтобы уйти.

Чувствуя, как пылают щеки, Хульда протолкнулась сквозь посетителей и вышла на улицу.

Услышав позади быстрые шаги, она не могла поверить, что ее тайная надежда сбылась, но потом комиссар Карл Норт схватил ее за руку, заставляя остановиться. От прикосновения Хульда вздрогнула, словно от удара электрическим током.

Она развернулась, врезалась в Карла и чуть не упала, но он поймал ее, притянул к себе и поцеловал. Хульда закрыла глаза, погружаясь в мягкую темноту, и зарылась обеими руками Карлу в волосы, чтобы он не отстранился. Она чувствовала, как он прижимает ее к себе, ощущала ребрами стук его сердца. Громкий звон заставил Хульду отпрянуть, и она увидела, как в нескольких сантиметрах от них промчался трамвай. Хульда слегка пошатнулась, как если бы выпила гораздо больше, чем одну порцию пива и одну – коньяка.

Карл выглядел так, словно его поразила молния.

– Прошу прощения, – заговорил он, поправляя очки. – Это получилось случайно.

Хульда недоверчиво уставилась на него. Неужели он пытался сделать вид, что поцеловал ее случайно?

– Ничего страшного, – сказала она резче, чем собиралась. Потом развернулась на каблуках, поспешным шагом пересекла Александерплац и снова чуть не попала под колеса дребезжащего трамвая. Сердце бешено колотилось в груди, но Хульда шла вперед, держа голову как можно выше и не оглядываясь, пока не дошла до вокзала.

Глава 20

Пятница, 9 июня 1922 года

Хульда смотрела в зеркало и с трудом узнавала себя. Ее ресницы были щедро покрашены черной тушью, губы – темно-красной помадой, а волосы она смазала специальным маслом, и теперь они красиво лежали вокруг ее узкого лица, гладкие, как перья ворона.

«Все портят эти странные глаза, которые не могут определиться, куда смотреть!» – подумала Хульда, но уже через секунду обозвала себя глупой гусыней. В конце концов, она не собиралась становиться манекенщицей, а просто хотела произвести впечатление на одного человека, который был ей даже безразличен.

Хульда долго думала, что надеть, и в итоге предпочла черному платью а-ля «чарльстон» расшитое серебряными пайетками платье, которое, признаться, знавало лучшие деньки. Несколько лет назад Хульда получила это платье в подарок от своей пациентки-портнихи. Та взяла его из костюмерной небольшого театра, для которого чинила костюмы. Несмотря на сомнительное происхождение и некоторую поношенность, платье выглядело довольно эффектно. Оно было в модном сейчас «флэпперском» стиле, с глубоким вырезом и бахромой, которая доходила до самых икр. Берлин никогда еще не видывал таких коротких нарядов, как в этом году: совсем молоденькие девушки носили юбки до колена – какой скандал! какое бесстыдство! – а женщины постарше отваживались обнажить икры.

Кивнув своему отражению, Хульда вышла на темные улицы и отправилась в квартал Бюловфиртель. Сегодня у нее в голове была определенная цель. С каждым шагом тяжелая бахрома подпрыгивала и танцевала, загадочно скользя по коже. В это тяжелое для страны время у Хульды не было денег на чулки, поэтому она просто взяла карандаш для глаз и нарисовала на коже чулочный шов, как это делали все берлинки. Этого было достаточно.

Хульда с гордостью подумала, что ее ноги выглядят такими гладкими и белыми, словно покрыты тонким искусственным шелком.

Перепрыгнув через бордюр, она неуклюже споткнулась и чуть было не растянулась на мостовой. Пыхтя, огляделась – проверить, не

заметил ли кто, – но не увидела ни души.

Она решила, что в этом наряде все равно никто бы не узнал в ней расторопную госпожу Хульду, что и было ее целью. Как-никак она отправилась на тайную операцию.

Внезапно собственная затея показалась Хульде совершенно безумной. Безумной и опасной. Но потом она подумала о Лило, о Лене и о других бедных женщинах из Бюловбогена. Она вспомнила насмешливый взгляд комиссара Карла Нотта, когда тот спросил, какое она имеет отношение к его расследованию. Хульде надоел его учительский тон. Что он там говорил? «Хватит строить из себя героя»?

Хульда раздраженно подумала: вся надежда, что убийцу Риты найдут, лежит на ней с ее небольшим расследованием и на помощнике комиссара со странным именем – Фабрициус? – который, по-видимому, тоже не дурак.

Она расправила плечи и нервно облизнула липкие губы, но потом вспомнила, что на них помада, торопливо закрыла рот и направилась дальше. Ее каблучки стучали по мостовой в такт ее сердцу. Остается лишь надеяться, что сегодня белобрысый воришка не попадется Хульде на пути. Она совсем не горела желанием встречаться с ним снова.

Из окон квартир, под которыми располагались увеселительные заведения, лился теплый свет. На улицу вырывались обрывки музыки. Они разлетались по воздуху и таяли в ночном небе.

Хульда знала город как свои пять пальцев, но в это время суток он казался ей незнакомцем. Такое ощущение, что стоило солнцу зайти, как улицы заполнили повылезавшие из-под земли кобольды [\[1\]](#). Ночной Берлин был злобным близнецом дневного – лицо его светилось обещаниями, но в любое мгновение могло искривиться в страшной гримасе.

Несмотря на это, Хульда была полна решимости отыскать Педро. Вот только как? Хульда помнила огромный силуэт и странный, раскатистый акцент, но не лицо – лица она так и не увидела. Она содрогнулась, чувствуя, как страх скользнул по спине. Подойдя к дому, в котором скрылся Педро после разговора с Магдой, она замешкалась. Никаких опознавательных знаков. Этот дом выглядел как обычное жилое здание. Хульда спустилась на три ступеньки и оказалась перед дверью. Звонка не было, только дверной молоток.

Собравшись с духом, Хульда схватила медное кольцо, постучала и только теперь заметила, что у дверного молотка форма волчьей головы.

В двери со щелчком открылось маленькое окошко, которого Хульда не заметила раньше, и на нее молча уставилась пара голубых глаз.

– Добрый вечер, – начала Хульда срывающимся голосом и разозлилась на саму себя. Потом прочистила горло и увереннее добавила: – Я пришла к Педро.

Не говоря ни слова, обладатель голубых глаз задвинул заслонку. Хульда услышала за дверью тихие голоса, которые, казалось, отдалялись. Она уже хотела было сдаться и повернуть назад, но тут изнутри отодвинулся засов, и дверь приоткрылась – правда, лишь на тонкую щель, из которой на Хульду скептически смотрела женщина в черном одеянии. Ни грамма макияжа, светлые косы, туго обернутые вокруг головы... Хульда приоткрыла рот от удивления. Эта дама скорее напоминала машинистку, чем привратницу сомнительного заведения.

– Войдите, – велела женщина, и по акценту Хульда поняла, что она русская. – Вы устроили сквозняк.

С этими словами женщина грубо схватила ее за руку и затащила внутрь. Дверь захлопнулась, снова лязгнув засов. Хульда огляделась по сторонам и пришла в еще большее изумление. Тщательно выбеленное помещение – судя по всему, в прошлом лавка, – было практически пустым. Посредине чернел лакированный столик. На нем стояла узкая ваза, из которой, источая пьянящий аромат, торчала большая лилия. У дальней стены Хульды увидела здоровяка с бычьей шеей. Он сидел на обитом бархатом канapé, тоже черном, и казалось, оно вот-вот развалится под его весом. В руке здоровяк держал стакан бренди. Он не поднялся, когда Хульда вошла, только смерил ее равнодушным взглядом – однако мышцы под крахмаленной рубашкой напряглись, словно их обладатель был готов в любую секунду кинуться в бой.

Здоровяк вопросительно посмотрел на светловолосую привратницу, приподнимая брови. Та кивнула. Видимо, они знали что-то такое, чего не знала Хульда. Потом русская женщина протянула книгу в кожаном переплете.

– Имя? – спросила она, жестом показывая, чтобы Хульда написала его на пустой странице. Неужели они выделяли каждому посетителю

собственную страницу, чтобы держать их личности в тайне?

Хульда на мгновение задумалась о том, чтобы воспользоваться псевдонимом, но потом послушно нацарапала свое имя. Чутье подсказывало, что с помощью правды она продвинется дальше, чем с помощью лжи. Этот Педро, похоже, очень осторожный тип, и существовала опасность, что любая, даже самая незначительная ложь быстро раскроется и разрушит планы Хульды. При этой мысли девушка почувствовала, как внутри поднимаются пузырьки нехорошего истерического смеха. Какие еще планы?

– Что ж, госпожа Гольд, – сказала привратница, прочитав имя в книге, – меня зовут Галина. Пожалуйста, подождите здесь.

Не говоря больше ни слова, она исчезла в коридоре. Было слышно, как ее шаги стихают вдали. Потом скрипнула дверь – раз, второй. Снова раздался звук шагов, и Галина вернулась.

– Педро примет вас в зеленой комнате. – Галина указала в сторону коридора. Хульда нерешительно прошла туда и увидела множество дверей, все – закрытые. Проходя мимо, Хульде показалось, что раз или два она слышала голоса и даже звуки граммофонной пластинки. Взволнованная, она шла дальше, пока не остановилась перед последней дверью. Она была приоткрыта. Мягкий приглушенный свет падал на потертый персидский ковер, покрывавший коридор.

– Войдите, – велел голос, который Хульда узнала сразу. Именно он пообещал Магде, что прикончит ее.

Внезапно Хульда поняла, что не знает, кто из них безумнее: незнакомец за дверью или она.

Войдя внутрь, она оказалась в гостиной, которая была обставлена на удивление со вкусом. Тяжелые зеленые портьеры закрывали окно. Абажуры на многочисленных светильниках рассеивали приглушенный свет, который отражался в золотых рамах картин и в позолоченной лепнине, украшавшей пол и потолок. На большом диване, обитом темно-коричневым бархатом, сидел мужчина. Педро. Он был одет во все черное.

«Совсем как священник», – растерянно подумала Хульда.

Небрежно закинув ногу на ногу, Педро ритмично покачивал в воздухе носком ботинка – в такт танго, которое лилось из рожка граммофона. Музыка была такой тихой, что Хульда заметила ее только сейчас. На пальцах его левой руке поблескивали два золотых кольца.

Педро пристально оглядел Хульду сверху до низу, едва заметно кивнул и указал на одно из кресел. Хульда послушно села и приняла такое положение, в котором бахрома на платье разошлась, выгодно обнажая ноги. Педро одобрительно улыбнулся, поднялся и взял с сервировочной тележки два хрустальных стакана. Налил в них янтарную жидкость из графина и протянул один из стаканов Хульде.

Хульда замешкалась. Поначалу она хотела отказаться, но потом поняла: ей нужно выпить, чтобы успокоить нервы. К тому же Педро был не из тех, кому говорят «нет» – во всех отношениях. Несмотря на свои размеры и тяжеловесность, Педро двигался грациозно, как хищник. Блестящие черные усы на круглом лице были идеально причесаны, а темные глаза горели, как угольки. Педро приподнял стакан, качнув им в сторону Хульды, и она увидела, что одно из колец похоже на молоток у входа, только меньше: на пальце красовалась золотая голова волка.

– Как тебя зовут?

– Хульда Гольд.

Педро усмехнулся.

– Ох уж эти немцы! Хотя фамилия, похоже, не прусская... – Он замолчал, словно ожидая, что Хульда подхватит разговор. Этого не произошло: Хульда молчала и лишь смотрела на него пристальным взглядом.

Педро вскинул брови и вернулся на диван.

– Я придумаю тебе имя получше. Потом.

Хульда смутилась. Для чего, по его мнению, она пришла?

– Как тебе здесь нравится? – поинтересовался Педро, обводя вокруг рукой.

Поколебавшись, Хульда ответила:

– У вас очень красиво.

Глаза Педро насмешливо сверкнули, но вместе с тем мужчина выглядел польщенно.

– Это место – мой маленький дворец, – объяснил он. – Не каждый может сюда попасть. Лишь избранные клиенты. Здесь все самое лучшее. Не та грязь, что работает на улице. Мы ничем не хуже фешенебельных публичных домов на Липовой аллее. Согласна?

Хульда кивнула, не совсем понимая, о чем речь. Неужто под «грязью» Педро подразумевал уличных девиц?

– Разумеется, у всего есть своя цена, – продолжал он. – Наши услуги обходятся клиентам в кругленькую сумму, но взамен те получают чистеньких здоровых девушек с образованием и хорошо подвешенным языком. Не второсортный товар, а лучшее, что только можно найти.

– Хотите сказать, что за каждой из этих дверей находятся прекрасные девушки? – осторожно спросила Хульда.

Педро гордо кивнул, словно ему сделали комплимент.

– Но уличные потаскушки тоже работают на меня. Никто здесь не может вести дела в обход Педро! Мелкая скотина тоже дает навоз, кажется, так говорят в Берлине? Однако здесь, внутри, девушки совсем другого класса. Это мое царство, мой дворец желаний. Клиенты приходят только по рекомендации. У каждой комнаты есть свой цвет: красный, фиолетовый, желтый. Клиенты выбирают комнату в зависимости от предпочтений клиентов. У всех девушек есть своя изюминка, которая отличает ее от остальных. Александра у нас акробатка, Полина умеет обращаться с хлыстом, а Лилиана целуется, как никто другой. Я знаю, о чем говорю. Нужно обеспечивать клиентам обслуживание по первому разряду.

Педро, рассмеявшись, встал и подошел к Хульде. Та похолодела. Мужчина взял стакан у нее из рук и, к ее удивлению, опустился перед ней на колени. Потом провел пальцем по ее обнаженной ноге.

Когда Хульда вздрогнула, Педро молниеносным движением схватил ее обеими руками за лицо, заставил открыть рот и принялся изучать ее зубы, как у кобылы на рынке.

– Отлично, – сказал Педро, довольный увиденным, и похлопал Хульду по щеке. – Ты выглядишь несколько суровой, дорогуша, – черные волосы, серьезное лицо... в моей коллекции не хватает кого-то вроде тебя. Этакая интеллектуалка, скорбная, но красивая. А твои глаза – в них определенно что-то есть! Я заинтригован.

Хульда уставилась на мужчину во все глаза и через несколько секунд поняла, почему беспрепятственно получила аудиенцию. Она хотела было сказать, что случилось недоразумение, но в последнюю секунду прикусила язык.

«Я смогу что-нибудь из него вытянуть, только если подыграю, – подумала Хульда, чувствуя себя неудобно. – Это мой единственный

шанс». Если сейчас она признается, что пришла задать несколько вопросов, то Педро вышвырнет ее отсюда – или и того хуже.

Поэтому Хульда улыбнулась так кокетливо, как только могла, чувствуя себя последней самозванкой. Кем она, собственно, и являлась.

– Рада слышать.

– Если тебя прислал Красный Барон, то условия и расценки ты знаешь, – сказал Педро, возвращаясь на диван.

Хульда с облегчением вздохнула. Близость этого человека вызывала у нее жгучее отвращение. Она неопределенно кивнула, пытаясь сделать вид, что знает этого Красного Барона, посредника со сказочным именем, и что она в курсе дела.

– Когда я беру новенькую, то создаю ее с нуля, – сказал Педро и закурил. Он неторопливо пыхтел толстой сигарой, изучающе глядя на Хульду черными глазами. – Итак, кто ты такая? Что готова предложить? Какие мечты можешь воплотить в жизнь?

Хульда хотела было ответить, но Педро остановил ее, подняв руку.

– погоди, ты не обязана отвечать. Мы побеседуем, и я пойму, как тебя назвать. А хорошая еда является неотъемлемой частью плодотворной беседы.

Он снова встал, приоткрыл дверь и выкрикнул в коридор:

– Галина!

Через несколько мгновений в комнату с серебряным подносом вошла светловолосая женщина, которая, казалось, только и ждала, когда ее позовут. Она поставила на середину стола хлеб, красную икру и клубнику. Потом, не говоря ни слова, удалилась.

Хульда почувствовала, как у нее задрожали коленки – но вместе с тем жгучее любопытство разбирало ее все сильнее. Кто такой этот Педро? Посреди ночи ему подают деликатесы, он живет здесь, как повелитель подземного царства, – и при этом он чувствовал угрозу со стороны Риты Шенбрунн, третьесортной проститутки? Что она знала о нем?

– Угощайся, дорогуша, – сказал Педро.

Хульда встала, намазала икру на мягкий хлеб и запихнула себе в рот. Вкусно было – пальчики оближешь, но от страха горло словно судорогой свело. Некоторое время она думала, как поступить, а потом решила поставить все на карту и вместо того, чтобы вернуться в

кресло, села рядом с ошеломленным Педро. Посмотрела ему в глаза и сказала:

– Хочешь знать, кто я? Тогда Расскажи, кто ты сам. – Хульда перешла на «ты», потому что чувствовала, что наигранная близость – ее единственный выход.

Педро рассмеялся, но Хульде показалось, что его самоуверенность дала крошечную трещину.

– Я не собираюсь играть с тобой в игры, красавица моя, – заявил он.

Тогда Хульда ласково погладила его по покрытому черной тканью предплечью, скинула туфли и поджала ноги под себя.

– Расскажи мне о себе, – произнесла она, пытаясь придать своему голосу томные мурлыкающие нотки. – Тогда ты увидишь, в чем моя главная способность.

– Может, ты и права, – внезапно задумавшись, отозвался Педро и осушил свой стакан. – Всегда находятся клиенты, которые приходят ко мне в поисках девушки, с которой можно поговорить. Похоже, их сокровенное желание – открыть кому-то душу.

Он смерил Хульду недоверчивым взглядом.

– Но не думай, что разговоров достаточно, дорогуша. Они только необходимый элемент хорошего представления, понимаешь? В противном случае ты пришла не по адресу.

Хульда закивала со всей убедительностью, на которую была способна, мельком взглянула на дверь и снова посмотрела в Педро прямо в глаза.

– Чего ты хочешь больше всего на свете? – спросила она тихо, почти шепотом, подлила в стакан выпивки и протянула ему. Содержимое своего стакана она лишь слегка пригубила.

Педро хрипло рассмеялся и, не говоря ни слова, провел пальцами по бахrome ее платья. Его прикосновения вызывали у Хульды только неприятные ощущения. На прикосновения Карла Норта ее тело реагировало совсем иначе... При мысли о том, что бы Карл сказал, если бы увидел ее здесь, в логове льва, Хульда на мгновение заколебалась, но потом выбросила его из головы. Сейчас ей нужно полностью сосредоточиться.

– Не так быстро! – Она игриво шлепнула Педро по пальцам.

Тот со вздохом отдернул руку: похоже, ему нравилось, когда Хульда изображала из себя неприступную крепость.

«Это я могу», – подумала она.

– Неужто в твоей богатой коллекции нет ни одной девушки, кто так может? – поинтересовалась она с невинным видом и поднесла к губам Педро стакан. Он залпом осушил его и на этот раз сам налил добавку.

– Ты про умение слушать? Отнюдь. Моя Рита могла разговорить кого угодно, – бездумно проговорился Педро, и в следующее мгновение на его лицо упала тень. – Но не волнуйся, дорогуша. Рита мертва, а значит, здесь, на Бюловштрассе, у тебя не будет соперниц.

Хульде хотелось насесть на сутенера с расспросами, но она понимала: время на ее стороне, нельзя показаться слишком нетерпеливой. Она поигрывала бахромой на платье и наслаждалась тишиной, наблюдая за тем, как Педро делает еще один глоток.

Прошло некоторое время, прежде чем она тихо спросила:

– Рита? Кто это?

Педро одним глотком осушил стакан.

– Одна бедная старушка, – пояснил он. Глаза его приобрели стеклянный блеск. – Не красавица, не профессионалка. Просто несчастная женщина с уродливым прошлым. Но ей удавалось делать мужчин счастливыми.

– Как?

– Почему ты спрашиваешь? – Педро посмотрел на Хульду с подозрением, и та торопливо ответила:

– Хочу кое-чему научиться.

– Забудь, – отмахнулся он. – У Риты были сильные стороны, но тебе не следует повторять за ней, дорогуша. У тебя есть и свои достоинства, поверь.

С этими словами Педро снова подлил себе янтарной жидкости. Хульда тоже отхлебнула из своего стакана и несколько секунд молчала, прежде чем осторожно продолжила расспросы:

– Она работала здесь, во дворце желаний?

Хрипло рассмеявшись, Педро с громким клацаньем поставил на стол стакан. Его рука немного дрожала. Хульда недоумевала: такой человек, как Педро, наверняка привык много пить... Потом ее взгляд

упал на коричневую ампулу, которая лежала пестром килиме. Это многое объясняло в его поведении.

Педро тем временем говорил:

– Нет. Она бы этого хотела, она бы хотела уйти с улицы, как и все остальные. Но это было исключено: Рита была слишком старой, слишком сломленной. Хотя должен признать, она хорошо заботилась об одиноких застенчивых мужчинах. Клиенты то и дело просили шуструю Риту, она быстро обслуживала их, а затем успокаивающе держала за руку. Но здесь, внутри, нужна еще и красота.

Он двумя пальцами вытащил из прически Хульды прядь волос, наклонился и понюхал их. Ей в нос ударил едкий запах лосьона после бритья. Ко всему прочему от Педро несло перегаром – наверное, он был уже прилично пьян, когда Хульда зашла в комнату. А еще и наркотики... Теперь Педро выглядел так, словно был слегка не в себе.

– Значит, Рита стояла на улице? – быстро спросила Хульда. – Почему она умерла?

– Ты что, не из этого района? – пробормотал Педро, еле ворочая языком. – Неужели не слышала о трупе, который выловили из канала? Кто-то толкнул Риту в воду. А может, она сама прыгнула. Хотелось бы мне... – Он сделал паузу и закашлялся.

Хульда удивленно моргнула. Педро выглядел опечаленным, казалось, он глубоко сожалел о смерти Риты.

– Зачем ей было прыгать? – спросила она.

– Мы поссорились, – ответил Педро, как будто забыв, что это он должен был устроить Хульде допрос, а не наоборот. Глаза его беспокойно забегали. – Она хотела вытянуть из меня деньги. Я отказался.

Затаив дыхание, Хульда снова налила своему собеседнику выпить. Графин тем временем почти опустел.

– Может, она спрыгнула из-за меня. Но мы с Ритой были старыми друзьями. Она знала, откуда я родом, она заботилась обо мне в трудные времена. Она не заслужила... утонуть, как собака...

Хульда ласково погладила Педро по щеке и улыбнулась так грустно и сочувственно, как только могла. Он печально улыбнулся в ответ и со вздохом откинулся на спинку дивана. Закрыв глаза, запрокинул голову к потолку и медленно сказал:

– А ты хороша. У тебя отлично получается слушать.

– Скажи, – мягко продолжила Хульда, – как у такого, как ты, могли наступить трудные времена? Что произошло?

Педро упорно молчал, и Хульда уже подумала, что он задремал. Но потом он открыл тяжелые веки, посмотрел на нее расфокусированным взглядом и неожиданно сообщил:

– Я умираю.

Хульда испуганно вздрогнула.

– Умираешь?

– У меня сифилис. Болезнь неизлечима, и врачи говорят, скоро она перейдет в последнюю стадию. – Педро запинаясь, голос его звучал невнятно и дрожал. – Начнутся судороги, я забуду, кто я. Мозги превратятся в кашу. Потом я умру. Наверное, к тому времени смерть станет избавлением.

По лицу Педро скатилась слезинка и исчезла в усах. Хульда с изумлением уставилась на него. Неужели перед ней тот самый безжалостный сутенер, который убивает своих «девочек», когда те начинают доставлять неудобства?

Она не смела дышать и просто ждала продолжения, потому что поняла: Педро достиг того состояния, когда смесь наркотиков, алкоголя и жалости к себе окончательно развязывает язык.

– Я лежал в Дальльдорфе, в лечебнице для душевнобольных. Было это в тысяча девятьсот пятнадцатом... До этого меня держали в тюрьме, но потом врачи решили мне помочь. Точнее – использовать меня для своих экспериментов. Они говорили, что когда болезнь перейдет в последнюю стадию, меня заразят малярией, чтобы остановить па... паралич. – Педро запнулся на непривычном слове. – Но я не позволю этому случиться! Когда время придет, я хочу умереть достойно, не как зверь. – Его голос сорвался, и он замолчал.

– А Рита? – спросила Хульда.

– Рита, она была лучиком света, самой дружелюбной медсестрой... Через некоторое время меня сочли неизлечимо больным и выпустили из лечебницы. Сказали, на развитие болезни могут уйти годы... Я занялся делом – нужно же как-то жить. Когда Риту выгнали из Дальльдорфа, она пришла ко мне сюда, в Бюловник. Умоляла взять ее на работу. Я согласился. Но потом она пригрозила раскрыть мою тайну... Никто не шантажирует Педро!

Он нетвердо поднялся на ноги. Хульда тоже встала. Она была высокой, но ниже Педро, поэтому смотрела на него снизу вверх.

– Почему я все это тебе рассказываю? – с угрозой спросил он. – Не смей об этом болтать, слышишь? – Внезапно голос мужчины стал ледяным. Он схватил Хульду за запястье и сжал с такой силой, что перстень с печаткой больно впился ей в кожу.

– Это ты ее убил? – спросила Хульда. Она понимала: пора остановиться, бежать отсюда со всех ног... Но ей надо было узнать правду.

Некоторое время Педро буравил Хульду взглядом, потом резко отпустил, словно она вдруг стала ему противна.

– Нет.

Хульда чувствовала, что он говорит правду.

– Ее – не убивал, – отозвался он.

Хульда ни на секунду не засомневалась в его словах. Она вздрогнула и опустила глаза, но Педро крепко схватил ее за подбородок, сжал и заставил посмотреть на него.

– Кто ты такая? – захотел знать он – видимо, понял, насколько глупо было все это рассказывать. – Что ты тут вынюхиваешь? Ты работаешь на полицию?

– Нет, – пробормотала Хульда, но даже она сама слышала в своем голосе отголоски лжи. – Я никто, поверь. Мне просто нужны деньги.

– Ты лжешь.

Хульда смело встретила его взгляд и медленно кивнула.

– Рита была моей подругой. – Она решилась на ложь, которая была ближе всего к истине. – Я пытаюсь выяснить, что произошло. Но теперь я знаю, что не ты ее убил.

Педро сжал ее подбородок сильнее.

– Ты причиняешь мне боль, – выдавила Хульда сквозь зубы.

– Я и хочу причинить тебе боль, дорогуша, – отозвался Педро. Он больше не бормотал, как несколько минут назад, теперь его голос звучал как холодная сталь. Хульда вздрогнула. Внезапно она поняла, что на сей раз заплатит за свое любопытство. На ум снова пришел Карл Норт и его предостерегающие слова. Какую же глупость она совершила, придя сюда одна! Хульда попыталась вырваться, но Педро не позволил и всей тяжестью тела толкнул ее к дивану.

– Тебе меня не провести, слышишь?! – взревел он, наклоняясь над ней и грубо хватая за грудь. – Давай проверим, настолько ли ты хороша, как говоришь. Если нет, то после того, как я с тобой закончу, ты даже уличной шлюхой работать не сможешь!

С этими словами Педро одним движением разорвал на ней платье.
– Пусти!

Он ударил Хульду по лицу тыльной стороной ладони, да так, что ее голова отлетела в сторону, а перед глазами на миг вспыхнули звездочки. На губах появился привкус крови. Следующий удар отбросил ее на диван.

Хульда, охваченная страхом, попыталась ускользнуть, но Педро набросился на нее, одну руку просунул ей под платье, а другой обездвигил. Хульда почти обезумела от ужаса.

«Так вот каково это – быть беспомощной и одинокой, находиться в чужой власти, как попавший в ловушку зверь», – с отстраненной ясностью подумала она. Никогда прежде с ней не случалось подобного. И она сама была во всем виновата.

Внезапно раздался стук.

– Педро? – Из-за закрытой двери донесся голос Галины.

Педро заколебался – всего на мгновение, но этого Хульде хватило, чтобы поднырнуть под него и вскочить. Щека горела, будто ее огнем обожгли, губа ныла от боли. Дверь распахнулась, и в комнату заглянула светловолосая привратница.

Переведя взгляд с Хульды на Педро и обратно, она почти незаметно нахмурилась и сказала:

– У нас соглашение. Не забывай об этом.

Хульда с удивлением увидела на ее невозмутимом лице отголоски сдерживаемого гнева.

– Эта маленькая потаскушка допрашивала меня, – произнес Педро почти извиняющимся тоном.

– Отпусти ее, – велела Галина и исчезла так же быстро, как появилась. Похоже, она не сомневалась, что ее приказ будет исполнен.

Педро зарычал и со стоном встал. Его лицо снова стало спокойным, но выражение глаз заставило Хульду испугаться еще больше.

– Ты ее слышала, – процедил он, указывая на дверь. – Признаю, что у тебя есть дар, с которым я мог бы озолотиться... Но ты слишком

опасна, поэтому уходи и не возвращайся. – Он сплюнул в ее сторону. – Сегодня тебе повезло. Но в следующий раз...

Хульда отреагировала мгновенно. Собрав остатки своего самообладания, она как можно спокойнее прошествовала к двери и, не прощаясь, вышла в коридор. Там осторожно коснулась опухшей губы и запахла на груди разорванное платье.

Одна из многочисленных дверей была приоткрыта, сквозь щель пробивалось красноватое свечение, доносились приглушенные стоны.

Хульда со всех ног бросилась в переднюю и чуть не налетела на Галину. Русская смотрела на нее так бесстрастно, словно ничего не произошло, но когда Хульда попыталась молча проскользнуть мимо, она схватила ее за руку. Для такой хрупкой женщины она оказалась на удивление сильной.

– У вас есть ангел-хранитель, госпожа Гольд, – заметила она так дружелюбно, словно продолжала прерванный разговор. – Но даже ангел может устать и допустить промах. Выкладывайте: если вы не продажная женщина, то кто вы?

Хульда колебалась. Ногти Галины глубже впились в ее руку.

– Я... акушерка с Винтерфельдплац.

Галина отпустила ее, словно обжегшись. Она выглядела удивленной, почти напуганной. Светлые ресницы дрогнули, но через мгновение лицо снова превратилось в холодную непроницаемую маску.

– Ступайте, – приказала Галина едва слышно.

Хульде не нужно было повторять дважды. Она распахнула дверь и вылетела наружу.

Улица была безлюдна – все полуночные гуляки либо забились в какой-нибудь кабак, либо вернулись дома, и больше всего на свете Хульда хотела последовать примеру последних.

Она бежала по улице, как ребенок, боящийся теней, которые тянут к нему свои призрачные ручонки.

Глава 21

Суббота, 10 июня 1922 года

Было душно, когда ранним вечером следующего дня Хульда, толкая велосипед, вошла во двор на Бюловштрассе.

Из узких окон сочился кисловатый запах, который смешивался со зловонием мусора.

– Блеск, – произнес грубый голос.

Хульда резко обернулась – она и не заметила, что кроме нее во дворе кто-то есть. Из-за жестяного мусорного бака показалась белокурая кудрявая голова. Мальчик, но его детское лицо совсем не сочеталось с широкими плечами и низким голосом.

Хульда бы дала мальчишке лет семнадцать-восемнадцать. Растрепанные волосы спутались и слиплись сосульками, рубашка порвалась, штаны лоснились от грязи, а обуви и вовсе не было. Паренек показался Хульде знакомым. Но откуда?

– Любуйтесь, не стесняйтесь, – бросил он и с равнодушным лицом снова зарылся в мусорку. Вытащил половинку гнилой картофелины и сунул в карман. Туда же последовала заплесневелая корочка хлеба.

Заметив, что Хульда не сдвинулась с места, паренек выпрямился и указал на ее лицо:

– Врезались, что ли?

Хульда осторожно дотронулась до губы.

– Можно и так сказать, – уклончиво ответила она.

Паренек тихо рассмеялся, словно она сказала что-то забавное, потом подошел ближе – медленно, почти с опаской, и посмотрел на велосипед.

– Как он вам?

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, нравится кататься?

– Ты никогда не ездил на велосипеде? – спросила Хульда и мысленно вlepила себе затрещину. Зачем сыпать этому бедному пареньку соль на рану?

Он покачал головой, не показывая, что Хульда обидела его опрометчивым вопросом.

– Хочешь прокатиться? – под влиянием порыва предложила Хульда, протягивая руль от своего железного коня.

Паренек с равнодушным лицом кивнул и схватился за руль.

– Блеск, – повторил он тем странно хрипловатым, наполовину детским, наполовину мужским голосом, и ловко запрыгнул на седло. Похоже, под рваной рубашкой скрывались крепкие мышцы. Паренек закрутил педали и, петляя, выехал со двора на улицу, где исчез из поля зрения.

Хульда ждала, но паренек не возвращался. А вдруг он...

Колокол лютеранской церкви ознаменовал шесть часов вечера, напоминая о том, что наверху Хульду ждет Лило, чтобы под ее чутким руководством искупать Конрада в первый раз. Еще один визит, счет за который Хульда не сможет выставить страховой компании...

Нервноничая, Хульда подбежала к воротам и осмотрела улицу. Паренька нигде не было видно.

Выругавшись, она вернулась во двор, вошла в дом и принялась карабкаться по лестнице. Остается лишь надеяться, что дерзкий паренек накатается вдоволь и вернет велосипед в целости и сохранности. Хульда в очередной раз отругала себя за безрассудство. Как ее снова угораздило? Почему она с завидным постоянством попадает в ситуации, когда ее обкрадывают или пользуются ее добротой?

– Госпожа Хульда, наконец-то вы пришли, – с легким упреком заявила Лило вместо приветствия. – Конрад ужасно устал и хочет спать. Не знаю, получится ли его помыть.

– В первую очередь уставшей выглядите вы, – возразила Хульда, с беспокойством глядя на глубокие тени у Лило под глазами.

– Ерунда, – отмахнулась та. – Просто малыш постоянно просыпается по ночам. Вольфи перебрался спать на кухню. Говорит, детский плач сводит его с ума.

– А вас? – с улыбкой спросила Хульда. – Разве вас плач не сводит с ума?

Поколебавшись, Лило покачала головой.

– Конечно, хотелось бы спать чуточку побольше... Но все-таки я мать.

– И поэтому должны вести себя как мученица?

– Кто-кто?

– Женщина, готовая бескорыстно пожертвовать собой, – объяснила Хульда, думая о Карле и об искаженном гневом лице Педро. Стоило вспомнить о событиях вчерашнего вечера, как на глаза навернулись слезы, и Хульда, заморгав, торопливо отвернулась. Лило не нужна плакса-акушерка, умирающая от жалости к себе.

– Нет, но и жаловаться я не хочу, – ответила Лило и вздохнула. – Наши новые соседи делают это за двоих.

Хульда вопросительно посмотрела на девушку – похоже, та тоже боролась со слезами.

– Знали бы вы, как я скучаю по Рите! В ее квартиру въехали новые жильцы, семейная пара. Они были со мной ужасно грубы. Прошлой ночью Конрад много плакал, и они сказали, чтобы я заткнула его, пока они не сделали этого сами.

– Какая наглость! – возмутилась Хульда и потрепала Лило по руке. Она знала, что нищета, процветающая в каморках многоквартирных доходных домов, далеко не всегда сближает людей. Тесная ловушка, откуда некуда бежать, зачастую подпитывает ненависть и негодование к тем, кто оказался рядом. Но с Ритой такого не случилось, несмотря на то, что на ее долю тоже выпало немало страданий.

– Комиссар больше не приходил? – подчеркнуто небрежно спросила Хульда, осматривая Конрада, который лежал на кровати голый и довольный. «Мальчик вовсе не кажется усталым», – подумала она и украдкой улыбнулась. Должно быть, Лило невольно перенесла свое изнеможение на ребенка, который, похоже, собирался с силами, чтобы ночью снова не давать всему дому спать.

Лило покачала головой.

– Он давно забыл про смерть Риты, – с горечью произнесла она. – Одной утопленницей больше, одной меньше, подумаешь! Какая полиции разница?

Младенец довольно закричал и ухватился за палец, который протянула ему Хульда. Для новорожденного у него оказалась крепкая хватка и удивительно зоркие глаза.

– Похоже, комиссар с самого начала хотел побыстрее закрыть это дело, – продолжила Лило, рассеянно складывая полотенце.

– Почему вы так думаете?

– Не могу объяснить. Просто чувство такое. Он ничего не хотел о Рите знать. Даже не допросил господина Зауэрбира, с которым она поссорилась незадолго до смерти. Мне показалось, что ему неприятно о ней говорить.

Хульда посмотрела в окно, глядя, как вечернее солнце накрывает двор приглушенными тенями. Неужто Лило права? Неужто Карл Норт совсем не пытался пролить свет на это загадочное дело? Такая мысль уже приходила Хульде в голову. Казалось, комиссар затягивал расследование и занимался им вполсилы. Даже не всех свидетелей опросил. Квартиру уже освободили, хотя обстоятельства смерти Риты оставались не раскрыты. Но почему? Почему Рита вызывает у него такую... неприязнь?

Внезапно наблюдение Лило показалось Хульде невероятно точным. Похоже, смерть Риты затронула комиссара сильнее, чем ему хочется признавать. Но почему? Почему комиссар Карл Норт вообще испытывал чувства к убитой, которую даже не знал? Или знал? Но откуда? У него не было ничего общего с этой женщиной. Их жизненные пути не могли не пересекаться. Разве только...

– Знаете что? – спросила Хульда, пытаясь скрыть охватившее ее возбуждение. – Вы правы. Конрад сегодня слишком устал, чтобы купаться. В любом случае, малыши довольно чистые. Я вернусь в понедельник, но пораньше, днем, и мы наверстаем упущенное. Договорились?

Не дожидаясь ответа, Хульда торопливо схватила акушерский саквояж и попрощалась. Лило выглядела слегка разочарованной, но дружелюбно пожелала акушерке хорошего вечера и закрыла за ней дверь.

Хульда сбежала по лестнице и с облегчением увидела свой велосипед. Паренек прикатил его обратно и аккуратно поставил у стены дома.

Она не знала, что делать дальше и почему она так спешила уйти от Лило. Внезапно она больше не могла находиться в тесной квартирке Шмидтов, ей хотелось осталось наедине со своими мыслями и подышать свежим воздухом.

Выйдя со двора, Хульда села на велосипед и поехала в сторону Винтерфельдтплац, вдыхая душный, теплый воздух этого субботнего

вечера. Ей нужно было привести в порядок мысли и проверить ужасное подозрение, которое закралось ей в голову.

Но как? И где?

После ссоры с Феликсом в кафе «Винтер» Хульда уже два дня как не казала носа на площадь – меньше всего ей хотелось попадаться на глаза бывшему возлюбленному. Когда-нибудь, когда чувства улягутся, они встретятся и поговорят, но сейчас до этого далеко. К тому же Хульде не хотелось ни отвечать на пытливые вопросы Берта, ни терпеть его жалостливые взгляды. А дома, как паук в паутине, сидит госпожа Вундерлих, которая только и ждет возможности, чтобы устроить Хульде допрос о ее личной жизни...

Некоторое время Хульда бесцельно каталась по улицам, надеясь, что путающиеся мысли сложатся в единую картинку. Потом остановилась у одного из торговых автоматов марки «Империял», которые предлагали голодным прохожим быстро и дешево набить желудок, и съела сосиску с горчицей: еда всегда помогала девушке думать.

Хульда как раз облизывала пальцы, когда взгляд упал на телефонную будку. Сине-желтая, она стоял себе посреди тротуара, и внезапно Хульда с поразительной ясностью поняла, что делать. Вошла в будку, бросила в автомат монету, сняла телефонную трубку и сказала телефонистке, с кем ее соединить.

– Комиссар Норт, Главное полицейское управление, – вскоре ответил комиссар своим мужественным голосом.

Сердце Хульды сердце сделало кульбит.

– Кто спрашивает? – нетерпеливо спросил он.

Она взяла себя в руки.

– Э... Хульда Гольд, – сказала она. – Акушерка.

– Можно подумать, я не знаю, – тепло ответил комиссар. – С вами все в порядке?

Хульда почувствовала, как по спине пробежала легкая дрожь.

– Да, спасибо. Я просто хотела...

– Если вы насчет вчерашнего, то я не собирался...

– Нет-нет, – быстро перебила Хульда, – я звоню по поводу дела.

– Вот как.

С другого конца провода холодным потоком хлынуло разочарование, но потом комиссар снова взял себя в руки.

– Пожалуйста, продолжайте. – Его тон стал деловым.

– Рита Шенбрунн, – сказала Хульда и, глубоко вздохнув, выпалила: – Между вами есть связь, верно?

Комиссара выдала крошечная заминка, пусть даже он попытался все отрицать.

– С чего вы взяли?

– Вы узнали что-то, что хотите сохранить в тайне. Вот почему вы пренебрежительно относитесь к расследованию. Вот почему вы ведете себя так... странно.

– Я не веду себя странно! – Комиссар повысил голос, но быстро взял себя в руки. На заднем плане послышался шорох двери. – Послушайте, я сейчас не один. Мой коллега...

– Ясно-ясно, – торопливо сказала Хульда.

Она чувствовала, что комиссар готов поделиться с ней своим секретом, но если сейчас позволить ему сорваться с крючка, то у него будет время передумать.

– Я задам вам несколько вопросов, а вы просто отвечайте «да» или «нет», – велела она. – Вы говорили, что воспитывались в детском приюте.

– Да, – глухо отозвался комиссар.

– И не знали свою мать?

– Да.

– Но недавно вы кое-что обнаружили, и у вас появились подозрения относительно вашего происхождения?

После долгой паузы, во время которой Хульда бросила в автомат еще одну монетку, комиссар произнес:

– Да.

Теперь Хульда была уверена в своих выводах.

– Вы думаете, – она прищурилась, прижав к уху телефонную трубку, – что Рита Шенбрунн – ваша мать?

На линии повисла тишина.

Не смутившись, Хульда продолжала:

– И вам стыдно признаться в этом перед коллегами, особенно перед вашим безупречным господином Фабрициусом?

Комиссар не отвечал, на другом конце провода слышалось лишь его дыхание и отдаленный стук пишущей машинки. Но Хульда уже знала ответ.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Это все, что я хотела спросить.

– Вы странная женщина, – наконец произнес Карл. В его словах прозвучали боль и восхищение одновременно, и Хульда решила сосредоточиться на восхищении, игнорируя все остальное.

– Благодарю, – отозвалась она. – Это пока все. Я обещаю вам, что буду осторожна.

– Ну-ну, – усмехнулся Карл.

– Вот увидите! И еще, комиссар: мы обязательно выясним, правы ли вы.

Хульда повесила трубку, не дожидаясь, пока комиссар Норт заведет привычную шарманку о том, чтобы она держалась подальше от расследования. Ей казалось, будто гора упала у нее с плеч. Странное поведение комиссара, его резкая манера общения, противоречивые сигналы – все теперь вставало на свои места. Они не имели никакого отношения к ней, Хульде Гольд! Она испытывала невероятное облегчение, но одновременно с тем – и жалость. Временами Хульде хотелось забыть о своем прошлом, но она понимала, как это, должно быть, мучительно – не знать, кто ты и откуда, своих корней и жить, словно человек без тени. А теперь, когда комиссар узнал тайну своего происхождения, его снова ждали неприятные известия. Если он прав, то его мать сейчас лежит в общей могиле для бедных. Она утонула, возможно, ее убили. Она была вынуждена отказаться от своего ребенка, и жизнь у нее была тяжелой. Хульда сглотнула: сочувствие к незнакомой женщине сжало сердце, как холодный кулак. Как бы она хотела, чтобы у Карла Норта была возможность посмотреть матери в глаза, поговорить с ней, может быть, понять, почему она оставила его! За последние годы Хульда повидала достаточно и понимала: жизнь – не сказка и примирение в таких случаях случается редко. Но если Рита и правда была матерью Карла Норта, то отныне на нем будет лежать еще одно бремя – сознание того, что родившая его женщина была глубоко несчастна.

«Что ж, – подумала Хульда, – любая определенность всегда лучше неизвестности». Она твердо вознамерилась наконец выяснить, кем была эта Рита, чья смерть внесла столько сумятицы в жизни живых.

Сквозь сгущающиеся сумерки Хульда повела свой велосипед к каналу. Набережная Шенеберга, сливающаяся здесь с набережной Лютцовуфер, манила к себе низко свисающими ветвями серебряных

лип и тихим журчанием воды. Стоял душный теплый вечер, тучи низко висели над городом, готовые вот-вот пролиться дождем.

Хульда бросила велосипед на траву, села на край берега и скинула туфли, наслаждалась ощущением земли под босыми ногами. Потом задумчиво посмотрела на воду.

На противоположном берегу возвышался комплекс Бендлерблок, где, как знала Хульда, располагались штаб-квартиры рейхсвера и рейхсмарине. Там же находился кабинет министра рейхсвера Отто Гесслера.

Хульде вспомнился рассказ Берта о неудавшемся антиреспубликанском путче, который два года назад совершили повстанцы во главе с монархистом Вольфгангом Каппом. Говорят, командующий сухопутными войсками рейхсвера отказался защищать правительственное здание и стрелять по войскам путчистов, потому что «рейхсвер не стреляет в рейхсвер». Понятия чести и храбрости укоренились в сознании генералов глубже, чем солидарность с рейхсканцлером.

Несмотря на это, переворот был предотвращен всеобщей забастовкой. В знак протеста против путчистов рабочие единодушно выходили на улицы. Поезда не ходили, почта не работала, в Берлине не было ни электричества, ни воды, ни телефона. Даже газеты, и те не печатались – беспрецедентный случай в столице печатных изданий! Бедняга Берт тогда чуть с ума не сошел. Наконец Капп и генерал рейхсвера Лютвиц сдались, их заговор провалился. Но при мысли о нерешительности рейхсвера у Хульды возникало ощущение, что, несмотря на новую форму правления, в сознании большинства людей она выглядела так же, как во времена императора.

Потом Хульда снова подумала о комиссаре Карле Норте – и на сей раз не стала гнать мысли о нем из головы. Она представила себе его лицо, красиво очерченные скулы, пронизательный, но угрюмый взгляд за стеклами очков. И вспомнила поцелуй. По шее побежали мурашки. Что означал этот поцелуй?

Хульда вздохнула. Похоже, у нее настоящий талант втягивать себя в запутанные отношения. Стоило бесконечной истории с Феликсом наконец закончиться, как Хульда бросилась сначала в объятия ничтожного воришки, а потом – комиссара-мизантропа, которому явно

действовала на нервы. И чуточку нравилась, подумала она, чувствуя, как по лицу расплывается глупая, как у влюбленной девчонки, улыбка.

Внезапно мир сотрясся от ужасного грохота, и Хульда забыла, как дышать. Череп, казалось, раскололся пополам, и мозг пронзила багрово-золотая боль. Не успела Хульда осознать, что произошло, как ее схватили и сбросили вниз. Она машинально вдохнула – и через мгновение ощутила удар о воду. Над головой сомкнулась холодная гладь, и Хульду окутала мокрая тьма. Боль не утихала. Хульда в панике завертела головой, не понимая, где верх, а где низ, потом заставила себя открыть глаза и сквозь толщу воды увидела маленький светящийся огонек, который плясал где-то вдалеке. Хульда смело поплыла к нему и наконец выбралась на поверхность.

Несколько секунд она бултыхалась в воде, запрокинув голову и судорожно пытаясь отдышаться. «Соберись», – снова и снова твердил внутренний голос.

Немного успокоившись, Хульда осторожно поплыла вперед, продолжая чувствовать ноющую боль. Мысли метались: кто-то ударил Хульду по голове и столкнул в воду. В следующую секунду она подумала: возможно, этот «кто-то» все еще стоит на берегу Лютцовуфера!

Первым делом на ум пришли Педро и здоровяк, которого Хульда встретила в передней. Она почувствовала, что снова не может дышать – в этот раз не от воды, а от страха, – но взяла себя в руки, проплыла вперед и спряталась в тени нависших над берегом ив, прижимаясь к каменной стене, которая тянулась вдоль русла канала. Стараясь дышать глубоко и ровно, Хульда осторожно одной рукой ощупала голову. Никакой дыры она там не обнаружила, только кровь, которая сочилась из раны и смешивалась с черной водой Ландвер-канала.

Через несколько минут, заметив, что дрожит от холода, Хульда решила, что пора выбираться из воды. Даже если неизвестный нападавший увидит ее, то пусть! Все лучше, чем замерзнуть насмерть.

Мокрая одежда тяжело липла к телу, и Хульда мрачно подумала, что не зря в юности они с Феликсом плавали наперегонки, летом – в Ванзее, а зимой – в бассейне. К слову, она обычно побеждала.

Сделав глубокий вдох и задержав дыхание, Хульда нырнула поглубже и быстро переплыла канал. Там она заскользила вдоль берега

к мосту фон дер Хейдта, который соединял Лютцовуфер с улицей Кениген-Августаштрассе.

Каменная русалка, сидевшая на опоре моста, казалось, приветливо махала Хульде рукой. Железная лестница вела из воды на берег. Хульда схватилась за перекладину, подтянулась и оказалась у подножия моста.

Здесь никого не было. Только теперь, когда опасность миновала, Хульда почувствовала, как от страха у нее дрожат коленки. Она спряталась под тень деревьев, где зарыдала в голос, обхватив себя обеими руками и пытаясь собраться с мыслями. Что именно произошло? Кто столкнул ее в воду и почему? Пришлось признать, что факты позволяли сделать единственный вывод: кто-то хотел ее убить! Ночное купание, которому предшествовал удар по голове, могло закончиться очень скверно. Но кто желал ей смерти? Невообразимая мысль! Хульда захлебнулась слезами.

Через некоторое время Хульда почувствовала, что в силах двигаться дальше. Она не осмелилась вернуться за велосипедом, который остался на другом берегу. Сначала нужно убедиться, что незнакомец не устроил ей засаду, и выбраться отсюда.

К этому часу улицы опустели, и Хульда никого не встретила, пока мокрая и дрожащая шла по берегу.

Она решила, что пересечет канал только у Потсдамского моста и там попытается поймать таксомотор, хотя водитель вряд ли захочет сажать на свои сиденья мокрую насквозь пассажирку... В крайнем случае придется пойти пешком. Хульда полезла в карман и с удивлением обнаружила, что кошелек на месте. Однако большой кожаный саквояж со слуховой трубкой и другими инструментами остался лежать рядом с велосипедом. Хульда тяжело вздохнула при мысли о том, в какую сумму ей влетит потеря саквояжа и средства передвижения. Но вернуться сейчас за вещами было просто невыносимо. Нужно выбраться отсюда как можно скорее.

Когда слева наконец показалось внушительное здание Имперской страховой компании, Хульда чувствовала, что ее босые ноги уже онемели. Неподалеку находился Потсдамский мост, охраняемый четырьмя бронзовыми статуями известных ученых и инженеров. Два прусских орла с бронзовыми крыльями поддерживали основание кованого фонаря, заливавшего мост желтым светом. Хульда

посмотрела по сторонам, выискивая темные таксомоторы, но не увидела ни одного – машин часто не хватало. Пожав плечами, она продолжила свой путь пешком.

От быстрой ходьбы девушка немного согрелась, к тому же ее короткие волосы быстро высохли на теплом летнем ветре. В голове у нее царил хаос. Хульде вспомнились темные глаза Педро, его угрожающий взгляд. Неужели он боялся, что Хульда расскажет о его пьяных откровениях? Неужели он хотел от нее избавиться? «Это ты убил Риту?» – спросила Хульда, на что Педро ответил: «Ее – нет». А напоследок он произнес слова, которые звенели в голове, как зловещий звон похоронного колокола: «В следующий раз...»

Сердце тревожно сжалось. На мягких, как масло, ногах Хульда плелась на юг по Потсдамерштрассе. Бюловштрассе, где в своей паутине сидел Педро, была неподалеку, и Хульда, которая не испытывала ни малейшего желания приближаться к нему, при первой же возможности свернула направо. Она побежала через лабиринт петлявших улочек к Лютцовплац и оттуда направилась к Винтерфельдтплац. Ей хотелось поскорее скинуть с себя мокрую одежду и рассмотреть рану на голове, которая, по крайней мере, перестала кровоточить.

В голову пришла мысль о том, чтобы пойти в полицию. Лучше всего – сразу в криминальную полицию, она занималась делом, с которым Педро был тесно связан. Но Хульда догадывалась, что скажет комиссар Карл Норт, услышав, что она в одиночку сунулась в логово сутенера и теперь расплатилась за это. Хульда не хотела выглядеть слабой, ей было стыдно бросаться за защитой к человеку, который, несмотря на поцелуй, порой смотрел на нее, как на мерзкую букашку.

И все же страх крепко держал Хульду в своих острых коготках. Хульда зажмурилась и глубоко вздохнула. Нельзя бояться делать то, что что считаешь правильным. Даже если последствия временами причиняют ужасную боль.

Нет, решила Хульда, она не пойдет в полицию. Но если Педро думает, что она позволит себя запугать и забудет о смерти Риты, то он глубоко заблуждается.

Глава 22

Выдержки из дневника

Психиатрическая лечебница, пригород Бранденбурга
22 ноября 1916 г.

Больные голодают. Я пишу эти слова, а у самой руки дрожат. Количество продовольственных пайков резко сократилось – а ведь их и раньше не хватало, чтобы прокормить всех! С каждой неделей состояние больных ухудшается, они даже падают в обморок от слабости. От некоторых осталась кожа да кости. В 1914 году солдаты собирались «позавтракать в Париже и вернуться домой к ужину». Так они пели, когда толпами шли к поездам, идущим на фронт.

Ожидания не оправдались. Война затягивается, мы, как заключенные, сидим в этой лечебнице, где от завтрака и ужина одно название.

Конечно, я ничего не могу говорить – да и писать, собственно, тоже. Если кто-нибудь прочтет этот дневник, меня сразу же уволят за клевету и отсутствие патриотизма. Но я пишу правду. Жизнь больного солдата ничего не стоит, еда предназначена для здоровых. Я все понимаю. Но разве мы не должны защищать слабых, разве не должны им помогать, а не оставлять умирать на обочине? Разве не это делает нас людьми?

Я делаю все, что в моих силах, чтобы облегчить страдания пациентов, но еды им дать не могу. Несколько жалких крошек никого не спасут. Лекарств тоже мало, мы используем барбитураты и морфин, а еще хлоралгидрат, но от него мало толку. Эти вещества просто дают нам, медсестрам и врачам, немного покоя, потому что после них пациенты спят больше.

У нас продолжают эксперименты над «мнимыми больными». Врачи используют электротерапию. Для этого есть специально оборудованное помещение, почти пустое – чтобы пациенты не нанесли себе увечья. На столе стоит невзрачный аппарат для электротерапии. Я часто присутствую на лечебных процедурах, поскольку врачам нужны свидетели – на тот случай, если пациенты решат обратиться в суд.

Учитывая жесткость методов, я, признаться, удивлена тому, что в суд почти никто не обращается. Подозреваю, что после терапии и голодания пациенты слишком слабы и искалечены.

Иногда импульсы электрического тока проводят прямо в пораженный орган или конечность – в руки, которые трясутся, или в глаза, если пациент ослеп в результате нервного расстройства. Некоторые врачи прикрепляют электроды как придется. Удары тока зачастую причиняют пациентам боль. В такие моменты врачи выкрикивают команды, чтобы вызвать исцеление посредством внушения. Некоторые пациенты теряют сознание. Некоторые настолько боятся одного вида аппарата, что говорят, будто излечились.

Я всего лишь медсестра и не училась в университетах, но я не понимаю, какая польза от терапии, которая лишь устрашает людей и приносит им физические страдания, чтобы ослабить боль от душевных.

Глава 23

Суббота, 10 июня 1922 года

Когда незадолго до полуночи Феликс закрыл кафе и обмотал ручки дверей цепями, чтобы защитить от ночных посетителей и голодных воришек, то не поверил своим глазам, увидев в тусклом свете газовых фонарей высокую стройную девушку с короткой стрижкой, которая плелась по площади. Посмотрев в его сторону, девушка тут же отвернулась, словно ужаленная, и поспешила прочь. Она была босиком.

– Хульда, стой! – крикнул Феликс и вздрогнул, когда его голос гулкими раскатами разорвал ночную тишину.

Девушка ускорила шаг, и не успев осознать, что делает, Феликс побежал за ней.

– Стой! – закричал он. Внезапно ему показалось, что догнать девушку важнее всего на свете. Феликс снова позвал ее по имени. Его голос эхом разнесся по пустынной мостовой, и она наконец остановилась.

Когда он подошел, ему бросилось в глаза, что Хульда истекает кровью.

– Что случилось? – растерянно спросил он и машинально коснулся окровавленных волос у нее на лбу. Либо она неудачно налетела на фонарный столб, либо ее ударили чем-то тяжелым.

Отпрянув, Хульда скрестила руки на груди. Было слышно, как постукивают ее зубы. Феликс снова протянул к девушке руку и коснулся ее одежды. Та была мокрой.

– Ты... ходила купаться? – спросил он, понимая, как глупо это звучит.

– Да, конечно, – ответила Хульда своим обычным резким голосом. – Обожаю купаться по ночам в одежде.

– Что же произошло?

Заметно смутившись, Хульда ответила:

– Кто-то ударил меня и сбросил в канал.

– Какой канал?

– Господи боже, Феликс, у нас здесь что, много каналов? Ландвер-канал, конечно же. Это случилось на берегу неподалеку от моста фон Хейдта. Ну, ты знаешь это место.

Да, Феликс знал. Именно там, вспомнил он, много лет назад они с Хульдой впервые поцеловались. При мысли об этом резанула пронзительная боль. Интересно, а Хульда еще помнит?..

Видимо, у Феликса все было на лице написано, потому что черты ее смягчились.

– Да, конечно, – ответила Хульда, словно он задал вопрос вслух.

На мгновение воцарилась неловкая тишина, а потом Феликс откашлялся и чужим голосом спросил:

– Значит, тебя ограбили?

Хульда покачала головой, избегая его взгляда. Лицо ее замкнулось, будто каменная дверь.

– Мой саквояж остался там, на берегу, – наконец сказала она. – И велосипед! Господи, что мне делать без велосипеда и инструментов? Придется покупать новые! Я за год столько не заработаю... К тому же...

– Да?

Хульда замялась. Она ненавидела сентиментальность.

– Саквояж подарил мне отец, помнишь?

– Помню, словно это было вчера, – кивнул Феликс. – Он преподнес тебе его, когда ты закончила обучение.

Оба молчали, пока воспоминания проплывали мимо, словно призраки, про которых нельзя с уверенностью сказать, с добрыми ли намерениями те явились.

– Куда подевались твои туфли? – откашлявшись, поинтересовался Феликс.

– Я сняла их на берегу. Там они и остались.

– Если хочешь, мы можем за ними съездить.

Хульда вздохнула – тяжело и, как ему показалось, нетерпеливо.

– Давай попозже это обсудим? Я жутко замерзла.

– О, да. Конечно, – растерянно отозвался Феликс. На мгновение ему показалось, что у Хульды на глаза навернулись слезы, но это было бы на нее совсем не похоже. И все же, повинувшись порыву, Феликс притянул ее к себе и обнял. В первую секунду Хульда вздрогнула, но потом расслабилась и прижалась к нему. Феликс уткнулся носом ей в

волосы, которые пахли солоноватой водой и ею, так знакомо, что у него сдавило горло.

– К счастью, ты не пострадала, – пробормотал он, прижавшись губами к ее уху. – Мы поссорились, и я никогда бы себе не простил, если бы не смог перед тобой извиниться.

Хульда осторожно высвободилась из его объятий.

– Прости меня, – прошептала она, вытирая глаза, и громко засопела. По ее хриловатому голосу было слышно, как трудно дались ей эти слова. Она всегда была такой, гордой и упрямой. – Я наговорила тебе много глупостей, Феликс. Прости меня.

– Я всегда тебя прощаю, Хульда. Разве не за это ты меня презираешь?

Девушка торопливо покачала головой, но Феликс прекрасно знал, что прав. В глазах Хульды он был слабаком, потому что любил ее, несмотря на то, что она обращалась с ним как с тряпкой. Но Феликс ничего не мог изменить: они оба такие, какие есть.

– Ну, полно, забудем об этом, – весело сказал он. – Заходи, переоденешься. А потом я осмотрю рану у тебя на голове.

Она отмахнулась.

– Мне до дома рукой подать.

– Пусть и так, но я не оставлю тебя одну в таком состоянии. Как знать, вдруг рана серьезнее, чем кажется, и ты потеряешь сознание, когда пройдет первоначальный шок?

– Кто из нас разбирается в медицине, я или ты? – спросила Хульда, но на ее бледном лице промелькнула тень улыбки. Феликс без лишних слов приобнял девушку за талию – она привычно прижалась к нему – и повел в кафе, где лежал запас бинтов и форменных платьев для официанток. «К тому же Хульде не помешает выпить чего-нибудь покрепче», – подумал он.

Они вместе вошли в темноту помещения, Феликс включил маленький светильник у стойки, и внезапно ему показалось, что последние четыре года были просто дурным сном. Они с Хульдой, как и прежде, стояли в кафе, только вдвоем, и теплое сияние светильника словно окутывало их защитной пеленой.

Феликс открыл было рот, но Хульда предостерегающе покачала головой, и он промолчал.

В следующую секунду за окном разверзлись свинцовые тучи, весь день нависавшие над городом, и на землю водопадом обрушился дождь.

Глава 24

Воскресенье, 11 июня 1922 года

За ночь головная боль превратилась из острой в тупую и теперь должна была сопровождать Хульду в течение всего грядущего дня.

Вчера они с Феликсом допоздна сидели в сумерках пустого кафе. Хульда тщательно вымыла волосы в ванной комнате для персонала и позволила Феликсу осмотреть себя. Вместе они решили, что ей не нужно обращаться к врачу: она отделалась аккуратной шишкой. Однако Феликс настаивал на том, чтобы Хульда пошла в полицию и сообщила о случившемся, но, встретив сопротивление, через некоторое время сдался.

В конце концов, с тоской подумала Хульда, кому как не Феликсу знать: она упрямая и всегда делает только то, что хочет.

Хульда не спрашивала Феликса о белокурой девушке, с которой он встречался, а сам он ничего не рассказывал. Весь вечер они кружили вокруг этой темы, как кошки – вокруг кастрюли с горячим молоком. После двух порций коньяка Хульда наконец ушла домой, одетая в форменное платье официантки с полосатым фартуком и в пальто, которое несколько месяцев назад забыла в кафе одна из посетительниц. Проспала она до полудня – глубоко и без сновидений. Хульда смутно припоминала, что с утра пораньше к ней заходила госпожа Вундерлих, квартирная хозяйка, но после ее ухода девушка снова закрыла глаза и уснула.

Теперь Хульда в одной рубашке стояла перед умывальником и тщательно смывала с тела остатки речной воды. Закончив, внимательно осмотрела свое отражение в зеркале. К счастью, следы событий последних дней не бросались в глаза. Шишка на голове была скрыта под волосами, рана затянулась корочкой и уже начинала шелушиться. Отек на губе, которую Педро разбил перстнем с печаткой, несколько спал. Можно возвращаться к работе.

Хульду ждала пациентка, беременная женщина по имени Хедвига Херрман, чей ребенок должен был родиться через три недели. Она с мужем были счастливыми, жившими в красивом большом доме на Моцштрассе. Густав Херрман владел процветающим молочным

магазинчиком, который находился на первом этаже этого дома, а сами супруги с двумя своими маленькими дочерьми занимали задние комнаты. В роскоши они не купались, но жилище их было чистым и опрятным.

Хульда на цыпочках прокралась мимо комнаты госпожи Вундерлих. Сегодня ей пришлось надеть зимние сапоги, в которых было слишком жарко. Возможно, вещи Хульды до сих пор лежат на берегу Ландвер-канала, но после вчерашнего она боялась туда возвращаться: слишком опасно. Нужно попросить, чтобы кто-нибудь отправился с ней. Первым делом Хульда подумала о Феликсе, но потом почувствовала угрызения совести и покачала головой. Вчера он достаточно для нее сделал. Когда она наконец научится обходиться без Феликса? В конце концов, разве не ее стремление к свободе и независимости привело к их разрыву? «Нет, – со стыдом подумала она. – Хватит лгать хотя бы самой себе». На самом деле Хульда просто боялась – безумно, до потери сознания, до трясучки боялась, что однажды разочарует Феликса и он ее разлюбит. Как она могла дать обещание, которое навсегда изменит его жизнь – и ее тоже? Феликс был хорошим человеком – слишком хорошим, бесхитростным, прямым. А Хульда – нет. Она была неправильной, привыкшей идти по жизни окольными путями. Ее снова и снова охватывала эта ужасная печаль, которая, как она знала, в конце концов утянула бы за собой и Феликса. Нет, так будет лучше.

Спустившись во двор, Хульда застыла как вкопанная. В углу, там, где девушка обычно оставляла свой велосипед, в лучах полуденного солнца лежало что-то коричневое. Ее саквояж с инструментами! А рядом аккуратно стояли начищенные до блеска стоптанные туфли.

Хульда бросилась к саквояжу. Ручка привычно легла в ладонь, и в груди поднялось чувство безмерного облегчения – Хульда как будто снова стала целой. Открыв саквояж, она обнаружила, что все на своих местах. «Значит, напали на меня не потому, что хотели забрать дорогие инструменты», – подумала она, ощутив беспокойство. Сверху лежала небольшая записка, написанная хорошо знакомым почерком. «Саквояж стоял на траве рядом с туфлями. Велосипеда нигде не было. Твой Ф.».

Хульда почувствовала, как повлажнели глаза. В этом весь Феликс! Он просто находится рядом, не устраивая лишнего шума и суеты – возвращает ей сумку, поддерживает, когда она не знает, что делать...

О, если бы все было иначе, если бы только Хульда могла отыскать в себе мягкость, которая, как она знала, когда-то была! Но это невозможно. Что случилось, то случилось.

Расправив плечи, она засунула туфли в саквояж и отправилась в путь пешком. К счастью, Херрманы жили недалеко. Заглянув в витрины закрытых магазинов, Хульда увидела, что цены на хлеб и масло снова выросли. Двенадцать марок за буханку хлеба – она с трудом может себе это позволить. Что же будет дальше?

Хульда с горечью подумала, что скоро все будут расплачиваться банкнотами с бесчисленным количеством нулей, потому что деньги ничего не будут стоить. Но потом она посмеялась над своей выдумкой. Вряд ли все пойдет так далеко. Тем не менее события развивались тревожно, особенно для бедняков, которые и так едва сводили концы с концами.

Остановившись перед молочным магазинчиком, Хульда взглянула на свое отражение в витрине. Она не переставала удивляться тому, что вчерашнее нападение не оставило на ней почти никаких следов, пусть даже голова до сих пор болела. Хульда постучала. Густав подошел к двери и открыл ее. Радостно звякнул колокольчик на входе.

– Здравствуйте, госпожа Хульда, – поздоровался Густав. – Как любезно с вашей стороны прийти к нам в воскресенье.

– Это само собой разумеется, господин Херрман, – отозвалась Хульда. Она немного запнулась, произнося фамилию, но Густав только дружески рассмеялся.

Хульде нравился этот низенький, толстый мужчина, с задорными глазами, который в базарные дни сам встает за прилавок, ловко заворачивая в бумагу вкусное желтое масло и сыр своими толстыми пальцами. Но сегодня в глубине его глаз таилось беспокойство.

– Как поживает Хедвига? – поинтересовалась Хульда.

– Потихоньку. Но она мне не нравится.

Хедвига незаметно подошла к прилавку и игриво похлопала мужа по руке.

– А это как еще понимать? Я тебе надоела?

Густав закатил глаза.

– Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать, Хеда. Для меня ты красивее всех на свете. Но в последнее время я боюсь, что ты слишком многое на себя взвалила. В твоём-то положении.

Хульда изучающе оглядела Хедвигу. Она сразу поняла, о чем говорит Густав Херрман. Круглое лицо Хедвиги осунулось, нос заострился, а живот увеличился настолько, что она ходила переваливающейся походкой, как обычно ходят женщины последние несколько недель перед родами.

– Неужто девочки озорничают? – спросила Хульда, хотя знала, что Катинка и Йоханна – самые послушные дети, каких только можно себе представить. – Или вы по-прежнему с утра до ночи работаете в магазине, несмотря на мой запрет?

По выражению лица Хедвиги стало понятно: второе предположение попало в точку. Хульда строго погрозила им с мужем указательным пальцем:

– Вы должны беречь себя. Это ваша третья беременность, и, при всем уважении, вы уже не молоды. Я бы прописала вам полный постельный режим.

– К счастью, вы не врач и не можете этого сделать, – заносчиво возразила Хедвиг, но потом рассмеялась. – Ладно, чего мы тут стоим! Проходите, выпейте кофе. Вы и сама выглядите несколько измученно.

Хульда последовала за Хедвигой в гостиную и с облегчением устроилась на диване. Ноги все еще казались резиновыми, и чашечка крепкого кофе пришлась бы сейчас как нельзя кстати. Херрманы держали горничную, которая и накрыла на стол.

Хульда благодарно взяла в руки горячую фарфоровую чашку с золотой каймой и сделала большой глоток.

– Давайте рассказывайте. – Она повернулась к Хедвиге, которая, постанывая, села на стул. – Как ваши дела?

– Трудно сказать, госпожа Хульда, – неуверенно ответила Хедвиг. – Эта беременность, она... проходит гораздо тяжелее, чем прошлые с девочками. Но с тех пор прошло уже немало времени. На самом деле я вообще не хотела третьего ребенка, понимаете? Особенно сейчас, когда мне уже сорок четыре и времена такие беспокойные... Сначала я подумала, что это возрастные изменения. Катинка, моя младшенькая, скоро пойдет в лицей. А теперь снова малыш? – Она печально покачала головой и подавила стон.

– У вас боли? – спросила Хульда.

Не успела Хедвиг ответить, как приоткрытая дверь в коридор полностью распахнулась.

– А даже если так, – сказала появившаяся на пороге старушка. Высокая, с пронизательными голубыми глазами, она была одета в элегантный костюм из тонкой шерсти. – Моей дочери нравится геройствовать, играть, но я вам скажу: это ненормально.

– Мама, пожалуйста, – прошипела Хедвиг. – Ты же хотела прилечь.

– В могиле належусь. – Старушка села в кресло с подголовником, поправила на носу пенсне и приветственно кивнула Хульде. – Меня зовут Гертруда Зигель, – представилась она и повернулась к горничной: – Грета, налей мне, пожалуйста, чаю.

Девушка сделала реверанс и ушла выполнять приказ. Госпожа Зигель строго посмотрела на дочь, которая с мрачным видом держалась за живот.

– Кто-то должен рассказать этой милой девушке, что происходит на самом деле.

– Господи, да что здесь происходит? – обеспокоенно спросила Хульда.

И снова госпожа Зигель ответила за свою дочь:

– У нее болит голова, болит живот и ноги опухли, как у слона.

Хедвига страдальчески вздохнула.

– Это не твое дело, – процедила она сквозь зубы. – Вечно ты вмешиваешься. Это ты беременна или я?

Но Хульда насторожилась.

– Хедвига, вы случайно не замечали мелькания в глазах? – спросила она и прочитала ответ на рыхлом лице беременной женщины.

– Я думала, у меня просто глаза уже не те. Знаете, в моем возрасте...

Хульда встала и подошла к Хедвиге. Положила руку на огромный живот, ощупала. Ребенок не двигался. Впрочем, это ничего не значит, ребенок может спать. Тогда она измерила пульс беременной и заметила, что он частит. Все указывало на высокое давление, но без электрического пульсометра, какие используют в больницах, точно сказать нельзя. И анализ на белок в моче, который, по мнению Хульды, был срочно необходим, она провести не могла. Как и всегда, ее возможности очень ограничены. Хульда злилась на себя из-за того, что недостаточно изучала медицину. Она знала, что справилась бы, и ей

было невероятно горько от осознания того, что она упустила столько всего. Хульда любила свою работу, но руки у нее часто оказывались связаны, поэтому ей приходилось направлять своих пациенток в больницы и передавать их в чужие руки. В основном – мужские, потому что еще несколько лет назад женщин не принимали в прусские университеты.

Она собралась с силами.

– Хедвига, мне жаль, но я вынуждена направить вас в больницу.

Хульда старалась произнести эти слова как можно спокойнее, но Хедвига все равно уставилась на нее испуганными глазами.

– У меня что-то серьезное, госпожа Хульда?

– Точно не знаю. Возможно, мы имеем дело с ранней стадии эклампсии.

Взгляд Хедвиги стал вопросительным, а ее мать заерзала в кресле.

– Это недуг, который порой поражает беременных, – пояснила Хульда. – Вас должен осмотреть врач.

– А ребенок? – побледнев, спросила Хедвига и схватилась за живот. – Он тоже болен?

– Не знаю, – ответила Хульда, чувствуя себя ужасно беспомощной. – Лучше всего немедленно отправиться в больницу, тогда вы скоро все узнаете.

Хедвига кивнула. Госпожа Зигель встала и обняла ее.

– Не волнуйся, моя дорогая, – сказала старушка, и Хульда внезапно обрадовалась ее присутствию. – Все будет хорошо. Пойдем, пусть Густав вызовет тебе «Скорую». – Госпожа Зигель взяла дочь за плечо, мягко подталкивая к выходу из гостиной, но сама не ушла. Стоило им с Хульдой остаться наедине, она задумчиво произнесла: – Я уже слышала об этой болезни.

– Неужели? – рассеянно отозвалась Хульда, которая убирала инструменты обратно в саквояж и потому слушала вполуха.

– У знакомой одной моей подруги она тоже была. Как ее там звали? Рита, кажется...

Хульда вся обратилась в слух.

– Рита?

– Да, точно! Маргарита. Теперь я вспомнила. Моя подруга ходила с ней в школу. На последнем году обучения она забеременела от какого-то негодяя, который вскружил ей голову. Конечно, был ужасный

скандал. Любовь до брака, незаконнорожденные дети – в наши времена такого не было... Родители отдали дочь в исправительный дом для падших женщин, где заботились о девочках вроде этой Риты. Там девочек приучают к работе и после родов отпускают домой. А малышей пристраивают в приюты. Знаете, это было настоящим предпринимательством. Родители платили хорошие деньги, чтобы снять с себя ответственность за своих обещанных дочерей.

Хульде стало не по себе.

– Значит, у этой Риты была эклампсия?

– Да, говорят, ребенок родился мертвым, но она не пострадала – во всяком случае, от болезни. – Госпожа Зигель явно боролась с тревогой в голосе. – Теперь вы понимаете мою назойливость, не так ли, милочка?

Хульда кивнула.

– В те времена не было хороших лекарств, – поспешила сказать она. – Сегодня медицина ушла вперед. – Мысленно девушка добавила, что, несмотря ни на что, эклампсия – коварная болезнь, которая может привести к смерти, если ее вовремя не вылечить, но вслух она ничего не сказала.

Госпожа Зигель закусил губу – казалось, она жалела о том, что рассказала эту историю. Взгляд голубых глаз, скрывавшихся за стеклами пенсне, вдруг стал отсутствующим, будто все мысли разом улетучились из головы старушки.

А вот в голове Хульды мысли мчались со скоростью паровоза.

– Говорите, ребенок родился мертвым? Вы уверены?

Теперь госпожа Зигель посмотрела на нее с удивлением.

– Вы что-то побледнели, госпожа Хульда. Да, уверена. Но это было давным-давно, слышите?

Хульда знала, что ведет себя подозрительно, но не могла остановиться.

– Извините, просто... эта история напоминает мне историю одного... друга. Вы случайно не знаете, что случилось с этой Ритой потом?

– Ну, репутация ее, конечно, была уничтожена. Такие девушки считаются порченным товаром. Рита долго сидела в девках – никто не хотел брать ее замуж. Но потом нашелся мужчина, который сжалился над ней. Конрад... да, кажется, так его звали.

Хульда глубоко вдохнула и забыла выдохнуть.

– Значит, этот Конрад женился на ней?

– Да, совершенно верно. У них даже родился ребенок, девочка, но... – Старушка запнулась. – К сожалению, насколько я знаю, Рита плохо кончила. Возможно, вы читали о ней в газете, она недавно утонула. Ах, какая ужасная история!

Хульда постаралась придать лицу удивленное выражение, чтобы госпожа Зигель не заметила, как жадно она следит за рассказом. Но не успела она ответить, как в гостиную вернулась Хедвиг. Она поговорила с мужем и теперь испуганно наворачивала круги по дому, бездумно собирала вещи, которые, как она полагала, могли понадобиться ей в больнице. Госпожа Зигель с обеспокоенным видом подошла к дочери и решительно забрала стопку книг, которую та хотела положить в чемодан.

Хульда отругала себя, мысленно обозвав безответственной повитухой. Она должна была быть рядом с Хедвиг, успокаивать ее, а вместо этого стоит здесь, пытаясь добыть сведения о Рите. Осталось выяснить, знает ли госпожа Зигель что-нибудь еще.

– Вы не знаете, что случилось с Ритой? – спросила она, когда Хедвига вышла в коридор к горничной.

– Нет, подробности мне неизвестны. Я не знала Риту лично. Наверное, она не умела плавать. Я вот тоже не умею. В мое время девушек этому не учили.

– Думаете, с Ритой произошел несчастный случай?

– Как же иначе? Кто захочет обидеть старуху? Бедняжка совершила всего одну ошибку и расплачивалась за нее всю оставшуюся жизнь. Подруга рассказывала мне, что Рита заботилась о своих престарелых родителях, хотя в прошлом те чуть было не отреклись от нее. Она вышла замуж за хорошего, но бедного человека, который был намного ниже ее по положению. Она отучилась на медсестру и работала с больными. Говорят, пациенты называли ее Флоренс Найтингейл. Разве это не трогательно?

От медсестры Найтингейл к шустрой Рите... Значительное падение.

Затем Хульда подумала о Карле Норте и о том, что эти сведения для него означают. Возможно, он обрадуется, узнав, что никак не

связан с Ритой Шенбрунн. С другой стороны – останется в неведении о своем происхождении.

При мысли о том, чтобы рассказать правду, Хульду затошнило. Как ни крути, их непростые отношения и так были омрачены множеством туч.

Глава 25

Выдержки из дневника

Психиатрическая лечебница, пригород Бранденбурга
23 декабря 1916 года

Завтра канун Рождества. Здесь, в лечебнице, это печальный день для большинства пациентов, ведь они проводят его вдали от своих семей. Некоторым, правда, все равно: они давно живут в собственном мирке.

В этом году мы, медсестры, приложили все усилия, чтобы создать в лечебнице праздничную атмосферу. У нас даже елка есть – лесничий принес. Мы поставили ее в холле. Однако правительство заявило, что надо экономить, поэтому на каждую елку можно прикрепить всего по одной свече. Всего по одной! Как печально эта свеча будет светить в темном, холодном холле, который мы не можем отапливать, ибо в эту суровую зиму угля у нас тоже нет...

На улице идет снег и завывает ветер, скоро начнется настоящая метель. Пациенты с ясным умом стонут от холода и голода, но даже те, у кого помутился рассудок, хнычут и безмолвно просят еды. Их неделями кормили только супом из брюквы, в котором вместо мяса – серые телячьи зубы, но иногда и тех нет.

Люди начали умирать от голода. Я пишу эти слова и не могу поверить, что они вышли из-под моей руки. Мы обрекаем наших подопечных на голодную смерть. Как такое возможно? Они умирают в кроватях, истощенные до костей. Говорят, такое происходит по всей стране – денег нет, больные голодают. Дети в Дальддорфе тоже голодают, и как мне сообщили, некоторые тоже умерли. Что это за война такая, которая безжалостно уничтожает наш народ?!

Здесь есть один солдатик, за судьбу которого я особенно переживаю. Разум его ясен, но он страдает от нервного расстройства и падучей болезни. Улучшений нет. Иногда, когда позволяет время, мы разговариваем. У него есть жена и дети. Мне пришлось побрить его налысо, когда он приехал (если не бороться со вшами, они всех тут сожрут), но сейчас его светлые кудри немного отросли. Он выглядит

моложе, чем есть на самом деле, и мне порой не верится, что его детки уже ходят в школу. Однажды он показал мне фотографию, на которой были запечатлены худошавая женщина с изнуренным лицом и двое очаровательных ребятишек. Мальчик похож на отца как две капли воды, а девочка вся в веснушках, как мать.

Солдатик заплакал, когда я спросила, когда он в последний раз виделся с семьей. Оказывается, он провел на фронте больше двух лет, успел побывать и во Франции, и в Бельгии, а потом заболел нервным расстройством и попал к нам. Многим пациентам запрещено связываться с внешним миром, врачи говорят, это мешает выздоровлению. Они боятся, что солдаты заразятся истерическими настроениями своих жен и заболеют еще сильнее. Солдатик очень хотел послать семье рождественскую открытку и умолял помочь. Я ничего не обещала, но вчера он сунул мне записку и снова принялся умолять. Сказал – быть может, просто чтобы растрогать меня, – что написал семье обо мне, что назвал меня ангелочком, который присматривает за всем отделением. Что за глупая лесть!

Однако я взяла письмецо и спрятала в карман халата. Теперь стоит мне наклониться, как я чувствую шелест бумаги. Я пока не решила, что делать. Я не хочу рисковать работой, но... как мне отказать бедняге в желании послать весточку жене и детям? Еще и на Рождество? Я же не зверь какой! Наверное, по дороге домой я брошу письмецо в почтовый ящик. В наступившие бесчеловечные времена мы должны оставаться людьми, иначе какой во всем смысл?

Глава 26

Воскресенье, 11 июня 1922 года

Хульда стояла под морозящим дождем и вместе с семейством Херрманов ждала машину «Скорой помощи». Наконец на Моцштрассе въехал черный «Даймлер» с закрытым верхом. Санитары помогли Хедвиге залезть внутрь и уложили ее на носилки, хотя она настаивала, что в этом нет необходимости. Густав сел рядом с женой.

Хульда поднялась следом и погладила Хедвигу по руке.

– Доверьтесь врачам, – сказала она.

– А вы со мной не поедете? – умоляюще посмотрела на нее Хедвига.

– Не могу, – с сожалением ответила Хульда. Врачи терпеть не могут, когда в больницу заявляются посторонние и начинают рассказывать, как лечить пациентов. – У семи нянек дитя без глаза, – объяснила она, когда разочарование Хедвиги кольнуло ее, словно укол. Она ненавидела чувствовать себя предательницей, но работа требовала от нее ответственности. А в этом случае нужно было как можно скорее передать Хедвигу врачам, потому что ее, Хульды, возможности имели границы. С эклампсией ей не справиться. Поэтому девушка еще раз сочувственно потрепала Хедвигу по распухшей руке и выбралась на улицу. Она махала вслед черному автомобилю, пока тот не скрылся за углом. Ее подташнивало. Что теперь будет с Хедвигой?

Хульда повернулась к магазину и увидела двух девочек с косичками, прижимающихся лицом к оконному стеклу. Катинка и Иоганна широко раскрытыми глазами наблюдали за тем, как их родителей увозит машина скорой помощи. Госпожа Зигель и служанка стояли рядом с ними. Хульда помахала девочками, и Катинка, младшенькая, осторожно помахала в ответ.

Погрузившись в глубокие раздумья, Хульда направилась вдоль Моцштрассе, а потом свернула на площадь Виктория-Луизеплац. Там она отыскиала телефон-автомат, но юный женский голос сообщил, что комиссара Норта нет на месте. Хульда несолоно хлебавши повесила трубку и пошла дальше. По-видимому, в это воскресенье у Карла выходной. Стоит за него порадоваться.

Несмотря на серость дня, красота этого места завораживала. Площадь имела форму звезды, и окружающие ее здания, в отличие от теснящихся блоков доходных домов в Бюловфиртеле, стояли друг от друга на расстоянии, отчего площадь казалась светлой и просторной. Величественно шумели верхушки деревьев. В фонтане посреди площади журчала вода. На северной стороне находился белоснежный дом общества «Летте-Ферайн». Это заведение готовило молодых фотографов, художников и модельеров. Особенно охотно туда принимали студентов женского пола. Большой плакат анонсировал выставку, которая проходила в эти выходные, в ней участвовали работы выпускников. Несмотря на морозящий дождь, перед главным входом, переговариваясь, стояла стайка девушек в юбках до колен и модных кепках. Хульда поймала себя на мысли, что немного завидует их молодости и беззаботности. Как славно было бы оказаться на их месте, начать все сначала! Однако Хульда отличалась совершенной бездарностью в искусстве, она до сих пор с содроганием вспоминала уроки рисования госпожи Нитхаммер, которые посещала в женском пансионе. К тому же даже в такие мрачные дни, как сегодня, когда обстоятельства напоминали Хульде о безжалостной женской судьбе, она не променяла бы свою работу ни на какую другую.

– Милая госпожа Хульда, рад вас видеть, – раздался вдруг знакомый голос.

Обернувшись, девушка увидела дружелюбное лицо с огромными усами.

– Берт! Вы здесь какими судьбами? А как же киоск? – спросила она и поняла, как нелепо это звучит.

Берт неодобрительно цокнул языком – наверное, он тоже так подумал.

– Вы ничего обо мне не знаете, госпожа Хульда. Для вас я просто человек, продающий стопки газет. – Его взгляд стал снисходительнее. – Однако раз в неделю, в воскресенье, я позволяю себе отдохнуть от типографских чернил. Оставляю киоск под присмотром этого зеленого юнца, сына мясника, и прихожу сюда выпить чашечку кофе с тортом «захер». И так каждое воскресенье.

Хульда подумала, что его сюртук и бордовый воскресный платок идеально подходят к этому месту.

Берт тем временем указал на кофейню на другой стороне площади, где посетители на веранде укрывались от дождя под большими зонтиками в красно-белую полоску. Было слышно, как тихонько ложки звякают о фарфор.

– Не желаете ли составить мне компанию?

Хульда хотела было отказаться, но потом передумала.

– С превеликим удовольствием, – отозвалась она и взяла Берта под руку.

Они нашли свободный столик под тенью каштанов, густая листва которых пологом защищала от мороси. Воздух был прохладным, но не холодным, и Хульда глубоко вздохнула, наслаждаясь свежестью.

Подошел пожилой официант. Узнав Берта, он подмигнул и сказал:

– О, сегодня вы в прекрасной компании, друг мой!

– Это моя дорогая подруга Хульда, при виде которой сердца всех мужчин на Винтерфельдплац пускаются в пляс, – отозвался Берт, весело глядя на девушку. – Сегодня она пожертвовала планами, чтобы осчастливить своим присутствием глупого старика.

Хульда игриво шлепнула Берта салфеткой – и ей показалось, что этим она прогоняет свои мрачные мысли.

Они заказали кофе и торт, после чего Берт попросил разрешения закурить трубку.

– Не знала, что вы курите.

– Вы многое обо мне не знаете, – лукаво улыбнулся он.

Торт оказался таким вкусным, что Хульда безрассудно заказала себе второй кусочек.

Через некоторое время она задумчиво слизнула шоколад с вилки и посмотрела на Берта.

– Можно задать вам вопрос?

– Конечно.

– Почему у вас нет семьи? Неужели вам никогда не хотелось жениться?

– Почему вы вдруг спрашиваете?

Хульде показалось, что в глазах Берта появилась настороженность, и она поспешила добавить:

– Простите, если это слишком личное. У меня просто в голове не укладывается, как это такой любезный мужчина, как вы, остался один.

– Не всегда мы вольны выбирать, как нам жить и кого любить. Кто-кто, а вы должны это знать. – Берт допил кофе и со звоном поставил чашку на блюдце. Потом тихо продолжил: – Конечно, я хотел жениться. Но, знаете ли, я не всегда был тем, кем сегодня кажусь.

– Звучит довольно таинственно.

– Да, обычно я стараюсь держать свое прошлое в тайне. Но раз вам интересно, госпожа Хульда, то я вам отвечу. На самом деле каждый из нас хочет, чтобы им интересовались, верно? – Берт выбил пепел из остывшей трубки. – Я был совсем маленьким, когда мать меня бросила. Она жила в крайней бедности, для нее я был лишним ртом. Она оставила меня на улице и ушла. Меня переводили из одного приюта в другой, потому что никто не хотел оставлять у себя немного ребенка.

Хульда уставилась на своего старого друга во все глаза.

– Немого? Вы не могли говорить?

Берт медленно покачал головой, и Хульда, которая всегда помнила его элегантным и величественным, с изумлением подумала, что сейчас он выглядит как старик.

– Не знаю, – продолжал Берт. – Когда я открывал рот, из него вырвались только странные звуки. Другие дети в приюте побаивались меня, сторонились. Больше всего на свете мне хотелось сказать, что меня не стоит бояться, я безобиден... но я не мог. Когда мне исполнилось четырнадцать, меня поместили в лечебницу для душевнобольных. Там я чуть не умер.

Умолкнув, Берт взглянул на Хульду. Глаза его смотрели так печально, что у девушки сжалось горло.

– Психиатры думали, что поступают правильно, и, наверное, они многим помогли... Но мне попался честолюбивый молодой врач, который стремился доказать, что самые суровые методы – самые действенные. Он держал меня под водой, чтобы заставить говорить, и однажды чуть не утопил. Но я просто кричал, кричал без слов...

Хульда неверяще заморгала. Она и представить не могла, какие ужасные и печальные события кроются в прошлом владельца газетного киоска.

Берт продолжал:

– Меня забрали у него только после того, как я заболел пневмонией. Перевели в богадельню, где меня выхаживали монахини.

Мне там нравилось. На соседней койке лежала девушка, ее звали Роза. – Лицо Берта посветлело. – Она была самым прекрасным созданием, которое я когда-либо видел, ей было пятнадцать, и она умирала. Я заговорил, потому что хотел поведать Розе о своих чувствах. Казалось, все эти годы я берег слова, чтобы сказать ей все, что накопилось у меня внутри.

У Хульды возникло ощущение, что мысленно Берт находится где-то далеко. Он полностью погрузился в воспоминания о своем пребывании в богадельне.

После того как Берт закончил свой рассказ, они долгое время молчали. Дождь густыми каплями падал на листья, посетители кафе постепенно забирали свои чашки и тлеющие сигареты и скрывались в глубине помещения. Но казалось, ни Хульду, ни Берта дождь не беспокоил.

– Чем болела Роза? – осторожно поинтересовалась Хульда, когда больше не смогла выносить молчания.

– Туберкулезом, – хрипло ответил Берт. – Она умерла незадолго до того, как меня выписали. Мы пообещали друг другу, что поженимся, когда поправимся. Полная чушь, конечно. Я был никому не нужным сиротой, а Роза происходила из мещанской семьи. Ее отец никогда бы не одобрил наш брак. Но я так и не смог забыть то обещание...

Берт прочистил горло и снова взял трубку. Дрожащими руками попытался поджечь табак, но спичка погасла.

Хульда осторожно взяла коробок у него из рук и помогла. Внезапно ей тоже захотелось курить. Когда мимо прошел официант, она заказала сигарет на четыре марки и вскоре закурила. Голубоватый дым призраком поднимался под полог листвы.

Некоторое время Берт сидел с закрытыми глазами и пыхтел трубкой, а потом сказал:

– Меня выписали и сочли излеченным: я обрел голос. Вскоре я попал к приемным родителям, у которых недавно умерла дочь. Бедняги были убиты горем, но нашли во мне утешение. Мой приемный отец держал газетный киоск, который потом достался мне. Отец был очень добр ко мне. Это он сделал меня таким, каким вы знаете меня сегодня. – Слабо улыбнувшись, Берт добавил: – Можно сказать, что из лимонов, которые преподнесла мне судьба, я приготовил лимонад. Но я так и не женился.

Он выпустил из трубки колечко дыма, которое взлетело в воздух и растворилось между полосатыми зонтиками кафе. Хульда проводила его взглядом.

– Повсюду брошенные дети, – пробурчала она себе под нос, но Берт услышал.

– Почему вы вдруг об этом заговорили?

– Просто это так странно... Последнее время я повсюду слышу истории о сиротах и брошенных детях. Некоторые добились чего-то, как и вы. У других жизнь идет под откос.

– У вас на уме кто-то определенный?

Ничего не ответив, Хульда задумалась, а потом вдруг спросила:

– Какого вы мнения о берлинских полицейских, Берт? Хорошо ли они делают свое дело?

Берт вопросительно склонил голову набок.

– Боюсь, что не совсем вас понимаю.

– Я тут завела знакомство с одним комиссаром... Он расследует дело, и жертва жила в доме моей пациентки, Лило Шмидт.

В глазах Берта мелькнул озорной огонек.

– Завели знакомство, говорите? Насколько близкое?

Хульда замотала головой, но потом невольно рассмеялась.

– От вас ничего не скрыть, – с легким укором сказала она.

– Вы правы. Итак, кто же этот молодой человек?

– Его зовут Карл, он работает в красной крепости и ведет себя... не совсем обычно. Мне кажется, он... уничтожил улики по делу. – Хульда затушила окурок. – Я немного порасспрашивала в округе, пытаюсь что-нибудь разузнать об этом деле...

– Порасспрашивали? – нахмурившись, переспросил Берт. – Госпожа Хульда, будьте осторожны. Многие исчезают, перейдя дорогу не тем людям. И вы можете оказаться в их числе.

– Не волнуйтесь. Я могу о себе позаботиться. – Хульда невольно коснулась головы и пощупала шишку. – Я просто подумала... может, некоторые вещи лучше не знать? Ну, о людях?

– Как загадочно. В любом случае, у вашего господина комиссара явно рыльце в пушку, – заметил Берт.

– Думаете?

– Ну, это же очевидно. Вы сами говорите, что он мешает расследованию, уничтожает улики. Разве не так?

– И да, и нет, – ответила Хульда. – У него есть на то свои причины, поверьте.

Берт посмотрел на нее с укоризной.

– Милая моя Хульда, у меня такое чувство, что вы не совсем объективны.

Хульда заерзала на стуле.

– Знаю, – глухо призналась она. – Мне нужно поговорить с ним.

Нахмурившись, Берт наклонился вперед и накрыл ладонь Хульды своей.

– Мне больно видеть, как вы подвергаете себя опасности, но я прекрасно понимаю: вы уже увязли с головой, вонзили свои прелестные зубки в это дело – и, видимо, в господина комиссара тоже – и не собираетесь отступать. Однако ваш таинственный Карл может оказаться негодяем. Знаете, далеко не каждый становится полицейским по велению сердца. Многие выбирают этот путь потому, что их родители недостаточно богаты, чтобы оплатить им обучение на врача или юриста.

– Карл – сложный человек, – заметила Хульда, пальцем собирая крошки от торта на тарелке, – но он точно не негодяй.

– Даже если так, – отозвался Берт, – вам следует держаться от него подальше. Но я вас знаю, вы любите играть с огнем. Однако нельзя играть с огнем и не обжечься.

Берт смерил Хульду испытующим взглядом, от которого ей стало не по себе, и, помолчав, грустно покачал головой.

– Я уже вижу, что запоздал с предупреждениями. И быть может вы правильно делаете, что не хотите оставлять своего Карла. В конце концов, побитую кастрюлю не накрыть обычной крышкой, верно?

– Вы про меня? – спросила Хульда и хотела было возмущенно возразить, что она – не побитая кастрюля, но потом подумала, что в словах Берта, возможно, есть зерно истины, пусть даже прозвучали они грубовато. Хульде было свойственно попадать в щекотливые ситуации, ее влек риск – разве не это отталкивало ее от Феликса? Феликс твердо знал, кто он и чего хочет, а Хульда отличалась непостоянством, и мысль об определенности ужасно ее пугала. Не потому ли она чувствовала, что Карл Норт ей близок? Не потому ли, что за стеклами его заляпанных очков скрывались самые грустные глаза на свете, обещавшие так много, стоило в них только заглянуть? –

От вас ничего не скрыть, – наконец заговорила Хульда. – Я буду осторожна, обещаю вам.

– Ха! Даже слепец увидит, что вы лжете. – Берт встал, положил на стол несколько банкнот и разгладил одежду. Потом взглянул на карманные часы. – Что ж, по крайней мере, я вас предупредил. А теперь пойдете, газеты меня уже заждались. Странно, но стоит мне провести несколько часов без них, как я перестаю чувствовать себя собой. Эти черные буквы, которые объясняют нам мир... Мне нравится, когда они рядом. И я переживаю каждый раз, когда оставляю киоск на попечение этого маленького разбойника, сына мясника. А вдруг он случайно подожжет его сигаретой и вся моя жизнь сгорит в ярком пламени?

Тихо рассмеявшись, Хульда протянула Берту руку. Сквозь морозящий дождь они вместе шли в сторону Винтерфельдплац, пока воробей радостно клевал оставшиеся у них на тарелках крошки.

Глава 27

Понедельник, 12 июня 1922 года

Карл споткнулся о горку лежавшего на земле щебня, но равновесие удержал. Выпрямился, огляделся. Участок, на котором располагалась заброшенная столярная мастерская, был обнесен высокой кирпичной стеной. Когда-то здесь кипела жизнь – в детстве Карл часто шатался по округе, поэтому хорошо помнил визг пилы, помнил опьяняющий запах сухого дерева и клея...

Но сегодня окна мрачно таращились на город своими пустыми глазницами. Тишина подобно серым тучам, омрачающим день, висела над крышей заброшенной столярной мастерской. Эта мастерская, как и многие другие небольшие предприятия, не пережила войну и была вынуждена объявить себя банкротом. С тех пор здание пустовало.

«Или почти пустовало», – подумал Карл, когда из окна до него донеслись веселые детские голоса. Он в нерешительности остановился и услышал позади шаги Пауля Фабрициуса, которого сегодня взял с собой. Они договорились, что Фабрициус будет вести допрос, а Карл постоит в сторонке и вмешается только если возникнет необходимость. Карл очень рассчитывал на своего помощника, а точнее – на его умение разговорить кого угодно. Впрочем, Карл не особо надеялся, что уличная проститутка, якобы знавшая Риту, скажет что-то важное. Однако ее заявление нужно для дела, поэтому Карл уступил своему честолюбивому помощнику и отправился с ним в заброшенную столярную мастерскую.

Дневник Риты он уже прочитал от корки до корки. Поначалу читал нерешительно, но с каждой страницей увлекался все сильнее, словно от неуверенного почерка исходило какое-то притяжение. Потом он провел небольшое расследование. Согласно личному делу, хранящемуся в лечебнице, первые несколько лет Рита Шенбрунн была образцовой медсестрой, одной из лучших в учреждении – самоотверженной, преданной делу.

Но потом кое-что произошло. Умер пациент. Видимо, его смерть наложила на Риту глубокий отпечаток – пробудила сомнения, заставила колебаться. У нее поубавилось рвения, а со временем оно и

полностью иссякло. Или все пошло под откос после смерти ее близких?

Дальше Карл зашел в тупик – но в голову ему закралось крошечное подозрение, что гибель Риты могла быть как-то связана с работой в лечебнице, с больными, за которыми она ухаживала. А вдруг, спросил себя Карл, она кого-то подвела? Вдруг оплошала, допустила ошибку, и кто-то затаил на нее злобу? Может, за это ей пришлось расплачиваться своей жизнью?

– Чего стоим, шеф? – разнесся по округе нетерпеливый голос Фабрициуса. – Давайте выкурим этих крысят из норы.

Карл в очередной раз почувствовал, что начинает злиться на своего помощника. Этот паренек, которому нет еще и двадцати пяти, вечно ведет себя так, будто у него муравьи в штанах. «А ведь в нашей работе терпение – главная добродетель», – мрачно подумал Карл. Нужно как паук выжидать, пока муха запутается в липкой паутине. Пока кто-нибудь расколется и заговорит. Но Фабрициус вечно куда-то спешит, словно работа в криминальной полиции – это гонка на время.

– Мы не хотим напугать девушку почему зря, – сказал Карл и сурово посмотрел на своего помощника. – Эти дети – бедные души, а не преступники. Проявите немного сострадания, Фабрициус.

Но Фабрициус только беспечно пожал плечами и пнул лежавший рядом кирпич.

– Волки есть волки, – отозвался он. – Шеф, я и не знал, что в глубине души вы такой коммунист!

Покачивая головой, Карл повернулся и направился туда, откуда, как ему казалось, доносились голоса.

Фабрициус побрел следом.

Стоило им приблизиться к двери, которая болталась на одной петле, как голоса смолкли. Послышались шарканье и топот, словно обитатели заброшенной столярной мастерской продвигались внутрь дома.

Карл остановился и громогласно объявил:

– Полиция! Не бойтесь, мы вас не обидим. Мы просто хотим поговорить кое с кем из вас.

– Крыс так не поймать, шеф, – фыркнул у него за спиной Фабрициус, а потом прокричал: – Тот, кто с нами поговорит, получит пятерку. Нате, глядите!

Он выудил из кармана монету в пять марок и поднял над головой, а потом наклонился к своему начальнику и прошептал:

– Эти нищие крысеныши не смогут устоять перед деньгами, поэтому запоют как миленькие.

Его уничижительные слова вызвали у Карла волну гнева, но он взял себя в руки: за подоконником показались тени голодных детей.

Некоторое время ничего не происходило. Потом послышались тихие шажочки, и наконец в дверном проеме показался мальчик. Колени его были покрыты синяками и царапинами, а короткие шорты лоснились от грязи.

Мальчик смотрел на полицейских недоверчиво, как маленький зверек на охотников. Потом его взгляд с вождением скользнул по монете, которую Пауль Фабрициус продолжал держать перед собой, словно приманку. На лице мальчика страх боролся с жадностью – пока последняя не одержала верх.

– Я поговорю! – сказал он и вышел из дома. Подбежал к Фабрициусу и хотел было схватить монету, но тот убрал руку.

– Не так быстро, парень, – произнес Фабрициус голосом наездника, который успокаивает юного, необъезженного жеребца. Карлу оставалось только дивиться тому, как преобразился его помощник: теперь Фабрициус казался добрым дядюшкой, а от его презрения к бродячим детям не осталось и следа. – Сначала скажи, как тебя зовут.

– Калле, – неохотно ответил мальчик.

Вздвогнув, Карл почувствовал на себе насмешливый взгляд своего помощника, но ничего не сказал. В приюте его тоже называли «Калле», и он ненавидел это сокращение даже больше, чем полную форму своего имени. Потому что «Калле» звучало как бедность, необразованность и грязь.

– Ты живешь здесь, Калле? – спросил Фабрициус.

– Да, если ничего не имеете против. – Мальчик расшаркался.

– Как по мне, живи хоть на Марсе, – весело отозвался Фабрициус, заставив Калле хихикнуть, и дружески щелкнул его по носу. Недоверие исчезло с лица мальчишки. Похоже, дикий жеребенок был готов есть из рук своего нового хозяина.

Непринужденно поигрывая монетой, Фабрициус спросил:

– Знаешь Лену?

– Конечно, – сказал Калле, косясь на деньги.
– Она сейчас здесь?
– Внутри. – Мальчик кивнул в сторону двери.
– Приведи ее, и деньги твои, – изрек Фабрициус, держа «пятерку» между большим и указательным пальцами.

Немного поколебавшись, мальчишка развернулся и побежал обратно в столярную мастерскую. Карл был уверен, что он не вернется, но через несколько секунд в дверном проеме показалась его спутанная шевелюра.

Он тащил за собой девочку.

Карлу редко доводилось видеть столь жалкое создание. Волосы бедняжки, наверное, были рыжевато-русыми, но под слоем грязи и липкой кирпичной пыли цвет их цвет угадывался с большим трудом. Веснушки темными отметинами выделялись на бледном лице. Из рукавов прохудившегося балахона торчали руки-веточки. Девочка явно давно жила на улице – или здесь, в этом разрушенном доме. И наверняка не ела досыта уже несколько месяцев, а может, и лет.

– Ты Лена?

Девочка кивнула.

Не успев осознать, что делает, Карл полез в карман своей потрепанной куртки и вытащил оттуда сверток с бутербродами. Развернул бумагу и протянул один девочке. Она колебалась не дольше мгновения, потом схватила бутерброд, впилась в него зубами и машинально отступила от Калле, взгляд которого словно магнитом притянулся к еде. Карл дал бутерброд и ему, потом скомкал бумагу, в которой оставалось всего несколько крошек, и пинком отправил в полет.

Фабрициус сунул пять марок мальчику за воротник и велел:

– Ступай.

Ему не пришлось повторять дважды. Забрав свои сокровища, Калле скрылся за углом, где, наверное, спокойно доел добычу.

Лена тем временем продолжала жевать, она покорно стояла на месте, словно вещь, которую поставили и забыли забрать. Девочка втянула голову в плечи и перекатывалась с пятки на носок, будто пытаясь успокоиться.

Только теперь Карл заметил у нее на шее красно-синие отметины, как если бы кто-то обхватил ее большой ладонью и сжал.

Он кивнул Фабрициусу, и тот успокаивающе потрепал девочку по плечу.

– Мы из полиции. Не бойся, мы просто хотим с тобой поговорить. Пойдем, малышка.

Лена последовала за ним, покорная, как овечка. Она уже съела бутерброд и теперь время от времени облизывала губы, как будто с грустью.

Втроем они направились к воротам. Под ногами хрустел щебень, а над головой низко висели серые тучи. Иногда сквозь дыру в этой плотной пелене пробивались редкие лучики солнца, похожие на молнии. Разрушенные стены бывшей мастерской, напоминающие обломки зубов, устрашающе тянулись к небу.

– Неподалеку есть трактир, где подают завтрак, – тихо прошептал Карл, наклонившись к Фабрициусу. Тот кивнул, и они повели молчащую Лену в маленький трактир, внутри которого теснились три деревянных столика.

Воздух здесь был тяжелый, пропитанный застоявшимся сигаретным дымом, а на столешницах чернела годами въевшаяся грязь. Повернувшись к угрюмой хозяйке, Карл заказал три кофе и булочку с яичницей – для Лены.

Им не пришлось долго ждать.

Девочка ела сосредоточено, не отрывая взгляда от еды. Казалось, она даже забывала дышать. Только когда тарелка опустела, она огляделась по сторонам, так, словно очнулась ото сна и наконец поняла, где находится.

Впервые за все время Карл спросил себя: а в своем ли девочка уме?

Она снова втянула голову между острыми плечиками, будто пытаясь скрыть синяки на шее, и обеими руками вцепилась в чашку с кофе, как в спасательный якорь.

Все в этой Лене – сгорбленность, страх, исхудавшие конечности – до того напомнили Карлу детей, с которыми он рос, что у него сжалось горло. Он тоже раньше так выглядел, тоже испускал страх и недоверие к миру. Он заставил себя глубоко вздохнуть, обменялся взглядом с Фабрициусом и снова незаметно кивнул.

Тот начал допрос:

– Тебя зовут Лена? А дальше?

- Шиллинг, – едва слышно пробормотала девочка.
- Ты живешь в заброшенной столярной мастерской?
- М-м.
- Как давно?
- Не помню. Неделю, две.
- А раньше ты где жила?
- То тут, то там.

На лице Фабрициуса промелькнуло легкое нетерпение, но Карл жестом показал, чтобы он не торопился.

Тогда Фабрициус подчеркнуто дружелюбно спросил:

- Ты знала Риту Шенбрунн, верно?

Лена кивнула, и Карл заметил, что в ее глазах появилась настороженность, которой раньше не было.

– Госпожа Шенбрунн умерла при подозрительных обстоятельствах. Мы хотим узнать, что случилось. У тебя есть какие-нибудь предположения о том, что произошло?

Лена поджала губы, покачала головой и принялась царапать ногтем покрытую корочкой ранку на ладони, пока не пошла кровь.

Фабрициус продолжил:

– Свидетели утверждают, что ты приходила к Рите домой. О чем вы говорили?

«Свидетели – это громко сказано», – подумал Карл. Он получил эти сведения от Хульды, но своему помощнику сказал, что от соседки убитой.

Лена заерзала на стуле.

- Не знаю. Давно это было.

- Пожалуйста, постарайся вспомнить.

– Так, болтали о том о сем. О разных женских штучках. Семьи у нее не было. Она приготовила мне поесть. Вот и все.

– Где вы были вечером двадцать четвертого мая, когда исчезла Рита?

- Какой был день?

- Среда.

Лена восприняла этот ответ с облегчением.

- По средам я всегда «У Рике». Помогаю мыть стаканы.

- Кто такой Рике?

– Это кабак на Бюловштрассе, – встрял Карл. – Гордо именует себя «варьете».

Проигнорировав объяснение, Фабрициус снова повернулся к Лене.

– Значит, в среду двадцать четвертого мая вы были в этом заведении?

– Я там каждую среду. Любого спросите.

Карл верил этой девочке. К тому же она все равно не могла столкнуть Риту с моста. Он посмотрел на ее торчащие косточки, на плоскую, как у облезлого птенца, грудь... Нет, Лена слишком маленькая. И у нее не было мотива, по крайней мере на первый взгляд. Похоже, Рита Шенбрунн хорошо к ней относилась. Нет, Карл точно знал: девочка ни при чем.

Фабрициус продолжал допрос, но Карл перестал слушать. Он чувствовал: так они ничего не добьются. И все же ему было интересно – до дрожи, в чем он втайне себе признавался – что связывало эту девочку с Ритой Шенбрунн.

Настало время задать более личные вопросы.

– Откуда у тебя синяки? – перебил он Фабрициуса, который посмотрел на него удивленно и даже несколько раздраженно.

Лена схватилась за шею и глупо спросила:

– Какие синяки?

– Тебя кто-то душил. Кто?

Она отмахнулась, словно это не стоило упоминания.

– Я повздорила с Эдди. Ерунда.

– Кто такой Эдди?

– Мой младший братишка.

– Младший, говоришь? А лапищи у него будь здоров!

На лице Лены снова промелькнул страх, даже ужас, и Карл уверился: дело здесь нечисто.

– Где сейчас твой брат?

– Ходит где-то.

– Где?

– Понятия не имею. Мне пора.

Лена встала, но Фабрициус схватил ее за руку.

– Стоять. Из-за чего вы повздорили?

– Какое ваше дело? – огрызнулась Лена с непонятно откуда взявшейся уверенностью и вырвалась из хватки. – Я ничего не сделала. Спросите в «У Рике».

Фабрициус посмотрел на Карла в поиске поддержки, но тот устало махнул рукой. Он подозревал, что Лена больше ничего полезного не скажет. К тому же полицейские ничего не могли ей предъявить – Карл не сомневался, что ее алиби подтвердится.

Лена выбежала из трактира на морозящий дождь, и Фабрициус с разочарованным фырканьем откинулся на спинку стула.

– Разговор с ней ничего нам не дал, шеф. Мы продолжаем топтаться на месте.

– Не совсем так, Фабрициус, – сказал Карл, закуривая сигарету. Он глубоко втянул дым в легкие и добавил: – Нужно найти этого Эдди. У меня предчувствие, что Лена чего-то боится. И не только побоев своего брата.

– Снова вы со своими предчувствиями! – вздохнул Фабрициус и, когда Карл лишь молча улыбнулся, щелчком пальцев подозвал хозяйку. Потом небрежно добавил: – Это предчувствие подсказало вам избавиться от тетради госпожи Шенбрунн?

Карлу показалось, словно его ударили ниже пояса, как на нечестном бою. Он ошарашенно заморгал, уставившись на своего помощника.

– Во всяком случае, в отчетах о тетради ни слова, – продолжил Фабрициус, спокойно чистя ногти зубочисткой, и только выступивший на залысинах пот выдавал, что он тоже взволнован.

– Как давно вам об этом известно? – спросил Карл. Отрицать свою вину казалось бессмысленным.

– С тех пор, как увидел выражение вашего лица, когда мы вышли из квартиры, – отозвался Фабрициус. – Вы были ужасно смущены. Но не волнуйтесь, я никому не выдам ваш маленький секрет. Мне просто любопытно. Неужто шустрая Рита записывала в тетрадь имена своих клиентов, и ваше было в их числе?

Карл ударил кулаком по столу. Хозяйка трактира, которая подошла за расчетом, пискнула и оставила мужчин одних.

– Конечно нет!

– Не горячитесь вы так, я просто спросил, – сказал Фабрициус, которого этот разговор явно забавлял.

Карл, напротив, чувствовал себя мошенником, которого вывели на чистую воду.

– Это... личное, – промямлил он, умоляюще глядя на Фабрициуса и одновременно презирая себя за слабость. Почему он не может сказать правду? Почему так стыдится своего происхождения, словно это его, Карла, вина, что в младенчестве его оставили на милость жестоким сестрам?

– Личное?

– Дело касается моей семьи.

Фабрициус рассмеялся.

– Странно, я всегда думал, что у вас нет семьи. Я почти завидовал: ни родителей, которых можно разочаровать, ни сестер, которые высасывают из тебя последние деньги... Вот так: думаешь, что знаешь человека, а он... – Фабрициус встал из-за стола. – Это ваше дело, – добавил он. – Я буду нем как могила. Как общая могила, в которой похоронили нашу бедную старушку.

Карл вздрогнул, но выдавил из себя благодарную улыбку и расплатился. Они вышли из трактира. Фабрициус радостно насвистывал всю дорогу до полицейского автомобиля, на котором они приехали, и Карл подозревал, что только что выписал своему помощнику долговую расписку на неизвестную сумму.

Глава 28

Выдержки из дневника

Психиатрическая лечебница, пригород Бранденбурга
18 февраля 1917 года

Холод сковал землю подобно тому, как злой тюремщик сковывает заключенных в ледяные кандалы. Мы промерзли до костей, а угля не хватает, чтобы согреть больничные казармы. Дома тоже стоит холод. Вчера ночью температура за окном опустилась ниже двадцати. Малышка Хильда спит в нашей постели, вместе мы пытаемся хоть как-то согреться.

Страшно представить, каково солдатам, которые сейчас на передовой...

Стыдно сказать, но за время, прошедшее с последней записи, еще несколько пациентов умерли от голода. В этом году у нас семнадцать смертей, большинство – от недоедания.

Один из этих семнадцати был мне особенно дорог. Отчасти в его смерти виновата я. Я плачу о нем, когда никто не видит.

Речь о том самом солдате, который передал мне письмо для родных. Главный психиатр решил, что, судя по симптомам, бедняга должен пройти курс электрошоковой терапии, поэтому я отвела его в процедурный кабинет, где ждал врач с уже подготовленной аппаратурой.

Я не раз слышала слова врачей о том, что электрошоковая терапия необходима, что мы оказываем больным милость, поскольку только сильная боль может проникнуть сквозь туман невроза и тем самым излечить больного. Как нам, медсестрам, сказали: важно заставить пациента врасплох. Только неожиданная боль может приостановить тремор.

Я присутствовала на некоторых лечебных процедурах – ассистировала врачам – и с трудом выносила крики пациентов, но врачи настаивают на том, что боль необходима. Мне внушали, что нужно быть беспощадным, потому что если прервать терапию посреди сеанса, то все усилия пойдут прахом. Когда разряды тока кажутся

неэффективными и пациент умоляет нас остановиться, необходимо увеличить силу разрядов. Подчас сеанс должен длиться аж пять минут без перерыва.

Когда я привела солдатику в процедурную, он от одного вида электрического аппарата впал в панику. Он дрожал и потел, но мы привязали его ремнями к кушетке и подключили электроды к вискам. Я сказала:

– Это доктор Фридберг, он врач. Он вам поможет. Все будет хорошо.

И мы включили ток.

Мне никогда не забыть выражение его лица и отразившиеся на нем агонию и страх! Когда доктор Фридберг начал снижать заряд, я увидела, что стрелка стояла выше девяноста вольт. Вздвогнув, я повернулась к солдатику, который безвольно обмяк. Тот прошептал:

– Я умираю.

Я хотела было успокоить его, потому что верила, что все будет хорошо. Но затем его лицо осунулось, а сердце у меня под рукой остановилось. Он был мертв.

Доктор Фридберг тоже выглядел потрясенным, но быстро взял себя в руки и сказал лишь:

– Одним невротиком меньше. А то развелось их...

Я обмыла мертвеца и позвала гробовщика. Вскрытие никто проводить не стал, а семье сообщили в письме, что он умер от слабости и истощения.

Я не могу забыть этого солдатику. Слово «слабость» кажется насмешкой: он не был слаб, у него было крепкое телосложение, он голодал меньше многих других и больше всего на свете хотел вернуться домой, к семье. От горя мне парализует руки и разум, я с трудом могу сосредоточиться на своей работе, потому что все время думаю о нем.

Его жизнь стоила так же мало, как та монетка, имя которой он носил.

Глава 29

Понедельник, 12 июня 1922 года

Матушка во дворе выбивает ковер, висящий на перекладине. Густа стоит рядом, теребя руки, она выглядит смущенной. Матушка снова и снова бьет молоточком по коврику, ругая служанку на чем свет стоит. «Гляди внимательно, глупая девчонка! Вот как это делается! Сильнее надо, сильнее!» Хульда наверху, в своей комнате, выглядывает из-за шторы. Она не понимает, почему у матушки такие белоснежные волосы, она же еще совсем молодая... Внезапно матушка забывает про ковер и с перекошенным от ярости лицом начинает лупить Густу. Густа рыдает, поднимает залитое слезами лицо вверх и смотрит на нее, Хульду, которая словно приросла к месту. Хульда не может вздохнуть, потому что внезапно видит не круглое, немного простодушное, но полное любви крестьянское лицо Густы, которое она прекрасно помнит, а свое собственное. Густа – это Хульда, матушка бьет ее, как одержимая, и шлепки по коже звоном отдаются в ушах.

С трудом разлепив глаза, Хульда увидела перед собой темноту и села. Сон развеялся, от него не осталось ни следа, но стук остался. Хульда все еще его слышала.

Кто-то стучал в дверь. Сначала Хульда испуганно подумала, что забыла о пациентке, которая должна была родить, но потом поняла, что таких у нее нет. Кто же тогда стоит за дверью посреди ночи?

Тело сковал страх.

– Кто там? – хрипло спросила она и откашлялась. Потом босиком подкралась к двери, зажгла газовую лампу. От ее теплого свечения сразу стало чуточку спокойнее.

– Кто там? – повторила она уже решительнее.

– Галина, – раздался шепот из-за двери.

Хульда остолбенела. Зачем она понадобилась привратнице дворца желаний?

– Вы одна? – вполголоса спросила она.

– Да. Впустите меня, я торчу здесь уже целую вечность, – прозвучал ответ.

Хульда почувствовала смесь веселья и негодования. Как этой неожиданной гостье, явившейся сюда посреди ночи, вообще пришло в голову жаловаться?

Она осторожно приоткрыла дверь на ширину щели. В темном коридоре и правда стояла светловолосая женщина из заведения Педро. Хульда заглянула Галине за спину, чтобы убедиться, что с ней никого нет, и только после этого впустила загадочную посетительницу. Потом заперла дверь и вопросительно посмотрела на женщину.

— Что вы хотите?

Осознав, что стоит в одной ночной рубашке, Хульда скрестила руки на груди. Внезапно ей стало холодно. Она торопливо схватила шерстяной платок, завернулась в него, потом взяла котелок и наполнила водой. Включила маленькую конфорку, поставила котелок на огонь и искала, во что бы заварить чай.

«Как странно, — подумала Хульда. — Похоже, всему виной мое воспитание». Вот и сейчас она собиралась напоить чаем подозрительную женщину, которая ворвалась к ней посреди ночи и чей спутник чуть было не изнасиловал ее, Хульду, несколько дней назад. «Но в наше время чашка чая — это все равно что оливковая ветвь».

Галина села на край кровати, словно они с Хульдой были давними подругами. Она ничего не говорила, пока Хульда готовила чай, а потом взяла протянутую чашку, подняла глаза и спросила:

— У вас не найдется к чаю чего-нибудь покрепче?

Хульда растерянно уставилась на нее, а потом задумалась.

— Кажется, у меня где-то оставался коньяк, — сказала она, пошарила рукой под кроватью и вытащила оттуда покрытую пылью бутылку, которая была еще наполовину полной. Хульда открыла бутылку, щедро плеснула коньяк в протянутую чашку и, немного поколебавшись, налила его и в свой чай. Потом села напротив кровати, на стул, со спинки которого свисало ее вчерашнее платье.

— Выкладывайте, — велела она и сама удивилась своему резкому тону. Во дворце желаний Галина всего несколькими словами смогла обуздать разгневанного Педро, однако здесь и сейчас Хульда была главнее, чем эта светловолосая женщина с тонкими чертами лица и высокими скулами.

Галина подула на горячий чай, отхлебнула из чашки и ненадолго прикрыла глаза.

– Как вы вообще меня нашли? – спросила Хульда, внезапно осознав, что Галина не должна была знать ее адрес.

Наконец-то непроницаемое лицо ночной посетительницы дрогнуло. Она скривила красивые губы в насмешливой улыбке.

– Все в округе вас знают, госпожа Гольд, – произнесла она, раскатывая на языке букву «р». Хульда заметила акцент Галины еще в их первую встречу. Казалось, в ее почти идеальном немецком дремала полузабытая мелодия, эхо того времени, когда эти губы произносили слова на другом языке.

– Я спросила торговков на площади, знают ли они Хульду Гольд, женщину с черными, как вороново крыло, волосами, и мне сразу указали дорогу. К слову, реакция дам была... довольно сдержанной.

– Неужели?

– Похоже, далеко не все придерживаются о вас такого же высокого мнения, как вы сами.

– Почему вы думаете, что я высокого мнения о себе? – резко спросила Хульда.

– Нужно обладать манией величия, чтобы войти в логово льва и надеяться вернуться оттуда невредимой. Вы очень самонадеянны, госпожа Хульда. Или, быть может, безумны?

Хульда в ярости закусил губу. Что возомнила о себе эта женщина, которая вломилась сюда, пьет ее, Хульды, коньяк да еще и осуждает ее? Что возомнили о себе базарные торговки, которые отзываются о ней столь пренебрежительно? Хульда призадумалась. На самом деле такое случалось не впервые. Матери, чьим детям она помогла появиться на свет, любили ее, мужчины – обожали, однако одинокие молодые девушки часто вели себя сдержанно, даже враждебно. Раньше Хульда никогда не задумывалась о причинах.

– Хорошо, что вы были там и отозвали своего пса, – с вызовом заговорила она. – Вы часто так делаете? Часто играете в эту игру? Педро кого-то бьет, а потом появляетесь вы, как этаким ангел-спаситель?

Галина загадочно улыбнулась.

– Ах, госпожа Хульда... Что мы делаем, а что нет – вас это не касается, понимаете? Мы с Педро давно друг друга знаем и хорошо ладим. Можете сколько угодно шнырять вокруг, это ничего не изменит. Но в будущем вам стоит держаться от нас подальше.

Хульда воинственно вздернула подбородок.

– А не то что?

– А не то вы поймете, что совсем не знаете правила, по которым живет наш мир. Однако смелость – плохой учитель, потому что можно умереть прежде, чем чему-нибудь научишься.

Галина отхлебнула из чашки большой глоток, и Хульда в очередной раз задалась вопросом, какого черта эта женщина делает у нее дома.

– Итак, чем же я могу вам помочь? – вставая, поинтересовалась она.

– Какая интересная формулировка, – отозвалась Галина. – «Помочь». Я бы выразилась иначе: как вы можете отплатить мне за доброту, за свое спасение?

– Выражайтесь как вам будет угодно, – отмахнулась Хульда. Она устала. Пусть эта женщина назовет свою цену, а не ходит вокруг да около, как кот вокруг горячей каши. Хульда хотела побыстрее распрощаться с ночной гостьей. – Как вы, наверное, уже догадались, я небогата, – продолжила она, обводя рукой скудно обставленную комнату. – Мне нечем вам заплатить. Я могу разве что предложить вам свои профессиональные услуги или пообещать своего первенца.

Кровь отхлынула от лица Галины. Она поджала губы, и по бокам носа и рта у нее побежали две глубокие морщинки, придававшие ей возраст.

– В точку, госпожа Хульда, – выдавила она. – Ваш первенец мне ни к чему, но от своего я бы хотела избавиться.

Хульда уставилась на женщину во все глаза, пытаясь осознать услышанное, и вернулась на место.

– Значит, вы в положении, – пробормотала она.

– Да.

– И хотите прервать беременность.

– Верно.

– Почему, можно спросить?

– Нельзя. Но я все равно отвечу: потому что ребенок не от Педро.

Хульда молчала, терпеливо ожидая продолжения.

– Мы с Педро давно знаем, что после его так называемого «лечения», – последнее слово Галина презрительно выплюнула, – он больше не может иметь своих детей.

– А воспитывать чужих в его намерения не входит?

– И снова в яблочко, госпожа Хульда. Голова у вас варит. Так же говорят, верно?

– Да, говорят.

– У вас, немцев, очень странный, обрывистый язык. Он звучит так по-военному, словно вы все время отдаете приказы.

Хульда почувствовала, как в ней снова поднимается раздражение. Как долго эта женщина собирается отнимать у нее время?

– Вы пришли не по адресу. – Хульда встала. Чай внезапно стал горьким, и она вылила его в умывальник. – Да, я помогаю детям появиться на свет, но я не врач. А вам нужно хирургическое вмешательство. Это рискованно: и потому, что опасно для здоровья, и потому, что карается законом. Вас могут отправить в тюрьму. Неужто вы не понимаете?

– Это вы ничего не понимаете, – сдавленным голосом произнесла Галина, и впервые за все время за ее маской высокомерия промелькнул страх. – Если Педро узнает, – добавила она, – то убьет меня. – Она одним глотком допила чай. – Бежать мне некуда. Такой, как я, долго на улицах не протянуть – тем более с ребенком. Тюрьма же представляется мне теплым, даже удобным местом.

Хульда окинула Галину задумчивым взглядом, чувствуя, как к гневу примешивается жалость. Какой бы захватывающей и ослепительной ни казалась жизнь Галины под сенью ночного Берлина, в конечном счете она – зависимая женщина, женщина, которая не научилась стоять на своих ногах. Женщина, которая пытается спасти себе жизнь, потому что совершила ошибку, которую ей не простят.

– Почему вы пришли ко мне? – спросила Хульда. – В вашем мире избавляться от нерожденных детей – обычное дело. У вас наверняка есть нужные связи.

– Вы понятия не имеете, из какого я мира, – с презрением в голосе отозвалась Галина. – А ведь он всего в квартале от вашего, госпожа Хульда. Там меня знают. Все сразу поймут, что произошло. Мне нужен врач, который не имеет отношения к Бюловбогену. – Она тяжело вздохнула. – Иногда мне хочется сбежать, выбраться из этой грязи. Как феникс восстать из пепла, зажечь в каком-нибудь другом месте, стать кем-то другим. Простой Лизой, Лоттой, Марго. Но это невозможно. Я навсегда останусь Галиной. – Потом она вскинула голову, словно

очнувшись, и поняла, что слишком разоткровенничалась. Ее губы побелели. – Что вы так смотрите на меня, госпожа Хульда? Вы поможете мне или нет?

– А отец ребенка никак не может вам помочь?

Галина издевательски рассмеялась, но смех ее был больше похож на рыдание.

– Отец – зависимый от морфина преступник, которого я надеюсь больше никогда не увидеть.

Хульда кивнула. Галина вдруг показалась ей воплощением двуличия этого города. Берлин – калейдоскоп удовольствий, шампанского и разврата, безумного блеска, наркотиков, плотской любви, чего угодно. Но в конечном счете за это всегда кто-то платит. Как правило – женщины, которые, забеременев, перестают быть желанными и становятся уязвимыми. Если они пытаются защититься, то закон наказывает их в соответствии с 218 параграфом Уголовного кодекса Германии. Приговор выносят судьи-мужчины, которые сами никогда не окажутся в таком затруднительном положении.

– Ни в коем случае не ходите к этим коновалам, подпольным акушерам, – уговаривала Хульда, коротко взяв Галину за плечо. Она почти забыла, что эта женщина пришла взыскать с нее долг, потому что решила: если она сможет помочь, то поможет.

Галина кивнула.

– Кажется, вы называете подпольных акушеров творцами ангелов? – Она истерически рассмеялась. – Красиво, вы не находите?

– Нет, – отрезала Хульда. – Они уродуют своих пациенток настолько, что те успевают истечь кровью быстрее, чем ангелы – пересчитать полученные деньги. Вы знаете, как это бывает.

Галина как будто побледнела еще больше, хотя Хульда не думала, что это возможно.

– Тогда что мне делать? – спросила она. От насмешки и злобы в ее голосе не осталось ни следа.

– Я знаю одну женщину, – сказала Хульда. – Я дам вам адрес места, где она принимает. Это на Красном острове, достаточно далеко от Бюловштрассе. Идите туда и ни с кем не заговаривайте, даже когда будете в приемной. Администратору скажете, что пришли на осмотр. Притворитесь счастливой будущей мамочкой. А потом, когда

окажетесь в кабинете у доктора Фишер, скажите ей, что пришли по моей рекомендации. Она поймет, что делать.

– К ней часто приходят такие женщины, как я?

– Возможно, – отозвалась Хульда. В голове промелькнуло воспоминание, размытое и тусклое. – В любом случае, там вам помогут. Вы знаете, какой у вас срок?

– Сегодня ровно десять недель, – сообщила Галина. – Я в жизнь не забуду той ночи и больше никогда не позволю себя одурачить. Я вынесла из этого урок.

Хульда не стала задавать вопросов. На что ей горькие воспоминания незнакомой женщины? Ей достаточно собственного бремени, бремени своих разочарований и обид.

– Хорошо, – только и сказала она, стараясь вести себя как можно деловитее. – В таком случае время еще есть. Но тянуть нельзя, каждый новый день только усугубляет ситуацию.

Галина кивнула. Встала и протянула Хульде пустую чашку. Замешкалась на мгновение, но потом взяла себя в руки и тихо спросила:

– Будет больно?

– Немного, – кивнула Хульда. Ложь легко сорвалась с губ, но при виде облегчения на лице Галины ей стало стыдно. «Всем нам, – подумала Хульда, – приходится проходить через это в одиночку. Некоторые вещи нужно просто пережить».

– Я знаю, что полиция наблюдает за доктором Фишер, – поспешно продолжила она, пытаясь вернуть себе прежнюю деловитость. – Ее несколько раз арестовывали, но всякий раз отпускали за недостатком улик. Однако это еще одна причина действовать быстро. Никто не знает, что может случиться. А других связей у меня нет.

Галина снова кивнула и направилась к двери. Но на пороге обернулась и заявила:

– Женщины на базарной площади – глупые гуси.

Хульде показалось, что Галина подмигнула, перед тем как отодвинуть засов и выскользнуть за дверь.

Через открытую щель в комнату ворвался ветерок, запахло прохладным утренним воздухом и угольной печью на кухне у госпожи Вундерлих. Хульда решительно закрыла дверь и со вздохом упала на кровать, чтобы еще немного поспать.

Глава 30

Понедельник, 12 июня 1922 года

Хульда сквозь серые сумерки шла по улице Маассенштрассе, направляясь в сторону канала. Тонкие волоски у нее на руках стояли дыбом, словно ощущая невидимую угрозу. Гнетущее чувство не отпускало, хотя этот район отличался красотой и богатством. Здесь, к северу от украшенной куполом площади Ноллендорфплац, через которую проходила железная дорога, глаз радовали красивые многоквартирные дома и особняки с роскошными садами. В этом районе селились богемные художники и богатые предприниматели, желающие жить в центре, но поближе к природе. На мгновение Хульда подумала о Феликсе и его новой девушке – оба подходили этому месту. Неужели они поженятся и сошьют себе гнездышко в одной из здешних вилл, которую купят на родительские деньги? А во время церемонии бракосочетания отец невесты со своими приспешниками из «шайки головорезов», как Берт называет эту новую националистическую партию, выстроятся «живым коридором» и будут приветствовать брачующихся?

Хульда выбросила эту мысль из головы и ускорила шаг, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на бег.

Позади оставалась площадь Люцовплац. Сегодня никто бы не подумал, что в прошлом столетии там находилось хранилище угля. После того, как на рубеже веков Люцовплац мостом соединили с Тиргартеном, зеленым сердцем Берлина, она превратилась в тщательно ограненный драгоценный камень. Посреди возвышался фонтан Геркулеса, а вокруг зеленели скверики и лужайки. За площадью проехал трамвай, Хульда слышала стук его колес. Она прошла чуть дальше и оказалась под густой сенью деревьев, тянувшихся вдоль набережной.

Хульда сознательно выбрала этот путь. Она хотела другой дорогой подойти к берегу, где на нее напали. Может, отсюда удастся заметить что-нибудь такое, что прольет свет на случившееся. Больше всего Хульде хотелось проверить велосипед – без своего железного коня она

была как без рук. Феликс написал, что велосипед пропал, но она должна была убедиться в этом лично.

Хульда два дня не решалась сюда вернуться. Почему? Неужели она, Хульда Гольд, боялась? Боялась забрать вещь, которая принадлежит ей по праву? «Велосипед, конечно, вряд ли найдется», – с горечью подумала она. Наверняка сейчас кто-то гоняет на нем по улицам, наслаждаясь ощущением ветра в лицо и не подозревая, какую трагедию переживает его хозяйка. Чтобы накопить на новый велосипед, ей придется принять столько родов и выписать столько счетов, что даже представить страшно.

Добравшись до места, Хульда с раздражением поняла, что у нее дрожат коленки. К счастью, сегодня кроме нее на набережной были и другие люди.

Хульда глубоко вздохнула, сошла с дороги и, пробравшись через заросли, спустилась к воде. Она лихорадочно зашарила глазами траве, но велосипеда и след простыл. Хульда прекрасно помнила, где его оставила, но все равно прошлась вдоль берега, искала за деревьями. Без толку.

«Что ж, мечтать не вредно», – подумала Хульда и разочарованно вздохнула. Похоже, тот, кто ее ударил, украл велосипед. Неужели это было ограбление? Для многих людей велосипед – непозволительная роскошь, и на черном рынке за него можно получить немалые деньги...

Мысль о том, что за нападением стоит не Педро и не один из его головорезов, а какой-нибудь бедняк, который теперь раскатывает по городу на краденом велосипеде или гуляет на вырученные за него деньги, принесла Хульде невероятное облегчение.

Конечно, она все равно расстроилась. Цены постоянно растут, как тут купить новый велосипед? Чтобы добираться до пациентов, придется пересесть на метро и омнибус. Хульда страдальчески вздохнула, представив, сколько времени и денег потратит. К тому же эти способы передвижения не славятся ни надежностью, ни пунктуальностью.

На крыши опустился вечер, и прохладный, чуть влажный воздух принес толику покоя в это место, с которым у Хульды были связаны тяжелые воспоминания. Густые зеленые кусты жались к берегу, плакучая ива опустила свои длинные ветви в воду, словно

склонившись в глубоком царственном поклоне. Наперебой щебетали жаворонки и горихвостки, как будто хотели вдоволь напеться, прежде чем ночь заставит их замолчать.

Глубоко задумавшись, Хульда побрела по набережной. Справа осталось красивое здание рынка на Магдебургерплац, откуда, несмотря на поздний час, доносился божественный аромат кофе.

Через некоторое время Хульда дошла до пересечения с Потсдамерштрассе. Следовало свернуть и двинуться на юг, в сторону дома, но девушка продолжала идти вдоль канала. Она не знала, что за неведомая сила манит, тянет ее вперед, словно взяв за руку.

Когда Хульда проходила под путями, над головой чередой светящихся желтых окон промчался поезд. А потом из сумерек загадочным обещанием выплыл Кетенский мост.

Хульде захотелось посмеяться над своими мыслями, но в то же время сердце ее забилось быстрее. В прошлый раз она встретила здесь Карла. Уже тогда казалось, что их судьбы каким-то странным образом связаны с этим местом. Здесь погибла незнакомая женщина, чья смерть и свела их вместе. Неужели Карла тоже влекло к мосту? Интересно, хотел ли он увидеть Хульду снова?

«Хватит думать о глупостях!» – ругала она себя.

Хульда все еще не рассказала Карлу о том, что узнала. Еще один звонок в полицейское управление успехом не увенчался, и тихий, противный голосок внутри шептал: «Хватит за ним бегать!» Она позвонила, теперь черед Карла сделать свой ход.

На набережной было пусто. Постепенно сгущались сумерки, и где-то вдали, за деревьями, фонарщики уже зажигали первые фонари. Хульда скользнула взглядом по берегу – как и в прошлый раз, когда была с Карлом.

«В тот вечер в зарослях лежала кепка», – вспомнила она. Теперь ее не было.

Галька громко хрустела под ногами. Хульда подбежала к мосту и коснулась железных перил. Львы скалили зубы, олень пасся на лугу, склонив могучие рога, а медведь стоял на задних лапах и как будто пританцовывал. Знакомые фигуры животных казались незнакомыми – темнота искажала реальность.

– Госпожа Хульда.

Сердце пропустило удар. На секунду Хульда подумала, что это Карл подкрался к ней на цыпочках, чтобы напугать. Но голос Карла был глубоким и плавным, а этот – грубым, ломкий, срывающийся на петуха.

Неужто она подвергла себя опасности? Снова? «До чего же я глупа», – злилась на себя Хульда, медленно поворачиваясь.

На мосту стояла высокая фигура. Жилистые руки плетью висели по сторонам, словно их владелец не знал, куда их деть. Стемнело, солнце превратилось в тонкую полоску на горизонте, и Хульде пришлось прищуриться, чтобы что-то разглядеть. Она понимала только, что перед ней мужчина, но уже через несколько секунд узнала паренька, которому на днях одолжила велосипед возле дома Лило. Грудь наполнилась облегчением.

– Добрый вечер, – произнесла Хульда с неприкрытой радостью в голосе. Подумать только, так перепугаться из-за встречи с ребенком!

Хульда собиралась спросить, что паренек здесь делает, но запнулась: у подножия моста что-то поблескивало. В следующую секунду луна бледным диском вырвалась из-за облаков, осветив черную воду и металл спиц. «Это мой велосипед!» – поняла Хульда! Он был небрежно брошен на землю, переднее колесо еще вращалось – все медленнее и медленнее, пока не остановилось.

Хульда посмотрела на паренька. Тот наблюдал за ней с отстраненным интересом, как за мухой, ползущей по оконному стеклу. Хульда почувствовала, как по коже холодком скользнул ужас.

– Вот, потерял, – сказал мальчик своим ломающимся голосом и вытащил из кармана желтую кепку. Нахлобучил на светлые волосы, посмотрел на Хульду и подмигнул. – Вы тоже кой-чего потеряли, верно?

«Мозги, судя по всему», – подумала Хульда и удивилась тому, что, несмотря на липкий страх, она еще умудрялась острить.

Вслух она сказала:

– Это ты украл мой велосипед!

– Думал, он вам больше не понадобится, – пояснил паренек и тихо рассмеялся, словно хорошей шутке.

Хульда решила не спрашивать, что он имеет в виду.

– Кто ты такой?

– Вы ж меня знаете.

– Мы виделись несколько раз, но твоего имени я не знаю.

– Я Эдди, – представился паренек так, словно это было очевидно.

Эдди? Мысли разбежались, как разъяренные муравьи, а потом сошлись в одну точку. Эдди. Брат Лены. Младший брат, почему-то решила Хульда, хотя паренек был на добрую голову выше своей сестры.

– Сколько тебе лет? – поинтересовалась она.

– Шестнадцать недавно стукнуло, – сообщил Эдди, ковыряя в носу. Потом вытащил козявку и пульнул двумя пальцами в сторону.

Мысли Хульды понеслись дальше. Эдди выглядел по меньшей мере на два года старше, чем ему было на самом деле. В голове всплыли слова Лены: «Эдди помогает разгружать товары».

«Ну конечно! – вспомнила Хульда. – Я уже видела его раньше, на Бюловштрассе. Безымянный уличный мальчишка, таскавший пивные бочонки. Один из многих». Хульда украдкой взглянула на руки Эдди – под рваной рубашкой проглядывали мышцы, хотя пузыри из слюней он выдувал совсем по-детски.

Хульда почувствовала, как язык вдруг стал сухим, будто наждачная бумага, и прилип к небу. Паренек силен, он с легкостью может задушить ее своими лапищами.

«Нужно успокоиться», – велела себе Хульда, когда страх холодными пальцами сдавил горло, не давая дышать. Нужно выиграть время и понять, чего Эдди от нее хочет.

– А вы хорошенькая, – заговорил паренек, делая шаг к ней. Хульда попятилась и уперлась спиной в железные перила. Только теперь она заметила, что на другой стороне моста перила украшены рептилиями и ракушками.

Эдди стоял прямо перед Хульдой. Он протянул к ней руку и с удивительной осторожностью погладил по волосам.

– Разве Лена не говорила вам поостеречься?

– Говорила, – тихо ответила Хульда и уставилась на паренька так, словно малейшее его движение могло стоить ей жизни. – Но почему?

– Вы так и не поняли? – спросил Эдди. В вопросе послышалось легкое нетерпение. – Не стоит лезть в наши дела.

– Я и не знала, что куда-то лезу.

– Ну да, как же. Шныряете по округе, задаете свои вопросики. Достали по горло!

– Почему? Тебе-то какое дело? – Хульда решила, что будет строить из себя дурочку. Если удастся убедить Эдди, что она ни о чем не догадывается, то все обойдется.

Но паренек тут же разрушил этот план.

– Рита, – сказал он так, словно это все объясняло.

– Почему она умерла? – спросила Хульда и тут же испугалась. Вопрос был слишком прямым, а она не хотела загонять Эдди в угол.

Но он оставался невозмутим. Выудив из кармана окурок, который, скорее всего, подобрал на улице, паренек привычным движением щелкнул серебряной зажигалкой – явно не своей – и прикурил. Затянулся и пустил дым Хульде в лицо.

Она жадно вдохнула, мечтая закурить. Быть может, тогда судорожно сцепленные за спиной руки перестали бы наконец трястись.

– Рита была плохим человеком, – сообщил Эдди.

Хульда затрясла головой.

– Неправда! Я слышала о ней только хорошее. Рита заботилась обо всех вокруг. Даже твоей сестре помогала. Рита была несчастной женщиной, Эдди, не более того.

На протяжении этой пылкой речи паренек качал головой из стороны в сторону – медленно, без остановок. Можно было подумать, что у него припадок. Потом он резко остановился, выбросил докуренный до самого фильтра окурок через парапет и уставился на Хульду.

– Нет, Рита хотела, чтобы все так думали. Но я знаю правду. Она была злая. Она была убийцей.

– Убийцей? – удивленно переспросила Хульда, позабыв о страхе, и обратилась в слух. – Ты о чем?

– Она убила моего отца.

– Что? Ты уверен?

– Конечно, уверен, госпожа Всезнайка. Вы меня что, за дурака держите? – Эдди взял Хульду за плечи – осторожно, почти нежно, но она знала, что это в любое мгновение может измениться.

Хульда торопливо покачала головой. Она ощущала запах его пота.

– Отпусти меня, Эдди, – велела она, стараясь говорить как можно тверже, хотя его прикосновения вызывали дрожь.

– Нет, – ответил он без злости, но непреклонно, и Хульда с кристальной ясностью поняла, что ей не сбежать. И что у этого

большого ребенка, похоже, не все в порядке с головой.

– Что случилось с твоим отцом? – спросила она, пытаясь выиграть время. – Лена сказала, что он погиб на войне.

– Тоже верно. Но не так, как вы думаете. Отец не был героем, он умер не на поле боя. Врачи убили его.

– Какие врачи?

– Которые в лечебнице. Они сказали, отец сошел с ума, и били его током, пока не помер.

Хульда поразилась равнодушию, с которым паренек произнес эти слова. Сама история звучала на удивление правдоподобно. Хульда слышала о случаях, когда после электрошоковой терапии пациенты умирали или получали такие травмы мозга, что больше никогда не становились прежними. Неужто отца Эдди и Лены постигла такая судьба?

– Но при чем тут Рита? – спросила Хульда и через мгновение сама поняла ответ на свой вопрос. Далльдорф. Ну конечно! Захотелось дать себе затрещину, чтобы голова варила побыстрее.

– Неужели в Далльдорфе лечили солдат? – спросила она, позабыв об опасности, в которой находилась.

– В Далльдорфе? Нет, отец умер в госпитале под Бранденбургом.

– Как Рита оказалась в Бранденбурге?

– А мне почему знать? Но она там была. И это она во всем виновата!

– С чего ты взял?

Эдди посмотрел Хульде в лицо. Глаза у него были большие, круглые, похожие на блестящие шарики.

– Рита сама сказала.

– Что? Кому?

– Лене. Та пришла к ней. Мы знали о Рите, потому что отец однажды прислал маме письмо... На Рождество это было, мне тогда только десять исполнилось. Вскоре отец умер. Мы так и не повидались.

– Что было написано в письме?

– Что в лечебнице отца мучают, ему плохо, он боится умереть. И что есть там одна медсестра, которая за ним приглядывает. Ангелочек Рита.

Эдди фыркнул, и Хульда почувствовала, как его пальцы с силой впились ей в плечи. Она лихорадочно пыталась придумать, чем бы отбиться, но вокруг были лишь пустой мост, шумящие деревья и луна, которая бледным диском болталась на черном небе, то и дело исчезая за надвигающимися дождевыми тучами.

Эдди продолжал:

– Когда пришла весточка о смерти, мать закричала. Она кричала всю ночь, пока не пришел врач. Этот же врач вернулся через три месяца, когда мать умерла и окоченела. Мы с Леной остались совсем одни.

Эдди невидяще смотрел на Хульду, взгляд его стал отстраненным, словно в памяти проплывало прошлое. Хульда как наяву увидела перед собой двоих осиротевших детей, чья мертвая мать покоилась на единственной в доме кровати. Этих детей в будущем ждали пустота, голод и ненависть. Хульда сглотнула вставший в горле ком.

– И Рита сказала твоей сестре, что убила вашего отца?

Эдди медленно кивнул. Он почесал голову под кепкой, и Хульда подумала, что он выглядит как самый обычный мальчишка, который не может оценить свои силы. Но она знала, что это не так.

– У нас было ее имя. Мы хотели отыскать ее, чтобы узнать, что случилось с отцом. Каждый вечер Лена говорила, что мы ищем Риту потому, что она и наш ангелочек тоже. Мы мечтали, что Рита позаботится о нас, потому что любила отца... – Эдди остановился. – Мы нашли ее, и все, что мы знали, оказалось ложью! Она все разрушила. Если бы не Рита, отец остался бы еще жив, у нас был бы дом и еда...

– Что Рита сказала?

– Что это она держала отца, когда его били током. Врачи сказали, это для его же блага. Рита держала отца за руки, когда доктор Фридберг повышал силу тока. Этот шарлатан прикончил моего отца, но Рита ему помогла. Она была, как дворовая псина, когда рассказывала о случившемся. Она сказала, что предала отца. Я тоже так думаю. Она получила по заслугам.

Хульда ничего не ответила. У нее в мыслях царил хаос. Этот паренек, похоже, искренне верил, что Рита заслуживала смерти и что смерть ее была неотвратимой, как закон природы, ради которого можно закрыть глаза на законы людей. Хульда понимала его. Что

сделало государство для этих детей? Они были лишь щепками после рубки леса. Война пережевала их и выплюнула, оставив погибать.

– Правильно Лена говорит: Рита должна была умереть... – продолжал Эдди.

Хульда судорожно втянула воздух и выдавила:

– Неужели это Лена все придумала?

Эдди уставился на нее как на умалишенную.

– Ну конечно. Из нас двоих Лена главная. Я делаю то, что она велит. И она всегда права. Ну, почти всегда. – Он смерил Хульду недобрым взглядом. – Мы не могли решить, что с вами делать, и крупно повздорили. Из-за вас, да.

Хульда знала, что должна бояться Эдди, должна бояться угрозы, которая прозвучала в его ломком голосе. Этот паренек непредсказуем, и она в его руках. Но, в конце концов, Эдди – просто потерявшийся ребенок. Хульда вспомнила беседу, которая состоялась у них с Бертом. С тех пор прошел всего день, но казалось, что намного больше. Сейчас они с Эдди словно попали в прошлое, во времена войны, которая так или иначе погубила несметное множество жизней.

– Значит, это ты убил Риту?

– А вы сами как думаете? – отозвался Эдди так беспечно, словно речь шла о погоде.

На ум по необъяснимой причине пришли строчки из одного стихотворения. Они всплыли в памяти так ярко, что Хульда невольно прошептала:

– Иногда на сердце камень, а в глазу дрожит слеза, и болтаю я ногами, и смотрю я в никуда...

В сгустившихся сумерках ее голос прозвучал странно, потусторонне.

– Я знаю это стихотворение, – отозвался Эдди. – Мать часто читала нам его.

Он, похоже, ни капельки не удивился тому, что Хульда читает стихи, стоя на безлюдном мосту с человеком, который только что признался ей в убийстве.

– Неужели вы с Леной не могли простить Риту?

– Простить? – Паренек снова посмотрел на нее как на умалишенную. – Только слабаки прощают.

«Феликс недавно сказал что-то похожее», — с удивлением вспомнила Хульда и задумалась.

— Мне очень жаль твоих родителей, — заговорила она, осторожно подбирая слова. — Но ты должен сдать полицию. Если объяснишь, что произошло, то, может, отделаешься малой кровью.

В первую секунду Хульда подумала, что паренек затрясся в рыданиях, но потом поняла: он смеется. Хватка на ее плечах стала сильнее.

— До чего же вы глупая, — отсмеявшись, сказал Эдди. — Лена говорит, что вы хорошая женщина и что я должен оставить вас в покое. Но сегодня я послушаюсь сестру.

С этими словами Эдди молниеносно схватил Хульду за шею и сжал. Стало больно, Хульда больше не могла дышать. Спокойствие, охватывавшее ее несколько мгновений назад, сменилось смертельным страхом, который иголками пробежал по рукам. Она недооценила Эдди. Перед ней не ребенок, а озлобленный, разочарованный юноша, для которого человеческая жизнь ничего не стоит. Юноша, который ведал только страдания.

Но трудно испытывать жалость к тому, кто сжимает тебе горло. Хульда извивалась, пытаясь вырваться и хватая ртом воздух. Потом перед глазами замелькали мушки, и она из последних сил дернула коленом, пытаясь ударить Эдди в промежность.

Она попала, Эдди взревел ломким басом, его хватка на мгновение ослабла. Не успел он опомниться, как Хульда нырнула у него под рукой и перегнулась через перила моста.

И во второй раз упала в темную воду канала.

Было невысоко, метра три-четыре, но падение показалось Хульде вечностью. Потом она с громким всплеском плюхнулась в холодную воду, отчего у нее перехватило дыхание. Кашляя и отплевываясь, Хульда испуганно завертела головой, пытаясь понять, прыгнул ли Эдди следом. Но он черным силуэтом стоял на мосту, все еще слегка согнувшись после удара.

Эдди посмотрел на нее и тихо сказал:

— До свидания, госпожа Хульда.

Хульду охватило ощущение абсурдности происходящего, потому что это прозвучало так, словно они пожали друг другу руки и разошлись. Лица Эдди не было видно, и нельзя было понять, вложил

ли он в свои слова угрозу или нет. Хульда дрожала всем нутром, тяжело дышала, оплевывалась и барахталась в воде, которая в темноте казалась такой же черной, как смола. Промокшая одежда липла к телу и тянула ко дну.

Хульда закрыла глаза, стараясь не думать о Рите, которая, должно быть, утонула на этом самом месте несколько недель тому назад. Она боролась с заполнившими голову образами и охватившим ее страхом. Нет, она не утонет, не станет очередной жертвой этого обезумевшего парнишки.

Она решительно отвернулась и, стараясь дышать ровно и спокойно, с величайшим трудом сняла туфли, которые грозили утянуть ее на глубину. На этот раз Феликс не сможет их вернуть. Затем Хульда поплыла – прочь от Кетенского моста, прочь от убийцы Риты.

«В том, что Эдди вырос без отца, есть один плюс, – с горечью думала она, зубы у нее стучали от холода, и этот стук оглушительно звенел в голове. – Никто не удосужился научить его плавать».

Глава 31

Выдержки из дневника

Психиатрическая лечебница Далльдорфа, Берлин
19 марта 1921 года

Давненько я ничего не писала, а теперь кручу в пальцах перьевую ручку Конрада и не знаю, что написать. Передо мной страницы – пустые, как песок, по которому никто не ходил. Моя жизнь так же пуста, и меня бросает по ней, как бочку по волнам.

Я их потеряла. Говорят, время лечит все раны, но мои раны никогда не затянутся. Хильда. Конрад. Иногда я произношу их имена вслух, но лиц, лиц их я больше никогда не увижу. Говорят, после смерти нас ждет воссоединение с близкими, но я не могу в это поверить. Думаю, после смерти нас милосердно поглощает большое черное ничто.

Я не могу перестать думать о том, что это мое наказание. Наказание за страдания, которые мы причинили – и продолжаем причинять – пациентам в Далльдорфе. Долгое время я искренне верила, что мы спасаем людей, но за последние годы я столько всего повидала, что потеряла веру. Эта страна полна сломленных душ, полна людей, потерявших рассудок. Спасения нет.

Уже три года как я вернулась в Далльдорф. После войны лазареты позакрывали, а пациентов распределили по лечебницам или объявили «излечившимися» и отпустили. В научно-исследовательских клиниках, в первую очередь – «Шарите», появились настоящие методы лечения душевнобольных. Тамошние пациенты часто идут на поправку, и их выписывают. В Далльдорф же приезжают, чтобы остаться навсегда.

Город не в состоянии нести ответственность за всех бедных и больных, поэтому многих из них отправляют в сельские лечебницы для душевнобольных. Несмотря на то, что после образования Большого Берлина Далльдорф стал считаться частью города, к нам по-прежнему ссылают неизлечимо больных, обездоленных и беднейших из бедняков со всей округи. Виттенау, конечная. Дальше поезд не идет. Мы держим здесь людей, но лишь немногим из них можем помочь.

Директор Кортум позаботился о том, чтобы лечебницу модернизировали. Теперь у нас электрическое освещение, большая современная кухня и канализация. Время вонючих сточных вод, отводимых на поле, закончилось. Однако отремонтированные здания, новые сверкающие станки – все это кажется мне издевательством, учитывая холодность, с которой врачи и медсестры обращаются с больными. Такое ощущение, будто механизация отчасти виновата в том, что уход за пациентами тоже стал каким-то... механическим. Врачи прикладывают все меньше усилий, чтобы их исцелить. Отдельная человеческая жизнь ничего не стоит, и пациенты, умершие от голода в военное время, наглядно это доказывают. Я слышала, как один врач сказал, что они умерли, потому что были недостойны, и что их смерть помогла выжить здоровым. Куда заведут нас эти мысли? Я считаю такую точку зрения верхом цинизма, чего не скрываю. Надо ли говорить, что в лечебнице меня не очень любят?

Вчера директор Кортум вызвал меня к себе. Я ожидала этого. Коллеги давно от меня отвернулись, они сплетничают у меня за спиной, и я не могу их винить. Я – глубоко несчастная женщина, и от выпивки, к которой я давно пристрастилась, у меня дрожат руки. Но без бутылки мне не прожить и дня.

Директор Кортум сразу перешел к делу. До него дошли разговоры о том, что я не могу выполнять свою работу. Я опасна для себя и для окружающих. Поэтому ему не остается ничего другого, кроме как уволить меня. Потом он спросил, понимаю ли я его. Интересно, он правда ожидал от меня понимания и прощения? А ведь он прекрасно знает, что я отдала лечебнице годы жизни и что увольнение станет моим концом. Но мне стало его жаль, он тоже постарел и сгорбился. Поэтому я просто кивнула и ушла.

Мне страшно. Что будет дальше? Однако в глубине души я испытываю облегчение от того, что мне больше не придется садиться утром на поезд и ехать в лечебницу. Теперь и этому конец, а значит, из-за меня больше никто не пострадает.

Глава 32

Понедельник, 12 июня 1922 года

Карл стоял перед театром на Ноллендорфплац и курил, устремив взгляд на темные деревья. Запоздавшие капли дождя стучали по его шляпе. Внутри театра, за богато украшенным фасадом, находился отделанный красным деревом Моцарт-холл, который служил кинотеатром.

Сегодня на вечернем сеансе показывали «Заклейменных». С тех пор, как кинотеатр выкупил Ганнс Бродниц, кроме голливудских фильмов здесь начали крутить картины не для массового зрителя, поэтому последние два часа Карл провел в распадающейся царской России, раздираемой историческим прошлым и современным настоящим. Герои, брат и сестра, поддерживали революцию и боролись против бедности и антисемитизма. Кинотеатр предлагал зрителям путешествие в мир кино, поэтому билетерши в Моцарт-холле были одеты так, словно вышли из средневекового русского трактира.

Фильм произвел на Карла неизгладимое впечатление: музыка и глубокие образы преследовали его даже тогда, когда он, выбросив окурок, медленно направился в ночь, которая густела с каждой минутой.

Темноглазая актриса, сыгравшая сестру Аннушку, напомнила ему Хульду, хотя глаза у Хульды были куда светлее, а волосы – короче. Но от взгляда, которым Аннушка смотрела на своего возлюбленного, Карл покрылся мурашками. Поэтому он даже не удивился, когда ноги сами привели его на Винтерфельдтплац.

Беспокойство стучало, как обезумевший часовой механизм, и подгоняло Карла вперед. Он снова и снова перечитывал записи из дневника Риты Шенбрунн, снова и снова рассматривал их под разным углом, как шкатулку с двойным дном, словно искал какой-то скрытый смысл. Мертвый молодой солдат. Страдания от Великой войны тянулись из прошлого в настоящее. Отец, который никогда не вернется к детям, потому что честолюбивый врач поджарил беднягу, как кусок мяса. Рита. Рита Найтингейл, добрая душа, она держала пациента за руку до самой его смерти.

«Проклятье!» – подумал Карл, дрожащими пальцами закуривая очередную сигарету. Ему хотелось побыстрее покончить с этим расследованием. Почему он не может оставить прошлое в покое? Какое ему дело до женщины, которой не было дела до него?

Признаться, Карл немного завидовал детям из дневника – у них был отец, они могли его оплакать. А Карл даже не знал имени своего отца, который, скорее всего, и не подозревал о его существовании.

Карл вдохнул прохладный ночной воздух и, опустив голову, бесцельно зашагал вперед.

Страх невидимой рукой погладил по затылку. Что-то в дневнике Риты не давало Карлу покоя. Он чувствовал, что что-то упустил... Потом Карл снова подумал о Хульде, о ее ясных глазах, которые смотрели так обиженно, когда он запретил ей заниматься расследованием... Но гордости этой женщине не занимать, поэтому кто знает, последовала ли она его указаниям? И почему она несколько раз звонила в полицейское управление? Секретарь сообщила Карлу о том, что некая госпожа Гольд хотела с ним поговорить, но сообщения не оставила. У Хульды не было телефона, Карл даже не знал ее адреса... Знал только, что она живет где-то здесь.

Он в нерешительности остановился и огляделся по сторонам. Вечер понедельника, улицы медленно пустели. На площади почти никого не было. В уголке, где в базарный день, наверное, стоит булочник, ругались из-за последних крошек несколько голубей. Но вот круглый киоск, где продавались газеты, он один был еще открыт. Теплый свет маленькой газовой лампы освещал витрину.

– Добрый вечер, – сказал Карл, подходя ближе.

Импозантный старик за прилавком повел роскошными усами и расплылся в подобострастной улыбке опытного продавца.

– Добрый вечер. Чем могу служить?

Чтобы выиграть время, Карл принялся изучать заголовки и фотографии на первых страницах газет. Наконец он остановился на выпуске «Фоззише цайтунг» и вытащил из кармана горсть монет. Передал продавцу и с деланным равнодушием поинтересовался:

– Вы случайно не знаете госпожу Хульду?

– Возможно, – ответил старик и застегнул жилет так, словно захлопывал перед Карлом дверь.

– Так знаете или нет?

– Это зависит от того, кто спрашивает.

Карл изумленно вытаращился на старика, чья улыбка под усами сменилась серьезным, настороженным выражением.

– Меня зовут Карл Норт, – представился он и по привычке чуть было не добавил «комиссар уголовной полиции», но вовремя придержал язык. Ему казалось неразумным упоминать свою должность, когда речь шла о делах частного характера. «Очень частного», – подумал Карл и коротко зажмурился, на секунду вспомнив прикосновение губ Хульды.

Как ни странно, его собеседник снова улыбнулся – скупое, сухо, но улыбнулся.

– Вот вы, значит, какой. – Он посмотрел на Карла, словно говоря: «Выкладывай, что у тебя на уме».

Карл глубоко вздохнул. Значит, Хульда о нем рассказывала? Это хорошо или плохо?

– Вам известно, где она живет? – спросил он, чувствуя себя юнцом, который пришел к отцу понравившейся девушки и просит разрешения с ней погулять. Карл мысленно вздохнул. В прошлом такие вещи всегда давались ему с трудом, и даже сегодня он чувствовал себя неловко и глупо. Поначалу представительницы прекрасного пола «клевали» на его внешность, но после первого же разговора предпочитали держаться подальше, словно от него разило дурным запахом.

Карл не удивился, когда собеседник сказал:

– Будь вы на моем месте, дали бы незнакомому мужчине адрес одинокой девушки?

Карл сокрушенно покачал головой.

– Вы правы. Просто... – Он замешкался, опустил взгляд на носки ботинок. – Мне нужно срочно с ней увидеться. Можно сказать, речь идет о жизни и смерти.

Продавец газет рассмеялся – тихо, коротко, но этого хватило, чтобы Карл смутился.

– Вы, современная молодежь, так любите преувеличивать! Все у вас срочно, вечно вы спешите сломя голову. Куда же делись старые добрые времена, когда мужчины терпеливо и с достоинством ухаживали за женщинами?

Карл чувствовал, что щеки заливает жар, но надеялся, что в тусклом свете этого не видно. На всякий случай он немного отодвинулся от газового фонаря.

– Вы неправильно меня поняли, – холодно сказал он, стараясь, чтобы прозвучало не как отговорка, и придав голосу возмущенные нотки: – Мы с госпожой Хульда работаем вместе над одним делом.

– Могу себе представить, – пробормотал старик, с улыбкой поглаживая усы. – Дайте угадаю – госпожа Хульда всегда на шаг впереди вас?

– С чего вы взяли?

– Мой дорогой, я знаю госпожу Хульду намного дольше, чем вы. Уверяю вас, никому не под силу за ней угнаться!

– Но она понятия не имеет, что делает! – воскликнул Карл, сам удивляясь волнению, прозвучавшему в его голосе. Он словно только сейчас осознал, в какой опасности находится Хульда. Что она недавно говорила об этой уличной девице, Лене? «У меня такое чувство, что она ищет моего общества...»

Карл ударил себя по лбу, потом рывком наклонился вперед и схватил ошеломленного продавца газет за грудки.

– Я должен немедленно ее увидеть! Меня не волнует, дразните вы меня или правда сомневаетесь в моих намерениях, но если Хульда вам хоть чуточку дорога, скажите, где ее найти!

Он почувствовал, как по нему прошелся оценивающий взгляд, и мысленно взмолился о том, чтобы пройти эту проверку.

Наконец продавец газет ответил:

– Судя по всему, у бедного Феликса нет ни малейшего шанса.

– Что?

– Ничего-ничего. Не обращайтесь внимания на старческую болтовню. – Он указал на улицу, которая отходила от площади. – Вам нужен дом 34 по Винтерфельштрассе. Свернете направо, пройдете еще несколько домов – и вы на месте. Хульда живет в комнате под крышей. Но постарайтесь не попадаться на глаза квартирной хозяйке: госпожа Вундерлих женщина строгих нравов, она неодобрительно отнесется к посещению мужчины.

Сунув газету под мышку, Карл смущенно поблагодарил старика. Тот внимательно посмотрел на него и мрачно сдвинул кустистые брови.

– Вы уж не обижайте нашу госпожу Хульду. И позаботьтесь о ней как следует.

Слова прозвучали почти угрожающе, поэтому Карл послушно кивнул. Затем приподнял шляпу и зашагал в указанном направлении.

Но стоило ему добраться до дома Хульды, в окнах которого не горел свет, как смелость дала трещину. Оглядев безлюдную улицу, Карл присел на крыльцо и закурил. Глубоко вдохнул и, наблюдая за поднимающимися вверх струйками дыма, подумал, что вряд ли сможет выполнить просьбу старика. Что значит «позаботиться»? Чего Хульда от него ждет? Этот человек, продавец газет, знает о Карле и о том, что между ним и Хульдой что-то происходит. Что она успела наговорить окружающим после всего лишь одного поцелуя?!

Карл почувствовал, как внутри поднимается легкое раздражение. «Я ничего не могу ей обещать!» – подумал он и затаился так глубоко, что закашлялся. Он – человек, которого кидает из стороны в сторону, изуродованный внутри калека. Что он может предложить? Боже правый, неужто в наши дни одинокий мужчина не имеет права немного повеселиться без того, чтобы его осудила половина города?

Карл возмущенно фыркнул и в то же время подумал, что лжет самому себе. Когда речь шла о Хульде, ему хотелось большего, чем «повеселиться». Но почему же сейчас его тянет уйти, поймать таксомотор и уехать домой, где Хульда его не найдет?

Внезапно Карл разозлился. Гнев изогнутым когтем схватил его за горло, лишая воздуха. Карл поднялся так поспешно, словно хотел броситься бежать, повернулся – и выронил недокуренную сигарету.

В темноте улицы перед ним стояла Хульда.

– Что вы здесь делаете?

Ошарашенный тон звучал не очень многообещающе. Карл проклинал себя за то, что не ушел пятью минутами раньше, – и одновременно испытывал неудержимое желание прикоснуться к этой женщине. Он взял ее за плечо и тут же отдернул руку.

– Вы мокрая до нитки!

– Не исключено.

– Не исключено? – переспросил Карл. – Что это за ответ такой? Почему вы разгуливаете по городу в мокрой одежде? – Внутри снова вспыхнуло беспокойство.

– А вам какое дело? – с вызовом посмотрела на него Хульда. В свете фонаря ее глаза жгуче блестели.

И снова Карл почувствовал ту смесь гнева и желания, которая сводила его с ума. Не думая и не давая Хульде возможности что-то сказать, он схватил ее и притянул к себе. Поначалу Хульда сопротивлялась, но через несколько секунд обвила руками его шею и поцеловала так, словно их предыдущий поцелуй был всего лишь обещанием большего.

«Наконец-то! – только и смог подумать Карл. – Наконец-то!»

Он крепко обнимал Хульду, чувствуя, как ее мокрое платье липнет к его рубашке, холодя кожу, но ему было все равно. Держать Хульду в объятиях – вот что сейчас казалось жизненно необходимым. От нее пахло летом и теплой, несмотря на мокрую одежду, кожей. Чуть дальше по улице звякнуло стекло, и Хульда застыла. Потом отстранилась и, скользнув взглядом по окнам на втором этаже, тихо потянула Карла к парадным дверям. Впустила внутрь и, приложив палец к губам, прошептала:

– Ни звука.

Карл подчинился. То, что Хульда перехватила инициативу, почему-то казалось само собой разумеющимся. Она жестом попросила его разуться, и только тогда Карл заметил, что сама она босиком. В одних носках он крадучись последовал за ней наверх по темной лестнице. Хульда не включала свет. Перед одной из ступенек она предостерегающе подняла руку, показывая, что через нее нужно перешагнуть. Видимо, уж очень скрипела.

На самом верху лестницы Хульда вытащила из декольте ключ, висящий на шнурке на шее, отперла дверь и втокнула Карла, который едва осмеливался дышать, внутрь комнаты. Потом бесшумно задвинула щеколду и зажгла газовую лампу, что стояла на низеньком комод.

Карл огляделся. Комната была скромной, но аккуратной. Скошенные стены придавали ей ощущение уюта и защищенности. Кровать – латунный каркас с матрасом – была заправлена красивым вышитым покрывалом. У стены стоял большой темный платяной шкаф, в дверце которого находилось зеркало. Зеркало смотрело на Карла слегка искаженным отражением, и он машинально провел

рукой по помятым брюкам, тщетно пытаюсь их разгладить. Потом торопливо снял шляпу и повесил на крючок у двери.

Хульда сказала:

– Нам нельзя шуметь. У госпожи Вундерлих, моей квартирной хозяйки, слух как у дикой кошки. А посещение мужчин после восьми часов вечера для нее равносильно крушению Европы.

– Понимаю.

Подойдя к шкафу, Хульда вытащила из него юбку и свитер. Потом схватила полотенце, висевшее рядом с умывальным столиком.

– Отвернитесь.

Карл подошел к окну и сделал вид, что крайне заинтересован видом на ночной Шенеберг. По крыше соседнего дома проскользнула черная кошка. Послышались шорохи – видимо, Хульда скинула мокрое платье и теперь переодевалась в сухую одежду. Карл судорожно сглотнул.

– Уже можно повернуться обратно?

Раздался тихий смех. Карл счел его разрешением и посмотрел на Хульду. Та тщательно вытирала полотенцем свои короткие черные волосы, пытаясь одновременно вытряхнуть воду из левого уха. Ее голые ноги покрылись мурашками. Карлу снова захотелось к ней прикоснуться, но он удержался и вместо этого подошел к маленькой конфорке, на которой стоял медный котелок. Налил в него воды и включил газ.

– Подумать только, – с весельем сказала Хульда. – Да вы прирожденная домохозяйка!

Карл сердито оглянулся и увидел, как она ловким, почти кошачьим движением села на кровать, подтянула к себе ноги и обхватила их руками. «Несмотря на высокий рост, сейчас она похожа на ребенка», – подумал Карл.

– Где у вас чашки и кофе? – спросил он, силясь придать голосу уверенность.

– В верхнем шкафчике.

Карл открыл дверцу и нашел то, что искал. Осторожно залил кофе кипятком и принес Хульде чашку. Другую чашку взял сам, не зная, чем занять руки. Судорожно сжал ее, сделал глоток, обжегший ему язык, и в нерешительности посмотрел на девушку.

– Хорошо, что вы здесь, – непринужденно сказала Хульда, нарушая молчание. Эти слова согрели Карла изнутри и наполнили спокойствием, которое застало его врасплох.

– Неужели?

– Да. Нам нужно поговорить.

Он в замешательстве посмотрел на Хульду, и та сказала:

– Я знаю, кто убил Риту Шенбрунн.

Карл вздрогнул, проливая несколько капелек кофе на руку, и быстро слизнул их. Признаться, не таких слов он ждал. От бывшего спокойствия не осталось и следа. Он уставился на Хульду во все глаза. Та похлопала по кровати:

– Садитесь. Меня раздражает, что вы маячите там, как тикающая бомба.

«Точнее и сказать нельзя», – подумал Карл не без восхищения. Хульда видела его насквозь.

Поставив чашку на подоконник, он в два шага оказался у кровати и сел рядом, оставляя между ними безопасное расстояние.

Некоторое время Хульда мелкими глотками пила кофе, потом опустила чашку на пол. Терпение у Карла стремительно подходило к концу.

– Что вам известно?

– Сегодня я снова была на Кетенском мосту. Там я встретила юношу, еще совсем ребенка...

– Эдди Шиллинга.

Настала очередь Хульды удивляться.

– Откуда вы знаете?

– Я же комиссар полиции.

Хульда фыркнула от смеха.

– Даже непривычно, что вы делаете свою работу. До сих пор мне казалось, что ваше расследование топчется на месте.

Карл хотел было ответить что-то резкое, но передумал и только пожал плечами.

– Сегодня я допрашивал Лену, сестру Эдди. По ее словам, можно было сделать вывод, что этот юноша довольно жесток. Но теперь мне любопытно, нашли ли вы связь между ним и убийством.

– Даже не сомневайтесь! – заявила Хульда и, беспокойно теребя ткань юбки, рассказала о том, что узнала: о Далльдорфе, признании

Эдди и трагической смерти его отца.

Карл слушал и время от времени кивал: слова Хульды подтверждали его догадки. Вместе с тем он старался не принимать услышанное близко к сердцу. Сейчас не время предаваться личным переживаниям. Он с уважением посмотрел на Хульду: подумать только, сколько всего ей удалось разузнать! И это при том, что она в глаза не видела дневника Риты.

– Похоже, Рита Шенбрунн работала в одном из тех госпиталей, куда после войны помещали травмированных солдат, – кивнул Карл. Он не стал признаваться, что знал, в каком именно, потому что вычитал это в дневнике. – Никто не знает, сколько погибло или было покалечено. Некоторые живут среди нас, но мы не обращаем на них внимания. – Потом он призадумался. – Похоже, Эдди Шиллинг не совсем здоров психически. Он угрожал вам?

Хульда ненадолго замешкалась, но потом покачала головой. Ее левый глаз еще сильнее съехал вбок, словно убегая от правды.

– Как вы оказались в воде? – не унимался Карл.

– Случайно, – ответила Хульда с нечитаемым выражением лица.

Карл знал, что больше ничего не добьется, хотя мог бы поклясться, что она лжет.

– Я должен немедленно найти этого Эдди и арестовать, – произнес он, вставая с кровати.

Хульда схватила его за руку и крепко сжала.

– Погодите минуту.

Она настойчиво потянула Карла обратно на кровать, и он сел, хотя понимал, что действует вразрез со своим служебным долгом. Лицо Хульды, скрытое тенью, оказалось совсем близко, и Карл почувствовал, как щеку обжигает чужое дыхание. Он закрыл глаза, наслаждаясь мгновением.

– Можно задать вам один вопрос?

– Да? – Он посмотрел на Хульду и увидел в устремленном на него взгляде тепло.

– Почему вы уверены, что Рита – ваша мать?

Он выпрямился, словно палку проглотил, и нервно пригладил рукой волосы.

– Я родился в приюте для «падших женщин», где матерям-одиночкам помогают освободиться от бремени ненужных детей.

Много лет назад я узнал название приюта. «Дом милосердия». – Карл фыркнул, но прозвучало это почти как всхлип.

Хульда ничего не ответила, но через мгновение он почувствовал ее теплую руку на своем плече.

– Меня забрали от матери и поместили в детский дом. А потом... – Карл запнулся и замолчал. Рассказ подошел в тому месту, где он утаил улики. Проклятие, нужно было отдать Фабрициусу дневник, оставив себе только письмо из Дома Милосердия с роковой датой! Откуда взялся этот страх, что кто-то узнает о прошлом Карла? Почему он стыдится того, в чем не виноват?

Хульда смотрела на него, ожидая продолжения.

– А потом я наткнулся на письмо, – продолжил он, – которое доказывало, что ребенок Риты Шенбрунн родился в один день со мной, в том же приюте. Женщина, чью смерть я должен был раскрыть, оказалась моей матерью. Но я не хочу иметь с ней ничего общего, понимаете? При мысли о расследовании мне трудно дышать, я почти не сплю и все думаю о том, что эта женщина меня бросила. Вы только посмотрите на меня! Взрослый мужчина, а плачу о детских обидах. Я просто жалок.

Карл замолчал, глубоко вздохнул, а потом сказал то, в чем не хотел признаваться даже самому себе:

– Временами я рад, что ее убили. Наконец она получила по заслугам.

Он почувствовал, как Хульда коснулась его лица и осторожно повернула к себе. Карл не сопротивлялся. Он прижался лбом к ее лбу. Ее ресницы защекотали ему щеки. Потом Хульда что-то прошептала, но он не расслышал.

– Что говоришь?

– Это не она.

Карл замер.

– Не понимаю.

– Карл... – Хульда крепко сжала его лицо обеими руками и заглянула ему в глаза. – Рита Шенбрунн не может быть твоей матерью.

Она тоже перешла на «ты», но Карл едва ли обратил внимание.

– С чего ты взяла?

– Гертруда Зигель, мать одной из моих пациенток, знала Риту. Она сказала, что в юности Рита попала в приют, который ты упомянул. Дом

милосердия.

– Что? – вскричал Карл, вскинув голову.

Хульда приложила палец к губам.

– Ты перебудишь весь дом! – сердито зашипела она. – Если госпожа Вундерлих нас застанет, то мне придется собирать чемоданы!

– Прости. – Карл закусил губу. – Но я не понимаю, к чему ты ведешь. В дневнике Риты было письмо, выписка из приюта. На нем стояла дата моего рождения. – От волнения он случайно проговорился про дневник, но сейчас ему было все равно.

– Пусть и так, – тихо отозвалась Хульда и открыла рот, собираясь что-то сказать, но потом, похоже, передумала. Она не стала ничего спрашивать, хотя теперь знала, что Карл солгал, когда Лило спросила его про дневник. Вместо этого схватила его руку и сжала.

– Ребенок Риты был мертворожденным.

Карлу потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить услышанное.

– Ты уверена?

– Так сказала Гертруда. Она, похоже, не сомневалась в своих словах. У Риты случилось гестационное отравление, очень серьезное заболевание, особенно в те времена. Рита выжила, но ребенок умер еще в утробе. – Хульда нежно погладила Карла по руке. – Должно быть, вы просто родились в один день. Это совпадение. Рита не была твоей матерью.

Карл уставился в окно, за которым стояла темная, непроницаемая ночь. Небо было затянуто темно-серыми тучами, скрывающими свет звезд.

Совпадение.

– Ребенок Риты был мертворожденным, – повторил он.

Рита Шенбрунн не имеет к нему никакого отношения. Ее смерть – не возмездие, по крайней мере не за то, что случилось с Карлом.

«Следовало выяснить это раньше!» – подумал он, чувствуя себя последним глупцом.

С тех пор, как Карл наткнулся на письмо, этот полуистлевший листок бумаги захватил все его воображение – подобно тому, как образы из сна продолжают преследовать очнувшегося после кошмара ребенка. А ведь Карл с легкостью мог найти в старых документах имена рожениц! Но его парализовал страх перед тем, что он считал

правдой. Однако теперь уверенность, мучившая его последние несколько недель, рассеялась, как туман. Осталась лишь пустота, едва ли не более болезненная, чем ложная правда.

Несмотря на это, он испытывал к Хульде глубокую благодарность. Она выяснила правду и поделилась ею, чтобы снять с Карла тяжесть подозрений.

Они долго сидели в тишине. Хульда продолжала держать Карла за руку. При виде ее прикрытых глаз в нем поднялась нежность, которую он никогда прежде не испытывал. Он лег на кровать, не отпуская Хульду, и потянул ее за собой. Она повернулась к нему, их носы почти соприкоснулись. Они лежали лицом друг к другу, подтянув колени, дышали в одном ритме, и дыхание их было подобно ветру, наполняющему паруса корабля.

Карл подался вперед и нежно поцеловал Хульду. У ее губ был привкус кофе и усталости. Вскоре она закрыла свои красивые, пусть и раскосые глаза, и уплыла вдаль. Карл ощутил сожаление: ему хотелось побыть с Хульдой подольше, слушая звуки ее голоса, может, даже коснуться ее... Но она выглядела спокойной и умиротворенной, в комнате было уютно, и Карл вдруг понял, что тоже устал.

На секунду он ощутил угрызения совести из-за того, что решил отложить арест до завтра... Но оставить Хульду и уйти в ночь казалось невыносимым.

Тело налилось теплом и приятно отяжелело, и Карл почувствовал, что находится именно там, где должен находиться. Мысль остаться была сладкой и соблазнительной. Эта ночь принадлежала только им двоим, ему и Хульде.

Карл вытащил из-под себя одеяло, укрыл их и смежил глаза.

«Соловей больше не поет», – только и успел подумать он перед тем, как сон унес его на своих крыльях.

Когда Карл проснулся, сквозь мансардное окно пробивался серый утренний свет. Хульды рядом не было. Она стояла к кровати спиной и энергичными движениями мыла в умывальнике чашки. Тихо позвякивал фарфор. Волосы Хульды были аккуратно причесаны, словно вчера не торчали у нее на голове вороньим гнездом.

– Доброе утро, – произнес Карл и сел. Его рубашка была еще более мятой, чем вчера. Брюки тоже. Зевнув, он провел пальцами по

волосам и принялся искать свои очки, которые, должно быть, потерял во сне. Очки нашлись на полу у кровати. Карл почувствовал настоящую потребность облегчиться и смущенно спросил:

– Где у вас здесь туалет?

– Спуститесь на полпролета, – Хульда кивком указала на дверь, не отрываясь от своего занятия. – Только не попадитесь на глаза госпоже Вундерлих, очень вас прошу.

Карл сразу же заметил, что она снова перешла на официальный тон и обращается к нему на «вы». В груди предательски заныло.

– Похоже, ваша хозяйка – настоящий дракон.

– Вы даже не представляете, насколько правы. – Хульда набрала в котелок воду и поставила его кипятиться. Вскоре по помещению поплыл запах газа.

Карл поднялся и расстелил одеяло на кровати. После этого отпер дверь, спустился на семь ступенек и справил нужду в уборной.

«Черт возьми, – думал он, – почему с этой женщиной так трудно?» Вчера ему показалось, что они сблизились, но сегодня между ними снова повис холодок отчуждения.

К тому времени, как Карл вернулся на мансарду, Хульда уже открыла окно. Платье, в котором она мокрой кошкой кралась вчера по Винтерфельдтштрассе, висело на веревке, слабо раскачиваясь. Карл вдруг понял, что до сих пор не знает, что именно произошло, но по лицу Хульды было ясно: она ничего не собирается рассказывать.

Неловко приблизившись, Карл притянул Хульду к себе и крепко обнял. Та не сопротивлялась, но не отвечала на объятия, однако через некоторое время посмотрела правым глазом прямо на Карла (левый тем временем снова скользнул куда-то в сторону) и поцеловала в щеку.

– Что вы теперь будете делать? – спросила она.

– Вызову своего помощника, и мы отправимся в заброшенную столярную мастерскую.

– У вас есть пистолет?

Карл кивнул:

– Само собой.

– Еще кое-что, – сообщила Хульда таким деловым тоном, словно была комиссаром, а Карл – ее нерадивым помощником. Это раздражало. – Вчера Эдди назвал имя врача, который убил его отца. Возможно, это важно.

Карл почувствовал, как тело свело от напряжения.

– Не о докторе Хуберте Фридберге ли речь? – спросил он, с трудом сдерживая гнев.

– Да, о нем. Думаете, он...

– Посмотрим. Я свяжусь с ним.

– Хорошо. – Похоже, Хульда сочла тему исчерпанной. – Я должна навестить роженицу. И будет лучше, если бы вы покинете дом до пробуждения других жильцов.

Карл понимал, что она права, но все равно чувствовал себя так, словно его выгоняют. Внезапно ему ужасно захотелось курить, и он нащупал в кармане пачку сигарет. Потом схватил шляпу, нахлобучил ее на голову и застыл в нерешительности. Ничего не происходило, поэтому он повернулся и открыл дверь.

– Хорошего вам дня, – пожелала он, переступая через порог. Голос его прозвучал сурово.

– Карл?

Он обернулся.

– Да?

– Будь осторожен.

Хульда едва заметно улыбнулась. Дверь у Карла за спиной тихо закрылась, и он осторожно спустился по лестнице, гадая, кто из них двоих более странный.

Глава 33

Среда, 14 июня 1922 года

Доктор Губерт Фридберг сидел за дубовым столом, который заказал, когда год назад открыл частную психиатрическую практику. Он поздравлял себя с принятым решением каждый раз, когда вспоминал тесные столы в военном госпитале, за которыми приходилось ютиться, чтобы написать отчет. Доктор Фридберг распрощался с унылыми буднями убогих лечебниц – теперь он мог позволить себе роскошь лечить частных пациентов, большинство из которых страдали от страхов и навязчивых идей и хотели с помощью гипноза выяснить причины своих страданий.

Доктор Фридберг с превеликим удовольствием шел им навстречу, а потом выставлял солидный счет. В отличие от большинства коллег он забросил свои прежние исследования. Его терапия либо помогала, либо нет, что было даже лучше, поскольку тогда пациенты возвращались. В глубине души доктор Фридберг презирал этих слабых людей, которые истерили, как девственницы в первую брачную ночь, – поначалу со слезами, как фальшивыми, так и настоящими, а под конец переходили на сладострастные вздохи.

«Это просто ужасно, – думал он. – Истерия охватила всю страну, подобно чуме». Ему казалось, что сейчас каждый уважающий себя человек склонен к истерии. Болезнь не обошла стороной даже солдат, некогда бывших стержнем империи, и доктор Фридберг все чаще ловил себя на мысли, что только очищающий огонь искоренит слабость из тела народа. Когда он работал в лечебнице, ему удалось внести свой небольшой вклад в это общее дело. Больных удавалось исцелить с помощью насилия – или решать проблему по-другому, путем естественного отбора.

Доктор Фридберг с отвращением отложил газету, которую читал за чашечкой кофе. Куда ни плюнь – повсюду левацкие отбросы и пустые разговоры о демократии! С тех пор, как власть перешла в руки левых, в этом грязном городе процветает преступность. Да, дисциплина и порядок уже не те, что прежде... В коридоре зазвонил

телефон. Доктор Фридберг услышал, как Минна, стенографистка, взяла трубку. Потом раздался стук в дверь.

– Господин доктор? – Минна просунула голову в кабинет и, дождавшись милостивого кивка, внесла внутрь все пышное тело. Доктор Фридберг одобрительно посмотрел на представшее перед глазами зрелище. Пусть Минна и не настоящая блондинка, но глаза у нее голубые, а фигура – с соблазнительными изгибами.

– В чем дело?

– Вас спрашивают к телефону.

Доктор Фридберг недовольно хмыкнул. Он крайне скептически отнесся к этой новомодной технике. Конечно, в наши дни у врача должен быть телефон, но он предпочитал разговаривать с людьми лицом к лицу. Минна должна была отвечать на телефонные звонки и делать стенографические записи разговоров. Доктор Фридберг говорил это уже сотню раз.

– Кто? – нетерпеливо спросил он.

– Там... полицейский, – ответила Минна. – Комиссар Норд или Ост или как-то так.

– Полицейский? – Недовольство стремительно нарастало. Полицейский – это почти так же плохо, как журналист. Доктор Фридберг отмахнулся. – Пусть позвонит завтра. Я уехал на вызов к пациенту.

– Очень хорошо, – сказала Минна и заговорщицки улыбнулась. – И еще кое-что, доктор.

– Что же?

– В приемной вас ждут два пациента.

– Им назначено?

Минна покачала головой и извиняющимся тоном ответила:

– Они говорят, что у них к вам неотложное дело. Молодой человек и девушка. Брат и сестра. – Помолчав, она добавила: – Они одеты несколько странно.

– В каком смысле странно?

– Ну... – Минна заколебалась. – Такое ощущение, словно на них одежда с чужого плеча. Но одеты они очень элегантно!

Доктор Фридберг на мгновение призадумался. Последний на сегодня пациент отменил прием, и его отсутствие печально скажется на дневной выручке.

«Почему бы и не принять их?» – решил он. Раз пациентов двое, то можно будет выписать два счета, и час до закрытия практики не будет потрачен впустую.

– Впусти их, – велел доктор Фридберг и, провожая свою помощницу масляным взглядом, добавил: – И еще, Минна. – Она оглянулась. – Можете идти домой. Я сам здесь все закрою.

– Спасибо, доктор.

Дверь снова закрылась, и доктор Фридберг услышал в коридоре голоса. Он сложил газету и поставил на нее полупустую чашку, чтобы не улетела. На газете расплылся коричневый круг, и взгляд зацепился за заголовок, на который доктор не обратил внимания раньше: «Убийцы из Ландвер-канала». Ниже было написано: «Брат и сестра, совершившие убийство, все еще на свободе. Они чрезвычайно опасны, не пытайтесь задержать их самостоятельно!»

Доктор Фридберг возмущенно покачал головой и прищелкнул языком. «На что только эти клоуны из криминальной полиции пускают наши налоги? Загадка!» Как хорошо, что он не стал тратить свое драгоценное время на разговор с одним из них!

Он поправил халат, надел монокль и решительно распахнул дверь.

«Двое моих последних пациентов», – подумал он, впуская в кабинет юношу с девушкой. Он был высокий, со светлыми кудрями, она – хрупкая, рыжеволосая. Воротник его рубашки и правда казался несколько потертым, а ее платье немного волочилось по полу... Пожав плечами, доктор Фридберг указал посетителям на стулья, а сам тем временем уже предвкушал окончание рабочего дня, который намеревался провести в одном из увеселительных дворцов Фридрихштадта...

Глава 34

Суббота, 24 июня 1922 года

На мгновение Хульде показалось, что идет снег. Конечно, она понимала, что летом снега не бывает, но маленькие белые цветочки, кружившие над Винтерфельдплац, как две капли походили на снежинки, которые в медленном танце опускаются на землю, покрывая ее пушистым ковром. Это цвел боярышник на площади. Ветер шуршал его листьями, срывал со стеблей хрупкие бутоны, закручивал их в воздухе, смешивая с цветами красных каштанов и разнося по улицам Шенеберга сладкий аромат.

Хульда огляделась. Базарная площадь была полна народу. Ровными рядами теснились многочисленные ларьки и торговые палатки. Здесь соленые огурцы вылавливали прямо из бочки, а картошка лежала горой. Продавцы кричали и махали руками, привлекая покупателей. Цены продолжали подниматься в неведомые выси, туда, где воздух тонкий и трудно дышать. Но пока в карманах у берлинцев еще завалилось несколько марок, они хотя бы по субботам будут баловать себя вкусностями. Однако Хульда не могла не заметить, что нищих оборванцев и бездомных детей стало больше прежнего. Взгляд невольно принялся выискивать в толпе рыжевато-русую макушку Лены и высокую фигуру Эдди, но их нигде не было видно, и Хульда вздохнула с облегчением.

Последние две недели Эдди виделся ей на каждом углу. Дыхание перехватывало, тело охватила паника – как тогда, на мосту, и только потом Хульда понимала: показалось.

Она вспомнился телефонный разговор с Карлом, который состоялся несколько дней назад. Она снова позвонила в полицейское управление, на этот раз Карл оказался на месте. Слышать его голос по телефону было довольно странно. Хульда чувствовала его смущение и, не зная, что сказать, осведомилась, арестованы ли Эдди с Леной. На другом конце провода повисло долгое молчание, и Хульда поняла: что-то пошло не так.

– Они исчезли, – наконец произнес Карл.

– И никто их не видел?

– Нет. Оба как сквозь землю провалились.

Некоторое время они молчали. Хульда, до боли вжимая трубку в ухо, ждала роковых слов... Но Карла позвал помощник, и ему пришлось попрощаться. Хульда повесила трубку и покачала головой, но потом телефон внезапно зазвонил. Она нерешительно ответила.

– Говорит Карл Норт. Госпожа Хульда?

– Да?

– Я забыл вас кое о чем спросить. Не хотели бы поехать со мной на Ванзее в это воскресенье?

Грудь наполнилась таким облегчением, что впору было испугаться.

– С удовольствием, – как можно равнодушнее бросила Хульда и, повесив трубку, подумала, что они с Карлом ведут себя как подростки, хотя за спиной у обоих – груз прожитых лет. Хватит ли смутного влечения друг к другу, чтобы что-то создать? Им предстоит это выяснить.

На другой стороне площади Хульда заметила знакомую коляску, стоявшую на солнышке. Там Лило болтала с Бертом.

Хульда направилась напрямик к ним.

– Как поживаете, Лило?

– Госпожа Хульда! Рада вас видеть. Вы только посмотрите на мое сокровище!

Лило сияла. Было видно, что к ней вернулась привычная жизнерадостность. Хульда склонилась над коляской. Малыш Конрад тоже поживал хорошо: прибавил в весе, округлился в щеках. Солнечные лучи щекотали малышу подбородок, отчего он радостно ворковал.

На Конрада было приятно смотреть, но в глубине души Хульда чувствовала, что ее интерес к мальчику потихоньку угасает. Это было обычным делом. Хульда понимала: ее роль в жизни Конрада закончена, больше она ему не нужна. После родов, после того, как акушерка помогает ребенку появиться на свет, она больше ничего не может ему дать и потому должна отойти в сторону. Отныне за него отвечают родители.

– Он чудесен, – согласилась Хульда, радуясь гордости на лице Лило, и почувствовала на себе задумчивый взгляд Берта. Берт всегда видел, что у нее на сердце и на душе.

Хульда смело посмотрела на него в ответ и спросила:

– А вы как поживаете? Как торговля?

– Неплохо, милая моя Хульда.

Казалось, он хотел что-то добавить, но Лило его опередила.

– Слышали, что случилось с женой молочника? Ужасно, правда? – спросила она, повернувшись к Хульде. На ее счастливое лицо набежала тень.

– Да, это очень грустно, – кивнула Хульда.

Хедвига умерла через несколько дней после того, как ее отвезли в больницу, но врачам удалось спасти ребенка, маленькую девочку. Хульда не решалась навестить Херрманнов, она хотела дать им время. И себе тоже. Но сейчас она решила, что завтра же нанесет им визит.

– Теща взяла на себя часть забот, – сказала Лило, одобрительно кивнув. – Она переехала к Густаву Херрманну, помогает ему с новорожденной и присматривает за бедными девочками. Ну хоть какая-то ложка меда в бочке дегтя! А еще, вы только представьте... – Глаза Лило внезапно засияли. – Малышку назвали Ритой! Это так мило и трогательно... Оказывается, Гертруда Зигель знала нашу Риту! Совсем как в кино, когда кто-то умирает, но все продолжают его помнить и оплакивать.

«И правда трогательно», – подумала Хульда и кивнула.

– А об этом что думаете? – спросила Лило, сунув ей под нос раскрытую газету.

Мыслями Хульда все еще была с семейством Херрманнов, поэтому не сразу сосредоточилась на расплывающихся перед глазами буквах, но потом прочитала: «Кровавое убийство. Кто же перерезал горло известному врачу? Полиция в тупике».

– Ужас просто, – отозвалась Хульда, думая в первую очередь о том, под каким давлением оказались Карл с коллегами.

– Что? – Лило непонимающе моргнула, забрала газету и молча пробежалась по ней взглядом. – А, да я не про то. – Она снова протянула газету Хульде и ткнула в заметку. – Вот, глядите!

Буквы снова заплясали перед глазами, но потом сложились в текст, который острой иглой кольнул под ребра.

Краем глаза Хульда взглянула на Берта, который, казалось, спокойно ждал, когда разразится буря. Но его ожидания не оправдались. Хульда заставила себя перечитать заметку: «Йоханнес

и Вильгельмина Винтер рады сообщить, что в августе 1922 года состоится церемония бракосочетания их сына Феликса Теодора Винтера и Хелены Марии Штольц, дочери Максимилиана и Доротеи Штольц, урожденной Мейер. Да благословит Господь сей союз».

Малыш Конрад расплакался, и Лило склонилась над коляской.

Хульда глубоко вздохнула и посмотрела вверх. Небо над площадью Винтерфельдплац было таким же темно-синим, как шелковое платье дамы, которая только что купила полфунта аппенцеллера в сырной лавке. Красно-белый навес кафе «Винтер» колыхался на ветерке, как флаг. Мимо прошаркал старик в лохмотьях и по длинной дуге сплюнул черную от жевательного табака слюну прямо под ноги Хульды.

«Все прошло», – подумала Хульда. Или сказала это вслух?

Берт выглядел серьезным, но в глазах его мелькнул лукавый огонек.

– Прошло? Вот глупый звук, пустой! Зачем прошло? Что, собственно, случилось? Прошло и не было – равны между собой! Что предстоит всему творенью? Все, все идет к уничтоженью! Прошло... что это значит?

Он декламировал с таким чувством, что Хульда невольно улыбнулась и быстро смахнула выступившие на глаза слезы. Она хорошо знала эти слова, потому что учила «Фауста» в школе.

– Все равно, – подхватила она. – Как если б вовсе не было оно – вертелось лишь в глазах, как будто было!

Берт одобрительно рассмеялся, и они в один голос закончили:

– Нет, вечное Ничто одно мне мило!

Лило, которая тем временем взяла Конрада на руки, чтобы показать ему солнечную площадь и голубей (малыш взирал на все с полным равнодушием), удивленно переводила взгляд с Хульды на Берта и обратно.

– Мефистофель, – сказал Берт, словно это все объясняло. – Великий немецкий поэт помогает нашей милой госпоже Хульде исцелить разбитое сердце.

Лило указала на кафе «Винтер»:

– Они очень хорошо смотрятся вместе. Вчера я видела девушку, она похожа на ангелочка. И молодой господин Винтер казался таким счастливым...

Потом Лило, видимо, поняла, что Берт имел в виду, и в ужасе зажала рот рукой. Конрад лежал у нее на плече, пуская слюни.

– Простите, госпожа Хульда! Я не знала, что вы с господином Винтером... – Она осеклась и покраснела.

Хульда лишь отмахнулась.

– Дела давно забытых дней. – Ложь взлетела над площадью, как птица, и затерялась в небе. Но при мысли о Карле горечь прошла, как от ложки сахара проходит горечь лекарства. Хульда решительно сложила газету и протянула Лило, которая передала ее Берту, потому что, по-видимому, просто одолжила ее из киоска.

Берт, нахмурившись, взял газету и аккуратно положил обратно в стопку.

– Не думайте, что у меня здесь библиотека, – суровым голосом отрезал он, но под упреком слышался смех.

Хульда вытащила из кармана юбки марку и положила на прилавок.

– Не думайте, что я дармоедка, – сказала она и пощекотала Конрада по подбородку. Голубые глаза смотрели куда-то мимо, словно малыш все еще не мог толком видеть, но Хульда знала: он быстро развивается и уже скоро продемонстрирует миру свою первую улыбку.

Берт поблагодарил ее легким поклоном.

– Как насчет музыки для поднятия духа? – Он поставил на узкую стойку патефон и положил на него шеллачную пластинку. Патефон был старой модели, поэтому пришлось с силой крутануть ручку, чтобы мелодия заиграла. Сначала послышались духовые инструменты, скрипки и ударные, а потом приятный женский голос. «Поцелуй меня и завтра забудь», – прозвучало из патефона, и Хульда невольно рассмеялась.

Она игриво погрозила Берту пальцем, на что тот снисходительно улыбнулся и жестом подозвал одного из юношей, которые таскали цветочные горшки в лавку Грюнмайер. Не успела Хульда опомниться, как юноша, улыбнувшись, схватил ее за руку и закружил в танце – так, что голуби испуганно разлетелись. Толпа вокруг разразилась аплодисментами.

– Поцелуй меня и завтра забудь! Ведь завтра твое сердце будет принадлежать другой, – звучало на всю площадь.

Хульда вернулась к киоску слегка запыхавшаяся. Юноша поклонился и, увидев лицо госпожи Грюнмайер, поспешил вернуться к работе.

Хульда поправила шляпку и шумно вздохнула. Лило медленно катала коляску туда-сюда, укачивая ребенка.

– Берт, откуда у вас эта пластинка? – поинтересовалась Хульда.

– Из квартала Шойненфиртель, конечно, – ответил Берт, поглаживая усы. – Музыкальный магазинчик Левина – лучший в городе! Там можно найти музыку на любой вкус. Еще там продаются книги, раввинские мантии и, если верить старому Левину, чего я, однако, делать не советую, лучший порошок для бритья.

– И все это в одном магазине?!

– Милая Хульда, неужели вы никогда не бывали в квартале Шойненфиртель? На Гренадерштрассе?

Она покачала головой.

– Там есть люди и товары всех видов и мастей, – продолжал Берт. – Галицкие евреи, магазинчики экзотических товаров, художники, мошенники, чемпионы по боксу, красивые девушки – и все это на одной улице. По сравнению с ними мы здесь живем как в монастыре.

– Это наша-то площадь – монастырь? – Хульда рассмеялась. – Тогда я обязана туда сходить, хотя, признаться, с меня пока хватит негодяев и убийц.

Берт хотел что-то ответить, но его прервал громкий крик.

– Срочные новости! – разнесся по всей площади голос мальчишки-газетчика.

– А этот юнец что здесь забыл? – нахмурившись, спросил Берт. Он снял граммофонную иглу с пластинки, и музыка замолчала.

Хульда знала, что Бέρту не нравится, когда покушаются на его территорию. Однако если происходили какие-то важные события, которые не могли ждать вечернего выпуска, то типографии печатали дополнительные листовки. Их распространяли в общественных местах, чтобы держать население в курсе.

«Наверняка речь о каком-нибудь спортивном мероприятии», – решила Хульда и подумала, что для поездки на озеро ей понадобится новый купальный костюм. Старый уже порядком износился и к тому же слишком закрывал ноги. «Еще нужно купить новые туфли», –

вспомнила она и хмуро посмотрела на старые зимние ботинки, которые носила с тех пор, как ее летние туфли утонули в канале. Однако потом Хульда заметила, что люди толпой окружают мальчишку-газетчика, вырывая листы друг у друга из рук. На площади поднялся такой гул и ропот, словно кто-то потревожил пчелиный рой. Женщина у лавки с огурцами закричала, а другая закрыла лицо руками и расплакалась.

– Что происходит, ради всего святого? – пробормотал Берт и поспешил к мальчишке. При взгляде на заголовок его лицо мертвенно побледнело. Сгорбившись и понуро опустив голову, старик медленно вернулся к Хульде.

– Что случилось? – спросила Хульда. Сердце у нее в груди заколотилось, как птица, запертая в клетке.

– Ратенау, – только и пробормотал Берт, сунув ей в руки листовку, и тяжело опустился на складной стул, который стоял внутри киоска. Потом сжал виски и вздохнул.

Хульда уставилась на черную типографскую краску. «Ратенау застрелен» – кричали большие буквы на первой полосе. «Открыли стрельбу на Кенигсаллее... убит шестью выстрелами в упор... преступники сбежали... волнения в рейхстаге».

– Я знал, что это случится, – сдавленным голосом сказал Берт. – На протяжении многих недель, если не месяцев, Ратенау находился в смертельной опасности. И вот сегодня утром, когда он ехал на работу, парочка ублюдков превратила его в решето. Что это за страна такая, где неугодных противников убивают, как мух – легко и безнаказанно?!

– Что теперь будет? – спросила Хульда.

– Люди выйдут на улицы, – мрачно сказал Берт. – Ратенау был воплощением демократии, и демократию убили сегодня утром на Кенигсаллее. Нас ждет гражданская война.

Не ответив, Хульда оглядела площадь. Разбившись на небольшие группки, люди обнимались и пытались друг друга утешить. Какие-то мужчины взволнованно жестикулировали и вскидывали кулаки в воздух, словно надеясь ударить неизвестных убийц, которых давно и след простыл.

В воздухе все так же кружили цветы, теплый ветер все так же гонял над Винтерфельдплац розовые и белые лепестки, которые застревали в длинных девичьих волосах или ложились на покрытые

скатертями столики кафе «Винтер», источая сладкий аромат. Громко играл шарманщик, придавая происходящему еще большую нереальность.

Хульда подумала, что теперь все изменится. Или... не совсем. Потому что на площади Винтерфельдтплац в Шенеберге все оставалось по-прежнему, даже когда мир вокруг разлетелся на осколки.

Эпилог

Воскресенье, 25 июня 1922 года

«Сегодня я впервые за лето чувствую себя по-настоящему свободной», – подумала Хульда, глядя на озеро Ванзее. Она с наслаждением зарылась пальцами ног в теплый песок и откинула голову на полотенце. Потом прикрыла рукой прищуренные глаза и сквозь узкую щель посмотрела на солнце. Как и последние несколько дней, оно настойчиво пряталось за серо-белыми облаками, которые проносились над городом так быстро, словно торопились оказаться подальше. Солнце выглядывало лишь изредка, но когда выглядывало, то грело так, что на лбу выступала испарина.

Хульда подумала, что последние несколько недель жизнь в городе – да и во всей стране – была такой же переменчивой и неопределенной, как погода. Несмотря на ощущение свободы, под ложечкой у Хульды неприятно посасывало, словно от предчувствия надвигающейся беды, названия которой никто пока не знал.

В это воскресенье погоде не удалось испортить настроение берлинцам. Прихватив клетчатые покрывала, корзинки с едой и ракетки для бадминтона, они семьями приезжали на Ванзее и проводили здесь весь день. Не все могли позволить себе отдых на приморских курортах Балтийского моря, и с тех пор, как неподалеку от города открыли общественный пляж, у людей появилась возможность хотя бы изредка сбегать от серых будней и наслаждаться природой.

Хульда украдкой взглянула на Карла, который лежал на песке в светлых летних брюках и, казалось, спал, низко надвинув на лицо шляпу. На мерно вздымающейся груди лежали очки, одно из стекол было разбито, но Хульда заметила это только сейчас. Очки поднимались и опускались в такт дыханию.

Хульда в порыве нежности захотела прикоснуться к его слегка загорелой руке, но в последнюю секунду отдернула пальцы. Она не была уверена, что ей позволено прикасаться к Карлу вот так просто.

Они встретились в полдень в переполненном поезде (Хульда не обзавелась новым велосипедом). Поприветствовали друг друга холодно и как-то чопорно: оба вдруг почувствовали смущение, стоя

между потеющими и толкающимися телами. На станции Николасзее они сошли и вместе с другими отдыхающими – семьями, держащимися за руки молодоженами, – направились к пляжу. Хульде казалось, что они ведут себя, как незнакомцы, как актеры, которые не до конца понимают свою роль, хотя остальные участники пьесы точно знают, что должны делать и как себя вести. Несколько раз они с Карлом случайно задевали друг друга руками. Хульда вздрагивала, словно прикосновение было неуместным. Словно все вокруг видели, что они с Карлом не подходят друг другу.

У входа на пляж стоял ряд торговцев, предлагавших всевозможные вкусности. Повар в белой шапочке продавал горячие колбаски, которые лежали в жестяной кастрюле, индус в широкополой полосатой шляпе – соленья из ведра. Еще можно было купить сигареты и молоко. Чуть подальше в ожидании клиентов стоял мужчина в майке с надписью «пляжный фотограф». Для рекламы он разложил перед собой снимки счастливых отдыхающих: семей, плескавшихся в воде, молодых девушек, занимающихся гимнастикой на песке...

Когда Карл с Хульдой проходили мимо, фотограф хриплым голосом сказал:

– Не хотите сохранить свою любовь на фотографии? На память внукам?

Хульда поджала губы и отмахнулась. Мысль о том, чтобы позировать с Карлом, как это делают влюбленные, казалась нелепой.

«Почему мне кажется, что мы не подходим друг другу? – снова спросила себя Хульда и села. – Ведь я думаю о нем каждую свободную секунду».

Прищурившись, она уставилась на озеро. Юноши в полосатых купальных костюмах играли в водное поло, поднимая брызги и шум. Песок плавно переходил в серо-голубую воду, и тянувшаяся вдоль берега обширная мель прекрасно подходила для тех, кто не умел плавать. Два маленьких мальчика голышом играли на песке, поливая грязью кривую песчаную крепость. Их звонкий смех разносился по всей округе.

На противоположном берегу виднелись особняки богатых предпринимателей и известных художников. Особняки величаво

возвышались над озером, и казалось, словно богатые жители с личными купальнями презрительно взирают на шумную толпу.

Каждый клочок песка был покрыт загорающими телами. Клуб «Солнечные братья», который присматривал за пляжем и купающимися, установили здесь палатки для переодевания – чтобы люди не выставили напоказ ни кусочка обнаженной плоти. В скором времени «Солнечные братья» собирались возвести полноценные раздевалки. Однако в последние годы мода стала более откровенной: женщины носили купальные костюмы с глубоким декольте, да и мужчины обнажали больше кожи. Запах фрикаделек ударил в нос, и Хульда поняла, что проголодалась. Неподалеку семья распаковывала свою корзинку с едой. Маленький мальчик с зализанными назад светлыми волосами жадно потянулся за фрикаделькой, но мать – матрона с широкими бедрами – шлепнула его по руке.

– Попридержи коней, юноша. Пусть отец сначала возьмет.

На отце были длинные брюки, одна штанина была завязана на култе, которой чуть выше колена заканчивалась нога. В следующий миг Хульда заметила и деревянные костыли, лежащие рядом на песке. И что руки мужчины дрожали, когда он потянулся за едой.

– Хорошо, мамочка!

Мать раздала фрикадельки отпрыскам только после того, как отец семейства принялся за еду. Свободной рукой он игриво дернул дочь за косу.

Почему-то Хульда не могла отвести взгляд от этой семьи, которая наслаждалась едой в довольном молчании. Что-то в этой сцене растрогало ее. Она глубоко вздохнула и заставила себя отвернуться, словно увиденное не предназначалось для чужих глаз.

– О чем задумались? – Карл сел и положил руку на песок ладонью вверх, словно задавая безмолвный вопрос.

Поколебавшись, Хульда накрыла руку Карла своей, почувствовала, как он сжал ее, и внезапно подумала: как глупо, что они до сих пор называют друг друга на «вы»!

– Давай отбросим эти жалкие формальности. Во имя всего святого, мы держимся за руки, и на мне купальный костюм, а не бальное платье.

– И снова этот сварливый тон, – произнес Карл, но в его голосе слышалась улыбка. – Хульда Гольд, когда ты наконец сбросишь

иголки и покажешь себя настоящую?

Хульда фыркнула.

– Нравится тебе или нет, Карл Норт, но милая девушка перед тобой – это настоящая я. Во всей красе.

– И в красно-белую полоску, – сказал Карл, выразительно глядя на ее купальный костюм.

Хульда шутливо шлепнула его по руке, но потом опустила глаза, с довольным видом разглядывая шикарный наряд, который купила в Вертхайме. Он отличался дерзко короткими штанинами и сидел так плотно, что госпожа Вундерлих наверняка бы не одобрила.

– Неужто ты из тех, кто призывает женщин носить длинные купальные костюмы, чтобы на смешанных пляжах у мужчин не возникало непристойных мыслей? – поинтересовалась Хульда.

– Ни в коей мере. – Карл поднял руки в притворном изумлении, словно сдаваясь. – Как по мне, штанины можно подкоротить. Моей возлюбленной пойдет: у нее красивые ноги.

Хульда смущенно рассмеялась.

– Вот кем ты меня считаешь?

– Что? – удивленно спросил Карл, неловко надевая очки.

– Своей возлюбленной? – Хульде казалось, словно у нее в груди загудел пчелиный рой.

Прошло некоторое время, прежде чем Карл ответил:

– Если ты позволишь. – Он посмотрел ей прямо в глаза и погладил по руке.

– Я пока не знаю, – честно ответила Хульда. – Столько всего произошло. У меня осталось много вопросов, в основном к себе.

– Звучит не очень обнадеживающе, – отозвался Карл, внезапно растеряв всю уверенность. Уже знакомая Хульде тьма закралась в светлые глаза, делая их похожими на зеленоватые воды Ванзее, когда по утрам вокруг него собираются облака.

– Не бойся, – отозвалась Хульда и, к своему удивлению, почувствовала, как беспокойство в груди улеглось, словно она успокаивала себя, а не его.

– Ты странная женщина, Хульда Гольд.

Карл выглядел таким растерянным и подавленным, что Хульда невольно рассмеялась. Потом нежно положила руки ему на щеки и поцеловала. Краем глаза она заметила, как сидящая неподалеку седая

дама в старомодном купальном платье и огромной шляпе бросила на них возмущенный взгляд. Хульда усмехнулась.

– Ты надо мной смеешься? – спросил Карл, вид у которого стал блаженный и счастливый.

– Вовсе нет, дорогой мой. – Хульда поцеловала его снова, на этот раз дольше, не обращая ни малейшего внимания на возмущенное покашливание по соседству.

«Нет, – думала Хульда, уткнувшись лицом Карлу в шею и вдыхая исходящий от него запах морской воды и помадки для волос, – никто не знает, какая судьба ждет комиссара и акушерку и как они выступят на сцене под названием «жизнь». Но по крайней мере, – решила она, закрыв глаза, – мы должны выйти из-за занавеса, перебороть страх перед публикой и начать играть. Играть историю своей жизни. Разве не за тем мы приходим в этот мир?»

Послесловие

История Хульды Гольд, акушерки с площади Винтерфельдтплац, пришла мне в голову одним весенним днем во время прогулки по Шенебергу. На улице, где я работала, цвели розовые вишневые деревья, в воздухе пахло приближающимся летом, и все вокруг казалось удивительно мирным и спокойным.

Но старые дома со своими дворами рассказывали о том, как могли обстоять дела лет эдак сто назад. Тогда этот район не считался престижным, и жизнь большинства людей здесь была тяжелой, изнурительной и полной лишений. В тот же день, выйдя из метро, я прошла мимо парка Генриха Клейста и увидела там людей, спящих на кусках картона. И мне захотелось, чтобы нашелся кто-то, кто бы позаботится о таких людях – и сейчас, и сотню лет назад. А потом мне показалось, что за углом кальянной мелькнула красная фетровая шляпка...

Двадцатые годы нового столетия, в которых мы сейчас живем, не так уж далеки от двадцатых годов столетия прошлого. В Шенеберге по-прежнему есть богатые и бедные. Еще здесь есть модные кафе и красивые бутики, есть социальные программы для молодежи, которой выпала непростая судьба, есть приюты для женщин, языковые школы для беженцев, театры-кабаре и социальные центры... Здесь встречаются разные культуры, религии, языки и социальные слои, и красивые вишневые деревья иногда выглядят невероятно древними. Многие люди, живущие сегодня на Винтерфельдтплац, бедны, одиноки и отвержены. Совсем как сто лет назад.

Около ста лет назад была основана Веймарская республика, ставшая первой попыткой Германии установить демократию. Сегодня прошедшие между мировыми войнами годы кажутся упущенной возможностью. В то время люди думали, что, несмотря на ужасное бремя Первой мировой войны, они смогут создать что-то новое и невиданное – участие народа в политике, социальную справедливость, свободу творчества и мнений, защиту слабых...

Конечно, ничего из этого не было достигнуто в полной мере, но само стремление – оно кажется чем-то уникальным. Так получилось, что та юная, свежая, хрупкая как цветок демократия вскоре

превратилась в диктатуру. Но сегодня, сто лет спустя, стали ли мы умнее?

После 1945 года европейцы многому научились, продолжили развивать идеи веймарской демократии, продолжили мечтать и реализовать такие вещи, в которые в 1919 году никто бы не поверил. История, как учат нас учебники, не повторяется, и наши сегодняшние проблемы отличаются от тех, что были тогда. Но нам не стоит полагаться на то, что сегодняшняя демократия намного сильнее прежней (пусть даже лично мне нравится в это верить).

Мы должны оставаться начеку, должны, как Хульда Гольд и как продавец газет Берт, с широко открытыми глазами ходить по своему району, своему городу, своей стране. Должны разговаривать друг с другом и слушать друг друга, должны интересоваться политикой – все до единого, потому что политика означает не что иное, как участие в делах города, «полиса».

Город – это мы все. И Хульда Гольд – одна из нас.

Анне Штерн

Берлин, весна 2020 года

Благодарности

Мне от всей души хотелось бы поблагодарить всех людей, кто внес свой вклад в создание этого романа. Некоторых хочу поблагодарить отдельно – в первую очередь мою вдохновительницу, литературного агента и подругу Юлию Айххорн, чья непоколебимая вера в эту книгу сделала ее возможной, а также Марию Хансен и Зою Мартин, которые помогали мне и поддерживали. Я также хотела бы поблагодарить моего бывшего редактора Урсулу Ханенберг, которая помогла мне поверить в себя и в свои книги, а также многому меня научила. Огромное спасибо моей маме Доротее, которая всегда была моим первым читателем, и спасибо моим мужу и детям. Еще выражаю сердечную благодарность издательству «Rowohlt Verlag», руководителю программы «Rowohlt Polaris» Катарине Дорнхедер за ее энтузиазм и своему редактору Дитте Фридрих, работа с которой доставляет мне невероятное удовольствие.

---

notes

Примечания

1

Домовые и духи-хранители подземных богатств в мифологии народов Северной Европы.

Table of Contents

<u>Анне Штерн</u>	<u>Счастье момента</u>
<u>Пролог</u>	<u>Среда, 24 мая 1922 года</u>
<u>Глава 1</u>	<u>Суббота, 27 мая 1922 года</u>
<u>Глава 2</u>	<u>Воскресенье, 28 мая 1922 года</u>
<u>Глава 3</u>	<u>Понедельник, 29 мая 1922 года</u>
<u>Глава 4</u>	<u>Выдержки из дневника</u>
<u>Глава 5</u>	<u>Среда, 31 мая 1922 года</u>
<u>Глава 6</u>	<u>Среда, 31 мая 1922 года</u>
<u>Глава 7</u>	<u>Четверг, 1 июня 1922 года</u>
<u>Глава 8</u>	<u>Четверг, 1 июня 1922 года</u>
<u>Глава 9</u>	<u>Выдержки из дневника</u>
<u>Глава 10</u>	<u>Пятница, 2 июня 1922 года</u>
<u>Глава 11</u>	<u>Пятница, 2 июня 1922 года</u>
<u>Глава 12</u>	<u>Пятница, 2 июня 1922 г</u>
<u>Глава 11</u>	<u>Суббота, 3 июня 1922 года</u>
<u>Глава 14</u>	<u>Суббота, 3 июня 1922 года</u>
<u>Глава 15</u>	<u>Понедельник, Духов день, 5 июня 1922 года</u>
<u>Глава 16</u>	<u>Выдержки из дневника</u>
<u>Глава 17</u>	<u>Понедельник, Духов день, 5 июня 1922 года</u>
<u>Глава 18</u>	<u>Четверг, 8 июня 1922 года</u>
<u>Глава 19</u>	<u>Пятница, 9 июня 1922 года</u>
<u>Глава 20</u>	<u>Пятница, 9 июня 1922 года</u>
<u>Глава 21</u>	<u>Суббота, 10 июня 1922 года</u>
<u>Глава 22</u>	<u>Выдержки из дневника</u>
<u>Глава 23</u>	<u>Суббота, 10 июня 1922 года</u>
<u>Глава 24</u>	<u>Воскресенье, 11 июня 1922 года</u>
<u>Глава 25</u>	<u>Выдержки из дневника</u>
<u>Глава 26</u>	<u>Воскресенье, 11 июня 1922 года</u>
<u>Глава 27</u>	<u>Понедельник, 12 июня 1922 года</u>
<u>Глава 28</u>	<u>Выдержки из дневника</u>
<u>Глава 29</u>	<u>Понедельник, 12 июня 1922 года</u>
<u>Глава 30</u>	<u>Понедельник, 12 июня 1922 года</u>
<u>Глава 31</u>	<u>Выдержки из дневника</u>
<u>Глава 32</u>	<u>Понедельник, 12 июня 1922 года</u>

[Глава 33 Среда, 14 июня 1922 года](#)

[Глава 34 Суббота, 24 июня 1922 года](#)

[Эпилог Воскресенье, 25 июня 1922 года](#)

[Послесловие](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

